

МИХАИЛ СЕРГЕЕВ

ПОСЛЕДНИЙ МУЖЧИНА

РОМАН-ШОК

Михаил Сергеев
Последний мужчина

«Автор»

2012

Сергеев М.

Последний мужчина / М. Сергеев — «Автор», 2012

Роман-шок «Последний мужчина» – книга о живущей в людях подлинной свободе. Не той, к которой зовут площади и мнимые борцы, а единственной, молящей разбудить её. Но она и о чудовище, скрытом внутри нас. Ежечасно, изо дня в день, из века в век человек вершит суд над монстром. Каждый по-своему. С разным успехом. А многие и договариваются. Но неотвратимо у последней черты мы задаем себе вопрос. Какой? Откроет книга.

© Сергеев М., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Последний мужчина	6
Бридж по понедельникам	14
Эдинбург	23
Мастерская зависти	42
Тысяча костров	67
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Михаил Сергеев

Последний мужчина

© Сергеев М., 2012

Читателям моложе 35 лет – пропускать пятую главу.

**Книга содержит ответы на все вопросы,
которые могут быть заданы автору.**

Последний мужчина

На каждый закон жанра найдется свой отступник.

На широкой, уходящей вдаль полосе песчаного пляжа, в двух шагах от воды стоял человек. Чёрные лакированные туфли не оставили никакого следа на затвердевшей после ночного шторма суше. Никакого следа не оставил на земле и человек, которому они принадлежали.

Голубая рубашка резко контрастировала с бледным лицом. Человек сглотнул, поправил галстук и медленно двинулся вперёд. Сегодня разумность оставила эту планету. Но мир перестал существовать для него днём раньше.

Когда вода должна была достигнуть колен, он неожиданно заметил, что не чувствует её сопротивления. Растерянно глянув вниз, мужчина с удивлением обнаружил, что море отступает. Ещё не веря увиденному, он снова сделал несколько шагов. Обнажённое дно уродливо выпячивало блестящие на солнце камни, обросшие водорослями. Эта нелепая картина, а также шум стекающей воды заставили его остановиться.

Человек медленно, словно сознавая что-то, поднял голову вверх и закричал:

– Дай же мне сделать это! Хотя бы это!

– Сначала книгу! – вдруг услышал он. И вздрогнул.

* * *

– Послушай, великий Врубель ведь не сразу начал сходить с ума и терять зрение. Это случилось в определённый момент его жизни.

– В «неопределённый» момент такое не случается. – Сергей, в квартире которого происходил разговор, задумчиво провёл рукой по подбородку.

Новосёлов вопросительно посмотрел на него.

– Я имею в виду, что в этот период он написал своих «демонов». И вообще-то, если конкретно, – «Поверженного демона». Работал над ним «запойно», по семнадцать часов в сутки. Даже в галерею, где висела картина, приходил с кистью и правил. Не боишься?

– Ну вот, и ты туда же, – с раздражением произнёс Сергей. – Мы же договорились, я не сумасшедший. Если ты засомневался, могу представить лица других, расскажи я об этом. Ты что, всё-таки не веришь мне? – Он в упор посмотрел на друга.

– Да почему, – добродушно откликнулся Новосёлов, – я-то как раз не сомневаюсь, – веселый прищур успокоил собеседника. – А вот ты, ты тоже написал, скажем, довольно своеобразную книгу... ну я и провожу параллель. Хотя поверить, честно говоря, сразу как-то... – он запнулся, – но попробую постараться. Представляю лица знакомых, узнай они правду, – добавил гость и громко рассмеялся.

– Именно потому и рассказать-то могу только тебе. Ты ведь ещё в студентах слыл прагматиком. – Сергей помолчал. – Даже жене невозможно...

– Понимаю...

– Между прочим, обезумев, слепой Врубель просил у Бога новые глаза из чистого изумруда.

– Но не получил.

– Откуда ты знаешь? Я как раз считаю наоборот. – Сергей внимательно посмотрел на друга.

– Ладно, – Новосёлов поднялся. – Слушай, пойдём прогуляемся, что ли, пока солнце не село. Да расскажи-ка мне ещё раз, и сначала. Что-то уж совсем невероятное. И вообще, как ты пришёл к этому? Точнее, докатился, – усмехнувшись, добродушно пробормотал он.

Екатерининский парк дышал свежестью. Утром прошёл дождь, и почти высохшие тропы аллеями огибали уютные поляны со всё ещё влажной травой. Они спустились к пруду – его гладь разрезали мамы-утки с весёлыми шнурками из утят, неотступно следовавших за каждой из них. Но один обязательно оказывался проказником, и тогда отец семейства, недовольно крикая, то и дело загонял его обратно в строй.

– Короче, – начал Сергей, – будучи у матери, я захватил с собой книгу. Одного известного и, главное, разрешённого, или одобренного... у них это называется как-то по-другому, христианского теолога, то есть учёного. Православного. К тому же священника. Сейчас книг такого рода множество, и пишут их все кому не лень. Там всякие «Отец Евлампий» или «Преподобный старец света» и так далее. Так вот, «разрешённых» совсем немного. Сам понимаешь, есть два пути, коли ты интересуешься. Один – прочитать все и отбросить по своему усмотрению всякую дрянь – только представь, сколько потребуется времени. Или положиться на коллективное мнение каких-то теологических институтов, к примеру, духовной академии, которая занимается анализом таких публикаций. Ну и отсекает чушь. А остаются, так сказать, «соответствующие» Писанию – ты меня понимаешь?

– Ну да.

– Я особо такими книгами не увлекаюсь, – продолжал Сергей. – Но конкретно эта посвящена проблеме выхода человека из своего тела. Интересный вопрос. Точнее, интересен был взгляд традиционной религии на проблему, а она существует. И здесь такое количество писанины, а ещё больше увлечённых ею, что сам чёрт ногу сломит. Короче, подчёркиваю – праздничный интерес... почти.

– А какая писанина? – перебил Новосёлов. – Я что-то не слышал об этом.

– Да нет, слышал. Ну, припоминай, Моуди. Есть книжонка американского доктора, который стал записывать беседы с пациентами после клинической смерти. Многие из них видели себя со стороны – врачей, пытающихся их спасти, бегающих медсестёр. И главное, во многих случаях они предоставляли доказательства тому. Например, говорили, какие предметы лежат на шкафах операционной, хотя без стула туда и уборщице не забраться. Да и бывали они не только в помещении, но и в каких-то пространствах. Причём ощущения у некоторых были настолько приятными, что им не хотелось возвращаться обратно в своё тело. Довольно известная публикация, претендующая на исследование. Можно сказать, добросовестный труд атеиста-учёного. Смысла сочинять у него нет – таких трудов, прежде всего медиков, достаточно много. Просто Моуди самый известный. Вряд ли их можно заподозрить в преднамеренном искажении фактов, тем более отмечают они примерно одно и то же. Ну и понятно, нормальные люди считают, что такого быть не может. Почти все. Я ведь тоже нормальный. Надеюсь, с меня подозрения снимаются, – он усмехнулся. – Всё-таки первое инженерное образование прививает трезвость анализа, а финансовое некоторый скепсис. – Друзья рассмеялись.

– Так вот, книга этого теолога оказалась просто замечательной. Читаю и обалдеваю. – Сергей сделал паузу.

– Ну-ну, – спутник нетерпеливо посмотрел на него.

– Обалдеваю от того, что автор не просто не отрицает «выход» из тела, а я был убеждён в такой точке зрения традиционной религии, но и утверждает, что христианству подобные явления известны с незапамятных времён. А главное – на них есть ссылки в признанных церковью каноническими трудах, ну, там мучеников, святителей разных. Да и в самой Библии есть прямые упоминания о таких фактах. И ничего удивительного в таких «выходах» нет. Повторяю, так говорит православный теолог. Охренеть! – Сергей снова замолчал.

– Слушай, а что в Библии об этом? – Новосёлов не был верующим, но свечку поставить в церкви возможности не упускал, мотивируя такой шаг, как и все остальные, мыслью: «А вдруг всё-таки...»

– Да ладно, если интересно, расскажу потом. Я ведь упомянул это лишь потому, что не допускал и мысли о согласии религии с изложенным врачами. А тут на тебе!

– И что, и что? – друг нетерпеливо перебил его. – Ну, прочитал, и какой-то вывод или?..

– Да какой там вывод! Книга оказалась почти научным трудом. С действительными фактами, причём в наше время, известными событиями.

– Погоди, а с чего им, этому, – поправился он, – отцу церкви, понадобилось изучение такого мутного вопроса? Ведь своего рода популяризация. Если такое существует, предположим, представь, сколько свихнётся народу. Начнут этим заниматься, собьют ещё больше с толку. Я вот ничего до нашего разговора не знал. И другие тоже. Зачем?

– Дорогой, такие мысли были первым, что мне пришло на ум. Тема, скажем, не особо афишируется, да и сам я убедился, что читать неподготовленным такую книгу опасно. Слишком велико потрясение. По счастью, я прочитал достаточно, так что... – он вдруг остановился и посмотрел вглубь аллеи. Белые скамейки, уходящие вдаль, были пусты. – Давай свернём сюда, – кивнул Сергей и тут же продолжил:

– Но, углубляясь дальше, я понял и основную причину. Дело в том, что автор вступает в полемику с учёными не по факту, а по трактовке последствий такого явления. И даже не последствий, а объяснения, что же это такое.

– А в чем разница для человека? Объясняй не объясняй, интересен сам факт, и желающих поупражняться будет достаточно. Впрочем, пусть. Вон программа об экстрасенсах – народ в шоке от их способностей. Сейчас сложно удивить. Правда, то, о чём говоришь ты, из другой области.

– Да нет. В теме «выхода» центральны две вещи. Они же принципиальные. Первое, на чём сходятся их взгляды, ну, этих атеистов-врачей и церковников, – на существование жизни после смерти. Ведь пациенты видели себя умершими, а потом их снова в реанимации оживляли. Это согласуется с христианством. А вот со вторым – куда именно человек попадает после смерти – они полностью расходятся. Я тебе говорил, что Моуди пишет о невероятно приятных ощущениях пациентов. Таких, что они не хотели возвращаться в своё тело, хотели остаться там, в «нирване». Ну и делает вывод, что существует жизнь вне тела и она прекрасна. Типа, если и есть рай, то вот мои пациенты видели его. И я свидетель происходившего, что добросовестно и записываю. Теолог же, анализируя всё напечатанное по этому вопросу, приводит совершенно противоположные примеры. Тех же врачей. Когда человек, отделившись от тела, испытал такой ужас, что, периодически приходя в себя во время непрямого массажа сердца, кричал: «Доктор, делайте сильнее, ещё сильнее... спасите, спасите, я не хочу обратно, они ждут меня...» А ведь ему сломали три ребра – обычная практика в реанимации, пару нужно сломать, иначе наш мотор не запустить. Дикая боль. Что и потрясло самого врача – до этого его просили об обратном. – Сергей замолк.

– Я что-то такое припоминаю, – друг воспользовался паузой, – слышал однажды... да, увлёкся ты чёрт-те чем. Вот скажи, кому в голову придёт почитать мнение церкви по такому вопросу? Хотя когда год назад ты рассказал, как прочитал «Фауста» в прозе... четыреста страниц вроде?

– Да, и девятьсот сносок с пояснениями. Соколовского. Поэтический перевод, а у нас он обычно укладывается в сорок листиков, хочешь не хочешь, искажает авторство. И суть и мысль. Мы уже читаем поэму переводчика по таланту и способностям. Пусть даже поэта. Между его взглядом и замыслом автора – пропасть.

А вот дословный – другое дело.

– Ты ещё говорил: хочу точно понять, что чувствовал и хотел нам передать Гёте.

– Да ладно. Дела давно минувших дней. Ведь никто не может оценить его как поэта. Кроме немцев. Как и Пушкина кроме нас. А вот как философа и драматурга... Кстати, с последним там из рук вон плохо.

А вообще, книга для власть имущих. Никто не помнит плохого, сделанного в жизни. Хотя таких дел – горы, просто стараются вычеркнуть из памяти. И почти каждому удаётся.

– Не... Ты ещё тот перец! А эта книжонка, полемика вокруг второй жизни, как она связана с тем, что ты рассказывал вчера? Здесь же другое!

– Во-первых, я рад, что ты не очень удивился. Ценное качество не падать в обморок и не считать собеседника чокнутым. И редкое. А связано это так.

Сергей остановился у скамейки, на которой сидела в одиночестве старушка. Неожиданно та подняла голову, и глаза их встретились. Сергей обомлел. Посреди её лба свисала прядь седых волос, перевязанная красной ленточкой. «Не может быть», – мелькнуло в голове. Он быстро отвёл взгляд. На пруду селезень по-прежнему, громко возмущаясь, гонял непослушного отпрыска. Сергей резко оглянулся. Скамейка была пуста. «Нет, об этом Новосёлову говорить не надо. Будет слишком, – подумал он, – рановато».

– Что ты уставился? Она покрашена – сесть нельзя. Давай пройдем дальше, вон к тем клумбам, если хочешь отдохнуть. Хотя я не устал, – голос друга звучал бодро.

– На этой аллее я много раз встречал Казакова.

– Михаила? Актёра? ...Живого?

– Не только. Но не актёра. Его роли вовсе не то, что он оставил людям.

Новосёлов странно посмотрел на него. Сергей смутился, но тут же, вдохнув весеннего воздуха и улыбнувшись, предложил:

– Слушай, а как насчёт обеда? Дома борщ, немереное количество сметаны и отличная водочка. – Было видно, что он рад не озвученной перспективе, а неожиданно удачному разрешению ситуации.

– И перманентно недовольная Вера Петровна, – добавил Новосёлов.

– Ты не прав. Её недовольство всегда обосновано.

И только изредка беспричинно.

– Ладно, пошли, – согласился тот. – Не станет же колом от этого рюмка.

– Только пятая. Она и есть обоснованность недовольства.

Оба расхохотались. Полусонные прохожие, что чередой растворялись до этого в глубине аллеи, с удивлением оглянулись на пару молодых мужчин, завидуя их хорошему настроению. В этот чудный майский день всё было далеко не так, как им казалось.

– Послушай, водку нужно пить обязательно в галстук, – серьёзно сказал Сергей и, открыв шкаф, протянул один из них другу. – Это коньяк допускает послабления.

– Ты полагаешь? – повязывая галстук и явно соглашаясь с ним, произнёс Новосёлов.

– Совершенно иной вкус. Вот увидишь.

Они направились к столу.

– Ну, ни пампушки к борщу, ни обёрнутого черемшой сала вам не обломится. А вот селедку с холодной картошкой и много мяса гарантирую. Всё на столе, сметану положишь сам, – верная своему стилю, произнесла жена и направилась в соседнюю комнату.

– Вера, а ты не поделишь с нами... – слова Новосёлова прозвучали уже вдогонку.

– Увольте.

– Княгиня ответила отказом. Ты что, не знаешь, Вера Петровна не любит присутствовать на действе. Она появляется только в антракте. И не терпит гостей, кроме Светы с Ленкой да, пожалуй, тебя.

– Княгиня?

– А ты посмотри на её внешность. Как такие могли оказаться в Сибири? Точно из «бывших». В Америке принимают за стопроцентную американку, в Германии – за немку. А речь? А манера не торопиться никогда и ни в чём? По жизни. Умение терпеть и стерпеть всё, в том числе меня, что сразу на золотую звезду «героя» тянет. Как пить дать из сосланных. Пожалуй, одну такую же ещё знаю – с Маршала Жукова. Это мы – потомки Чингисхана, арап твою мать!

Оба снова расхохотались. Сергей отодвинул два стула: – Вообще-то для идиллии не хватает дождя за окном. Не сильного, но обязательно продолжительного дождя. Знаешь, так мерно барабанит. Мерно и долго. Хорошо думается при этом.

– Да я смотрю, у тебя целый процесс, – заулыбался Новосёлов. – Обставляешь, значит?

– Павлины, говоришь? А как же. Поди, не каждый день усугубляем.

Хозяин весело потёр ладонями.

Когда третья рюмка, как и положено, полетела «мелкими пташками», Новосёлов отставил мизинец в сторону и, положив двумя пальцами солёный помидорчик в рот, произнёс:

– Слушай, а с галстуком ты прав. Элегантней. И закуска чудо. Так давай продолжим. Как связана эта книга с тем, что рассказал ты вчера?

Неожиданно в комнату вошла Вера Петровна и, достав коробку с мармеладом, посмотрела мельком на приятелей.

– Не по чину пьёшь, – бросила она мужу, направляясь к себе.

– Вера, ты не права, – попытался вступить гость, но Сергей остановил его жестом руки.

– А связана книга вот чем, – он вытер салфеткой руки и встал. – Давай-ка пересядем на диван. Вопрос требует серьёзной обстановки.

Когда оба с чувством глубокого удовлетворения, как могло показаться со стороны, расположились на диване, Сергей начал:

– Собственно, дело не в ней, а в одном из множества приведённых там примеров. Так вот, совсем недавно, уже в наше время, вышла в свет ещё одна книга некоего Роджера Лорно. О его собственных опытах по выходу из тела. Можно было бы не обратить на неё внимания, в том числе и теологу – мало ли сумасшедших печатают выдуманное или вымышленное – как угодно, но Лорно – глава многомиллионной корпорации, и смысла прославиться на писательском поприще, очевидно, у него не было – книжонка небольшая, да и излагает он там только свои наблюдения. Началось всё случайно – во время его собственных экспериментов по запоминанию во сне. По-моему, связано с изучением иностранных языков. Ему казалось это полезным для бизнеса. А такие методики предполагают специальные упражнения по расслаблению, ну и там ещё чего-то. Короче, несколько схожие с приёмами медиумов, которые раньше были в моде – помнишь, дворянские развлекаловки? И вот однажды произошло нечто потрясшее его. Лорно увидел себя со стороны. Причём при ясном сознании. Будучи абсолютно уверен, что это сон, произвёл ряд действий, которые к «невероятному ужасу» – автор так и пишет – утвердили его в противоположном. В частности, он вышел или вылетел сквозь стену и видел обстановку в помещении, в котором никогда не был. А потом после случившегося проверил реальность, и всё совпало. Это настолько потрясло Лорно, что, проделывая такое в дальнейшем много раз и на протяжении многих лет, он тщательно фиксировал свои путешествия сразу по возвращении. Более того, он профинансировал создание института по изучению таких явлений. И наряду с этим мало кто из окружения знал, чем занимается глава корпорации. Причина та же – боязнь прослыть ненормальным.

– Слушай, ну и что он видел там? – нетерпеливо перебил Новосёлов.

– Для меня, кстати, это второстепенное дело, – с некоторой досадой, что друга интересуется вовсе не то, на что рассчитывал, произнёс Сергей. – Ещё читая книгу, я подумал, что у каждого пережившего такое, если всё написанное реально, свой опыт и свои миры. Что же касается Лорно, он описал три пространства, где много раз бывал, – вроде астральных плоскостей, это из выдумок теософов, или из подобного у буддистов.

И пришёл к выводу, что именно туда человек и попадает после смерти.

– А встречал кого-нибудь там, в пространствах? – стараясь выдержать предложенный лексикон, вставил собеседник.

– Да, обитателей там множество – от обычных, в человеческом смысле, до другой крайности, сам понимаешь... я расскажу. Но и не это важно.

– А что?

– Случившееся говорит лишь о том, что человечество имело такие примеры всегда, и они периодически записывались. Так, скорее всего, появилась «Книга мёртвых», ну и прочие. Ведь такие произведения ставили задачу предупредить человека, какой мир его ждёт *там*, и как бы облегчить наш переход туда. Но интересны два момента, – Сергей сделал многозначительную паузу, – первый – то, что теолог, приведя всё, о чём я рассказал, пишет, будто Лорно видел не тот мир, куда мы попадаем после смерти. А лишь промежуточный. Кстати, как и сказано в Библии. И обосновывает свое утверждение. Не приводя его – здесь без серьёзного изучения первой книги не обойтись, – прошу тебя поверить – оно убедительно! И в этом главное и принципиальное расхождение его установок с утверждениями всей без исключения иной литературы на этот счёт. По его мнению, авторы хотят, и очень хотят, выдать желаемое за действительное. Согласись, типичное человеческое чувство – верить более в хороший, нежели в плохой финал.

– Куда же мы попадаем всё-таки, по его мнению?

– Я же говорю, это промежуточный мир. А вовсе не рай, как утверждают остальные. Мир теней, злых духов, как угодно. Эти духи могут представляться очень добрыми, или не скрывать своей сущности, или быть безразличными и принимать разнообразные формы – от узнаваемых до чудовищ Босха. И человек действительно может с помощью специальных приёмов отделиться от тела и побывать там! Но вот оттуда, и только после настоящей смерти, обязательно миновав это «гиблое место», человек попадает в окончательный для него мир. Кто в рай, кто в ад. Так что никакого расхождения и противоречия между самим фактом и возможностью покидания тела ещё при жизни нет. Но заниматься такими экспериментами живущим людям нельзя, губельно для человека. И он объясняет почему.

– И почему?

– Я думал, ты спросишь: «А второй момент?» – опять с некоторой досадой произнёс Сергей.

– Ну хорошо, а второй момент?

– А второй тот, что Лорно косвенно подтверждает утверждения теолога. Дело в том, что я не до конца прочёл книгу американца.

– ???

– Именно. В конце он приводит точные методики, как отделяться от тела. Все упражнения перед этим и последовательность. Потом уже всё происходит почти автоматически. Так вот, Лорно оказался честным человеком до конца. Он не только описал то, с чем столкнулся, и трагедию, которую испытал в результате, но и предупредил перед главой «Как такое осуществить практически», что войти «туда» можно, но выйти – нельзя. То есть, начав заниматься, прекратить эту практику человеку не под силу. – Сергей помолчал. – Последнее я и считаю самым полезным в его книге. Может быть, таким предупреждением миллионер сделал для людей гораздо больше, чем дал им за всю свою жизнь. На что мне хочется надеяться. Кстати, духи, Лорно прямо пишет, и сам «хозяин» того мира предлагают помощь проникшим туда. Тебе не напоминает это «договор с дьяволом»?

– Ты что, испугался?

– Испугался. – Сергей снова замолк. – Я вообще сейчас думаю, что многие ныне известные и богатые люди побывали там. А в тот момент, помню, я боялся перевернуть страницу, обоснованно полагая, что, прочитав, не смогу удержаться от желания попробовать.

– Сильный шаг, – согласно кивнул Новосёлов. —

Я бы вряд ли удержался. Любому хочется заглянуть «за черту», мне так кажется.

– И сделать это сравнительно легко. Именно поэтому, думаю, тема не афишируется церковью. Конечно, не только поэтому. Есть ещё их позиция, крайне отрицательная и обоснованно негативная к такому шагу, что, безусловно, главный аргумент.

– А те авторы там, сторонники – они-то заинтересованы? Печатают ведь, возможно, и без задних мыслей.

– Верно. Но недоверие людей к таким фактам настолько велико, что интереса не вызывает. Впрочем, та книжонка затёрта до дыр. А читал я её в Ленинке.

В других библиотеках нет. В продаже не найти. Значит, какой-то круг интересующихся есть.

– Что-то вроде закрытого общества?

– Может быть. Кстати, в первой книге, той, ученого-священника, приводится ещё один пример. В Швеции в Средние века жил некий Сведенборг, состоятельный человек и даже учёный муж. Он тоже «путешествовал» и также записывал. Две тысячи страниц приятных ощущений, только представь себе. Причем настолько уверовал, будто попадёт туда после смерти, что с радостью покидал этот мир – заказал себе на смертном одре увеселительную музыку. Во удивились. Народ-то темноватый был. – Сергей пощёлкал выключателем настольной лампы из белого итальянского фарфора – любимой вещи в комнате. За окном темнело.

– Ну, вот видишь, ничего страшного. – Новосёлов лукаво посмотрел на него.

– Не дай бог.

– Думаешь?

– Уверен. Тем более, я совсем забыл сказать, в книге отмечается резкое увеличение таких случаев в наше время, а следовательно, и людей, испытавших это. Он даже объясняет почему.

– И почему же?

– Подожди. – Хозяин поднялся и вышел из комнаты. Через несколько минут вернувшись с маленькой книгой и пролистнув несколько страниц, он остановился на одной из них с загнутым углом. – Вот что сам автор пишет: «Никогда ещё человечеству не давались такие потрясающие доказательства – или, по крайней мере, намёки на то, что есть иной мир, что жизнь не кончается и даже обладает более ясным сознанием и жизнью после смерти». И это пишет церковь! А вот ещё: «Более того, этот «потусторонний мир», похоже, сам раскрывается человечеству, которое стремится испытать его... он всё чаще проникает, прорывается в наш мир... «Оккультный взрыв» последних лет был вызван возрастанием паранормальных опытов всякого рода и, в свою очередь, способствовал их распространению», – Сергей перелистнул страницу. – А вот и оценка, послушай: «На одном краю спектра этих опытов находятся «посмертные» опыты...» – то есть, чтоб ты понял, при клинической смерти и в случаях, подобных Лорно, «в которых для контакта с потусторонним миром требуется незначительное волевое усилие или же вообще его не требуется. На другом же краю этого спектра находятся современное колдовство и сатанизм, где уже имеет место сознательная попытка общения и даже служения силам потустороннего мира». Так-то. – Он захлопнул книгу.

– Слушай, я смотрю, у тебя всё подчеркнуто. Изучал?

– А то!

– Да, серьёзная тема. Есть чего опасаться.

– Прямо указано!

– Но ведь с тобою всё-таки случилось. И без всякого желания.

– Мне всё уже кажется сном, – Сергей глубоко вздохнул и отложил книгу.

– Ну а без дьявольщины, просто из любопытства, почему всё-таки нельзя? – не унимался Новосёлов.

Хозяин разочарованно пожал плечами.

– Так не объяснить. Нужно прочесть, и не только это. – Он неожиданно поднялся. – Ладно, а не выпить ли нам по маленькой?

Воодушевление, с которым прозвучали слова, добавило настроения обоим.

– Не возражаю! – гость принял правила игры. – Слушай, а что было потом?

– А потом, потом я поплыл на теплоходе в круиз.

К удовольствию друзей, по откосу подоконника мерно барабанил весенний затяжной дождь.

Бридж по понедельникам

Они целовались на глазах тысяч восторженных обожателей. Они радостно принимали у себя репортёров и раздавали интервью. Казалось, всё было выверено в их жизни. Даже жёлтая пресса не смела трогать самую счастливую пару на свете. Сколько молодых сердец, узнав о них, завидовали такой судьбе. Успех и счастье – не скрывались, не прятались.

А потом, вечерами, он её бил. Остервенело, с исступлением. Бил жестоко в своей расчётливости – чтобы не задеть лицо. Оно приносило деньги. Это тоже было выверено в их жизни.

«...Розовый фламинго, та-та-та-та-та, розовый фламинго, та-та-та-та-та», – грохот музыки из овального зала второй палубы доносил восторг ретродискоотеки. Сергей с усилием открыл дверь, вдавленную сильным сквозняком, и оказался прямо перед барной стойкой. Перекрикивая шум подпевающей толпы, ему удалось привлечь внимание – бармен согласно кивнул, и через пару минут он с бутылкой вина и тарелкой сыра, уворачиваясь от выпивших пассажиров, пробирался вглубь, ища свободный столик. Таковых не было. Неожиданно взгляд остановился на одном. За столиком сидела пара. Мужчина лет сорока, улыбаясь, говорил, наклонившись к спутнице. Та отвечала такой же улыбкой. На красивой голубоватой ска-терти стояли лишь два недопитых бокала. Это обстоятельство и некоторая, как ему показалось, благожелательность сидящих сыграли решающую роль. Он подошёл и чуть наклонился, чтоб спросить разрешения присесть. Его вид с занятыми руками, да и сама обстановка не требовали дальнейших пояснений. Мужчина с пониманием улыбнулся, и, глянув на свою спутницу, согласно кивнул. Сергей присел.

Музыка наконец стихла. Гость посчитал себя обязанным извиниться за нарушенное уединение и тут же выяснил, что те из Борнмута – небольшого курортного городка, что на юге Англии, на берегу Ла-Манша. Он побывал там много лет назад, изучая язык, правда, толку было мало. Зато галерея какого-то местного художника, жившего лет триста назад, привела его в восторг. Тогда Сергей поймал себя на мысли, что тот, в отличие от «великих» и признанных, изображал на полотнах не выдуманную, а реальную жизнь, не задумываясь особенно над её смыслом. С интересом разглядывая детали одежды, предметы быта, он отметил, что жили тогда гораздо чище и одевались аккуратнее, чем представлялось ему ранее. Импонировала и манера исполнения – без нарочито гротескного навязывания болезненных и отчаянных сторон жизни простолюдинов, что контрастировало с работами русских передвижников на те же темы.

Они разговорились. Мужчина, который назвался странным именем Регонд, оказался известным телеведущим, она – бывшей журналисткой, невероятной популярности, ныне же – просто женой, заботящейся о чудных, по их словам, двух детях. Её мать, супруга состоятельного медиамагната, согласилась присмотреть за прислугой и детьми в Англии. Круиз на русском теплоходе был своего рода отдыхом от постоянного внимания на родине. Правда, они сожалели, что и здесь им встретились иностранцы. Именно поэтому «неузнанность» придавала радость общения с Сергеем.

Слово за слово, и он уже с благодарностью к провидению думал об этой встрече, о посланной ему возможности провести хоть немного времени с приятными людьми, вне постоянно мелькающих и уже надоевших лиц случайных круизных знакомых. Они должны были сойти в Лондоне, но впереди ещё был Дувр и... Париж!

– Пари, Пари, Пари... па-ра-па-па-па-па-па-па... – приятный напев с чуть грудным голосом женщины заморозили его на мгновение. Такой раскованности Сергей не ожидал. Она почему-то так и не представилась, но это никак не отразилось на его настроении. «Да, счастливые пары счастливы по-разному», – подумал Сергей и грустно улыбнулся.

– А вы знаете, – чуть помолчав, тихо произнёс он, – что больше всего удивило меня в вашем городе?

– Интересно было бы узнать, – с готовностью откликнулась дама. Муж вопросительно улыбнулся, поддерживая любопытство.

– Я нанял местного гида – высокого сухопарого мужчину в преклонных годах, полагая убить двух зайцев: узнать побольше о курорте и заодно получить практику общения на языке, который изучал. Мы прекрасно провели несколько дней, посещая известные и не очень места, но вот в субботу он сообщил, что завтра уезжает с женой в Лондон – по делам. Я-то был готов заниматься круглосуточно и потому предложил встретиться в воскресенье вечером, справедливо полагая, что от лишнего заработка тот не откажется. Но мой новый знакомый возразил, сославшись на позднее возвращение. Я смирился с потерей этих дней и попрощался до понедельника. Каково же было моё удивление, когда тот с сожалением заметил, что и в понедельник не получится – они-де с компанией в этот день играют в бридж. Я спросил, нельзя ли один раз отложить игру – через пять дней меня здесь уже не будет. Мой доброжелательный гид покачал головой: «Это невозможно. Я играю сорок лет и не посмел пропустить ни дня». Помню, меня смутили слова «не посмел». – Когда Сергей упомянул об этой детали, ему показалось, что мужчина, слегка кусая губу, нахмурился.

– С тех пор я мечтаю научиться играть в бридж, – не придав увиденному значения, их новый знакомый рассмеялся.

– О! Это совсем не сложно, поверьте! – радостно откликнулась женщина. – Хотите, мы дадим вам несколько уроков? – Она, улыбувшись, посмотрела на мужа. Тот согласно, но как-то странно кивнул. – Приходите к нам завтра же, после обеда. Наша каюта двести восемнадцать.

Сергей с благодарностью улыбнулся. «Странно, через одну каюту от меня, а ни разу их не встретил», – мелькнуло в голове.

Музыка вновь тихо заиграла, и он, простившись, решил выйти на палубу. Ветра почти не было. «Завтра первое мая, надо же», – подумал он и невольно поморщил лоб. Стояла тихая тёплая ночь, столь редкая на ветреных просторах моря весной, что сознание такой особенной минуты сыграло свою трогательную роль. От чувства какой-то умиротворенности, от обволакивающей теплоты Сергей прикрыл глаза и, взявшись за поручни, поднял голову к ночному небу. Атлантика! Как редко ты бываешь такой ночью. Как редко человеку дарятся минуты блаженства! Как неприятен бывает мир вне этих мгновений, мир, о котором поэт написал:

*Люблю сей Божий гнев,
Люблю сие незримо
Во всем разлитое
Таинственное зло.*

Сергею не нравился Тютчев. Странная способность замечать демонические грани мира во всём, что видел человек, что его окружало, настораживала. Настораживала невозможность возразить.

Но сейчас он наслаждался:

– Господи, как продлить это чудо? Как сделать вечным?

– Отличная ночь, не правда ли?

Сергей вздрогнул. Бесцеремонность, с которой были сказаны слова, не оставляла сомнений в испорченности вечера. Он открыл глаза и обернулся. Рядом стоял средних лет мужчина в синем костюме, с красным платком в нагрудном кармане. Незнакомец даже не смотрел на него – это добавило раздражения.

«Ещё один иностранец», – чувство дискомфорта нарастало. Сергей был готов уже ответить что-то резкое, но вдруг остановил себя. От незнакомца пахло приятным запахом. «Живанши пи» – обмануться было невозможно. Этот запах он мог отличить от чего угодно.

Именно парфюма, а не туалетной воды, знал – тот давно не выпускался. Неожиданно пришла мысль, что с ним говорили по-русски. Уже с любопытством глядя на незваного гостя, Сергей ответил:

– Да, вы правы, – и тут же смолк, давая тому как-то проявить себя, не считая обязательным самому углублять отношения. Приобретать друзей в кризисе не входило в его планы.

– Если приходит ласковый май, явится и убийца.

– Убийца чего? Мая?

– Майских детей. И тот, кто найдёт его, встретится с Иудой, став счастливейшим на земле.

– ???

– А пока предлагаю вам взглянуть на своё левое запястье при полной луне. Такое бывает раз в четыре года, – неожиданно произнёс мужчина. – Собственно, для того я и здесь. Всего лишь...

Сергей машинально поднял к глазам руку. Рядом с большим пальцем на тыльной стороне ладони обозначились две шестерки. Изумлению его не было предела.

– Вот видите, знак особого расположения. Не каждому такая честь. Иные обходятся татуировкой, правда, видимой лишь другим. Скоро и ваша будет заметна в обычные дни. Дайте срок, – усмехнулся собеседник.

Неожиданно мужчина повернулся и, не говоря ни слова, пошел прочь. Силуэт медленно растаял во тьме палубы.

Сергей в каком-то необъяснимом страхе медленно вновь взглянул на свою руку. Чисел не было.

– Фу, чёрт, – с облегчением выдохнул он. – Кого только не носит по этой земле, – раздражение от испорченного вечера и злость почему-то на самого себя поставили точку на хорошем настроении. – Так, три шага назад. – Он открыл дверь и, медленно спустившись по ступенькам, направился вдоль длинного коридора в каюту. Сон – было всё, что ему оставалось.

Солнечный луч, на мгновение вспыхнув в зеркале на стене, накрыл тёплой волной закрытые веки спящего. Мириады огоньков запрыгали в предутреннем сознании. Сергей открыл глаза. Луч, медленно покинув зеркало, переместился в угол каюты. «Право руля!» – чуть было не крикнул он, наполняясь вновь от этого света хорошим настроением, и, бодро поднявшись, направился в душ. Время пролетело незаметно. Ближе к полудню, искупавшись в бассейне, с намерением «соснуть» он улегся на разложенном шезлонге прямо напротив входа в солярий, монотонно повторяя про себя: мысли лениво уходят, мысли лениво уходят...

– Осторожно с солнцем! Ничего не стоит испортить себе отдых даже в таких широтах.

Сознание, потревоженное окриком, медленно возвращалось. Тревожный голос заставил его открыть глаза. Он посмотрел на говорившего, и неприятный холодок волной прошел по спине.

– Тем более вы мне так и не ответили, отличный ли был вечер, – добавил вчерашний незнакомец, убедившись, что тот пришел в себя, и, как во время первой встречи, смотря куда-то мимо Сергея, направился к открытой палубе. Его тёмно-синий костюм среди массы обнажённых, разогретых тел с выступившими капельками пота почему-то не удивил никого.

«Чёрт возьми, я ответил вам. И не вечер, а ночь!» – хотел выпалить Сергей, но язык не слушался.

– Дьявольщина какая-то, – с трудом пробормотал он и, ошарашено посмотрев на остальных, кинул на плечи полотенце, направившись вслед странному человеку с твёрдым намерением задать пару вопросов. Однако тот будто испарился.

Обед прошёл относительно спокойно. Лишь молодой парень с девушкой, бойко общаясь по-испански, на секунду зашли в ресторан, но, видимо, передумав, тут же покинули зал. Больше никто не нарушал его относительного уединения.

– Можно? – Сергей постучал в приоткрытую дверь каюты.

– Да-да, входите!

Он узнал вчерашний голос. Толкнув дверь и сделав шаг вперёд, мужчина остолбенел: перед ним стояла обнаженная женщина.

– Проходите, проходите, что же вы встали? – вчерашняя знакомая удивлённо, будто всё так и должно было быть, смотрела на него.

– Э-э-э... может... попозже, – пролепетал Сергей откровенно растерянно, не понимая, что делать.

– Ну что вы, самое время, – даже как-то весело ответила она, – мы ведь договаривались, не так ли?

– Да, да. – Всё ещё не соображая, но почему-то уже двигаясь вперёд, проговорил он.

Женщина провела ладонью по своему лбу.

– Полетаем? – тихо спросила она и, взяв его за руку, потянула с собой.

Сергей уловил, что ноги отрываются от пола, и тело, которое уже не ощущалось, поплыло вместе с ним.

– Ты опять за своё! – крик Регонда из распахнутой двери заставил Сергея вздрогнуть.

Но было уже поздно. Стремительно миновав каюту палубой выше, где в каком-то сумасшествии металась на кровати парень и девушка из обеденной его истории, они вырвались наружу. «Уже ночь!» – подумал Сергей и не удивился. Было нечто другое, чему следовало удивляться сейчас.

– Держись крепче, – прокричала спутница, и небо, расколовшись пополам, раскрыло им чернеющую бездну.

Несколько мгновений немного восторга не дали почувствовать, что ветер в его ногах стал усиливаться, быстро превращаясь в вихрь, тянущий тело изо всех сил вниз. Рука разжалась. Он с ужасом поднял голову – женщина, почему-то улыбаясь, стала отдаляться с огромной скоростью, теряясь из виду. Ещё через мгновение он видел уже точку.

– Сатир! Сатир! – огромный кулак с таким грохотом опустился на дубовый стол, что вздрогнули не только приборы, чудом уцелевшие при этом, но и люди, стоящие вокруг. – Это что? Для чего это? Я вас спрашиваю! – рокотал голос. Человек в золотых аксельбантах, чуть приподнявшись в кресле и глядя на помощника, потрясал книжечкой в левой руке так, что, казалось, её красивый переплет вот-вот не выдержит и надломится.

– Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! – голос того, что стоял рядом, еле был слышен. – Николай Васильевич, как дворянин, не хотел ничего дурного, ведь так, Николай Васильевич? Совершеннейший пустяк. Помилуйте! – Он обернулся к человеку в длинном сюртуке, стоявшем понурился голову за его спиной, сделав тому выразительный знак глазами. Болезненное лицо осталось неподвижным. Не дождав ответа и мгновенно скрыв возникшее было недоумение, первый снова повернулся к столу. – Он и сам сожалеет, что так вышло, посмотрите, на нем же лица нет. Как у режиссёра, на набережной. Помните?

– Лица нет... Лица нет... Лица нет... – разнеслось по залу. Все с удивлением посмотрели вверх. Эхо стихло. Каждый подумал, что показалось только ему. Никому выглядеть идиотом не хотелось.

– И по-вашему, это совершеннейший пустяк?! А орден! Вы посмотрите, посмотрите только, что он пишет! – человек за дубовым столом держал уже лист бумаги и, поправив пенсне, прочёл: «За служение высокому прошу лично мне...» – Не дурно-с?! Станислава с мечами! Я принуждён разочаровать вас, сударь, – говоривший кинул взгляд на длиннополый сюртук, – постарайтесь не докучать боле. Да-с! Сделайте милость! – И повернулся в гневе к помощнику: – Он или вы здесь сошли с ума?! – Кулак снова опустился на стол. – Соображать надобно-с!.. Только представьте, чтоб я сам на себя писал прошение об ордене!

– Но желание, ваше превосходительство, желание принадлежать к «высокому». Признание, так сказать. Куда же без него-с. Почитай лет десять как мечтают-с, – вновь вкрадливо,

исподлобья глядя на протее, начал второй. – Да разве ж не все желают? Помилуйте, ваше превосходительство. И потом, заветная мечта – принадлежать-то, ведь так, Николай Васильевич? Так? – настойчиво повторил он. Человек в сюртуке закивал головой. – А орден, ну что орден, мы бы и сами...

– Сгною! Всех сгною! – перебил человек в аксельбантах, вставая. – Хотите, чтоб надо мной смеялся весь Петербург? Вон, – словно обессилив, произнёс он и тут же, сильно закашлявшись, с трудом нащупывая рукой подлокотник, повалился в кресло. Помощник бросился наливать воду из графина.

Мужчина в сюртуке, ещё больше сгорбившись, пятясь, вышел из зала.

– Кто у нас ещё там? – через минуту, отдышавшись, сипло прохрипел человек за дубовым столом.

– Тютчев. Фёдор Иванович Тютчев, – подобострастно склоняясь, произнёс второй, – ещё Фёдоров Николай, библиотекарь с Румянцевской, Булгаков Сергей Николаевич, ваше превосходительство, марксист. Ну и этот-с, господин Флоренский. В который раз уже, прости господи.

– Нет уж, последних только с митрополитом!

– Подъехали-с. Чаёвничают пока, ждут-с. А, простите, Булгакова-то к ним зачем-с?

– Отец-то священник. Не худо бы напомнить. Чует моё сердце, увернётся он от этих, как их...

– Марксисты-с.

– Вот, вот. А потом сраму не оберёшься. Власть-то преемственна! Кому свинью подкладываем? Понимать надо-с! – Он погрозил помощнику указательным пальцем. – Ведь и во вторую кавказскую читать будут! Насилу тогда управились! В зачатке душить, в зачатке! – Его рука сжалась в трясущийся кулак.

И только сейчас оба заметили Сергея, замершего в углу.

– А это кто таков? – грозно спросил первый, с непониманием оглядывая одежду незнакомца. – Кто таков, спрашиваю? Нет, я решительно не понимаю... – Он опять начал подниматься из-за стола.

– Нобеля... – дрожащим голосом выдавил незванный гость. – Что же вы с Гоголем-то творите? Совестью российской.

– Чего-с? Чего-с извоили сказать? – помощник нисколько не смутился, заставив тем самым изумиться ещё больше человека в аксельбантах.

– Да что тут происходит? – зарычал тот. – Какой ещё Нобель?! Комментатор? С «Матч ТВ»? Почему не записан?!

– Торговец смертью, динамитный король. Тот, что учредил знаменитые премии. – Сергей взял себя в руки. – А комментатор... не скрывает, что болеет за «Спартак». Так это не грех.

– Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! Чтобы торговец не совершил... дурного-с... – помощник зло глянул в сторону гостя, – ежели что... искупил, искупил, вот-с. По сей день премии получают-с!

– Кровавые! И не все берут! – выкрикнул Сергей. – Журналисты перепутали смерть брата с его собственной. И назвали в некрологе, как и следовало, – миллионер на крови! Только страх, что это и останется после него, заставил Нобеля учредить свой фонд. Только страх! А вовсе не перемена взглядов на мораль!

– Почем знаете-с?! – вдруг завизжал помощник.

Сидевший за столом машинально отстранился от него, переводя удивлённый взгляд от одного к другому.

– Пьеса! За месяц до смерти он издает пьесу. Единственную, ваше превосходительство! Всего сто экземпляров. – Сергей с отчаянием посмотрел на человека в аксельбантах. – Подчинённые намеренно скрывают её от вас! Церковь запретила дальнейшие публикации, а родственники уничтожили все напечатанные брошюры. Они, да и мы все так думали. И вы осо-

бенно! – Он ткнул пальцем в помощника. – Но ровно через сто лет в королевском архиве Швеции обнаружили чудом уцелевший экземпляр.

– Так его и ждут в другом месте, – ответил помощник. – Да и знаем мы всё это... – вдруг устало произнёс он. – А вы... вы, значит, тот самый? – Голос вдруг стал сиплым. – Мальчишка.

– Мальчишка? Да сколько же ему лет?! – взревел председатель, придя в себя.

– Сорок пять, ваше превосходительство. Летом. – Стоявший у стола ухмыльнулся. – А зимой, если приосанится, годков на восемь больше. У нас в приёмной не записаны-с, ни тот, ни другой, – сделав шаг к синему мундиру и наклонившись, уже с улыбкой подтвердил он. Только в этом ракурсе ото рта до самого уха обнажился уродливый шрам говорившего.

– Боже! – выпалил Сергей, – Да мы с вами встречались! Помните, в подвале музея? Вы ещё сказали мне, что второй раз туда не приглашают! И вот опять...

– Вы ошибаетесь, – прошипел тот.

– Да что ж это такое! Не позволю! – Огромный кулак в третий раз с грохотом опустился на дубовый стол.

Неожиданно чья-то рука, крепко схватив Сергея за локоть, рванула его вверх. Потолок расступился, и зелёная крыша какого-то величественного здания, обложенного сетью каналов, уменьшаясь, понеслась вниз.

– Я ведь говорила тебе, держись крепче! – услышал он. Удивительная спутница была снова рядом. Придя в себя, Сергей крикнул:

– Кто ты-ы?! Как тебя зовут?

– Хельма-а-а!

– Хельма? Ведь всё уже было! Уже написано! – вновь прокричал Сергей. – Зачем же? – Он глянул вверх и тут же услышал:

– Так ты понял, что обещаю тебе я?

В этой фантазмагии, в этом безумном полёте глаза её казались неподвижными. Женщина по-прежнему смотрела на него. Видимо, вид пленника был настолько ошалелым, что, не дождавшись ответа, она крикнула:

– Что же ты хочешь? Так происходит всегда! В эту ночь! Майскую ночь!

Ему вдруг вспомнилось, как жена однажды предупредила: «Смотри, сегодня Вальпургиева ночь». Сергей никогда не был суеверным, но тогда... тогда отложил «Демона» Лермонтова. Успеется, подумалось в тот вечер. Он и не подозревал, как правильно сделал, поступив так. Но майские дети? Их убийца? И человек с палубы? При чём здесь они?

– Впрочем, если только это смущает тебя, забудь! – раздалось сквозь вой ветра.

И тут Сергей почувствовал чьё-то прикосновение. Вторая женщина, также обнажённая, легко, но крепко сжала его правое запястье. У нее был такой же волос, только ещё длиннее, и она тоже улыбалась.

– София! Держи его крепче! – крикнула Хельма, и вихрь, закружившись с удвоенной силой, заставил его закрыть глаза от боли.

Неожиданно всё стихло. Движение замедлилось. Внизу, в бездонной глубине ночи, то там, то тут загорались мириады светлячков, напоминающих огни городов. Медленно проплывая под ними, светлячки беззвучно растворялись, утопая во мгле. Немного придя в себя, пленник с трудом выдал:

– Послушайте, для чего всё это? Что же вы, с любым мужчиной вот так?

Женщины рассмеялись.

– Да, – жмурясь от удовольствия, произнесла София. – А как же иначе? Вы нас слушали всегда, и мы навечно с вами в этом мире. Без нас вы были никто. Даже в первый день творения. А с нами вы стали...

– Преступниками! – перебила её Хельма. – Преступили закон! И какой!

Смех, уже громкий, звонко ударил ему в уши.

– Но мы так не считаем! – пытаюсь возразить, ещё слабо понимая чему, воскликнул Сергей. – Послушайте, – мысль осенила неожиданно, – так все, кого бьют мужчины, ведьмы? – И тут же сконфуженно замолк от глупости вопроса.

– Совсем нет, – весело откликнулась София. – Просто нам это нужно больше.

– Но зачем?

– Тогда вы становитесь ближе к нам, инфицируетесь, становитесь нашей частью. И даёте силы, новые силы. Ох как это необходимо.

Они посмотрели друг на друга, по-прежнему улыбаясь. Казалось, Сергей был какой-то забавной игрушкой в их руках, задающей нелепые вопросы, и тем веселил.

«Чушь, какая-то чушь», – мысли путались всё больше.

– Да и кто хозяин ваших действий? – воскликнула, глядя куда-то вниз, Хельма. – Кто даёт вам повод? Кто руководит вами? Глупые мужчины! – Веселье не прекращалось.

– А как же эмансипация? Если все так, как говорите вы, необходимости нет! Что же происходит на земле?

Женщины расхохотались.

– Это... это для дурочек! – показав рукой подруге вниз, прокричала Хельма. – Отчего не получить удовольствие от глупеньких барышень! А тебе самому разве не нравится? То, что происходит? – сквозь смех выдавила София.

– Я не знаю. Может, и нравится. Но... уместно ли вообще моё сомнение?

– Вот видишь! И здесь ты только следуешь. Ты ведом! Куда мы, туда и ты, и так с первой встречи с женщиной! Впрочем, разве ты расстроен? Честно? Скорее нет. – Хельма лукаво подмигнула ему. Спорить было глупо.

Неожиданно бездна, вспыхнув под ними, вновь раскололась пополам. Подруги переглянулись.

– Посмотри на них! Да, посмотри на эти ничтожества! Ты все поймёшь!

И женщины разом отпустили руки. Сергей камнем полетел вниз. Сердце замерло. Падение продолжалось секунды. Удар, и, скатившись с какой-то насыпи, но не поцарапав и пальца, он с трудом поднялся. «Вот это приключение», – подумал брошенный во второй раз, отряхивая пыль.

Гигантский карьер из сероватых скал и осыпей окружал неуютное место. Ни дерева, ни травинки. «Безжизненность», – первое, что пришло в голову. Но через мгновение взгляд поймал шевелящуюся вдали точку. Без сомнения, это был человек. Сергей, споткнувшись о разбросанные камни, направился в его сторону. Через несколько минут он был уже рядом.

Измождённый от тяжкого труда бородатый мужчина обтёсывал лежащую глыбу. Но узнать в ней какие-то знакомые очертания было нельзя. Однако и то, что работа продолжалась давно, было очевидно.

«Что же он хочет из неё сделать?» – подумал Сергей и подошёл ближе.

– Что вы делаете?

– Разве не видите? – ничуть не удивившись его появлению, ответил тот. – Я откалываю от глыбы маленькие куски.

– Но для чего?

– Чтобы камней было больше, чтобы всем хватило. Последние годы их нужно много, очень много. Иногда стоит даже очередь. Минули лёгкие времена, – бородач устало вздохнул и вытер со лба пот.

– Очередь из кого?

– Из тех, кто приходит за ними. Им нужны камни. Без них лишатся всего, чем владеют. Таково условие.

– Чье?

– Того, кто дал им то, чего желали.

– Разве другим путем нельзя получить желаемое?

– Никак.

– Что же особенного желали они? И для чего им камни?

– Они думают, что это фарфор. Бормочут про какую-то стену. Хотят выложить. Да, видать, не по силам...

А что желали... обычного. Того же, что все. Успеха и благополучия. А камни... Станный вы какой-то. – Мужчина распрямылся. – Видите, что не фарфор, а спрашиваете. Неужели не слышали:

*Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку.
И кто-то камень положил
Ему в протянутую руку.*

– Так это же Лермонтов! – воскликнул Сергей.

– Ну вот, оказывается, слышали. А спрашиваете, для чего им камни. – Мужчина вновь склонился над глыбой.

Неожиданно Сергей увидел, как из-за выступа показался человек. Осторожно спускаясь по склону горы, он направлялся в их сторону. На плече висела небольшая полотняная сумка. За ним появился ещё один, затем ещё и ещё.

– Пришли. Эти всегда идут первыми, – процедил бородач, глядя исподлобья на спускавшихся и продолжая работать.

– Боятся, не хватит?

– Боятся потерять. Много не унесёшь, а как только камни иссякнут, должны отдавать самое дорогое, что есть у них. Так что до конца жизни ходить сюда.

– Что-то я не видел, чтобы нищим давали камни, – вырвалось у Сергея.

– Это с непривычки. Остановись и приглядишься получше, – резко перейдя на «ты», ответил мужчина.

Между тем первый приблизился. Сергей от удивления раскрыл рот.

– Это... это вы?

Человек лишь глянул в его сторону и молча начал складывать отколотые куски в сумку. Подошёл второй.

– И вы? Вы тоже здесь? – Удивление Сергея было настолько искренним, что странный каменотёс с ухмылкой крякнул, глянув на него.

Люди, которых он каждый день видел по телевизору, о которых читал каждый вечер в газетах, шли бесконечной чередой в страшный карьер.

И вдруг он окаменел. Ужас был таким, что сердце, мог поклясться, его сердце остановилось на несколько мгновений и вновь заколотилось с утроенной силой. Прямо на Сергея шёл... он сам. И этот «сам» не видел его. Потрясение было столь велико, что сознание застыло. Неожиданно тот остановился в двух шагах и, словно что-то почувствовав, стал медленно поворачиваться. Наконец глаза их встретились. Оба вздрогнули. Кровь ударила в голову с такой силой, что казалось, её вот-вот разорвёт. Прошло несколько мгновений.

– А... пришел посмотреть, – неприятным чужим голосом произнёс двойник и молча наклонился, чтоб подобрать камень.

Тут Сергей заметил, что часы у того на левой руке. «У меня на правой», – мелькнуло в голове. Кровь отхлынула.

– Это для тебя, – продолжил двойник. – всю жизнь я собираю камни для тебя. Уже устал. Когда же конец? – и зло усмехнулся, но уже через мгновение, выпрямившись, глядя куда-то вдаль, спокойно добавил, – я буду давать тебе их впредь, когда будешь нуждаться. Когда снова

захочешь убивать. До скорой встречи в этих катакомбах, – и, кивнув на зияющую у подножия скалы пещеру, двинулся дальше. – В катакомбах твоей души! – неожиданно обернувшись, прокричал он.

– Хельма!!! – Истерический вопль прокатился по склону, и Сергей, уже теряя сознание, почувствовал на запястьях чужие руки.

– Я же говорила, Софи, ещё рано, – услышал мужчина, взмывая к небу, – сначала нужно было...

Всё потемнело.

В старом храме с чуть закопчёнными стенами, что у Рижской эстакады, было душно. Первое воскресенье первой недели Пасхи собрало много прихожан.

С детьми и без них, одинокие и парами – люди предпочитали ходить на вторую литургию, к десяти. Сергей пришёл сюда в третий раз, и причиной тому была проповедь. Её всегда оглашал молодой батюшка. Он тоже принимал исповеди прихожан, однако с некоторой особенностью. В прошлую субботу непривычно громко, смущая даже второго священника, стоявшего рядом, он произносил слова над склонившимся перед ним человеком. Проповедь в конце была необычайно светлой. Сергей почувствовал такое впервые. «Но это будет в конце», – подумал он и, взяв свечку, молча встал в очередь.

Эдинбург

Далеко-далеко у горизонта, где бирюзовый край таёжной дали сливается с наступающей на землю темнотой, вверх к небу, растворяясь, вился сизый дым. У костра в белых балахонах стояли шесть человек. Каждый из них одной рукой держал бубен, ритмично ударяя по нему. Эти удары, отдаваясь в кронах окружающих деревьев, становились всё громче и громче. Вот уже перерастая в непрерывный гул, они заполнили весь распадок, уходящий от костра на запад. Там, в глубине распадка, вдоль ручья, убегающего по этой низине от нарастающего грохота бубнов, словно обезумев от притягательной силы страшного звука, раздирая о ветки в кровь ладони, карабкались в гору три человека. Наконец они достигли освещённой пламенем опушки.

– Вот они! – крикнул один из стоящих у костра. Остальные тут же обернулись. Человек в балахоне вскинул руку. Двое из появившихся упали замертво. Третий застыл от ужаса.

Была глубокая ночь. Сергей это понял, когда часы в зале чуть слышно пробили два раза. Он открыл глаза. Спальня, шкаф, тумбочка с книгами. Почему пропал сон? Надо хоть сегодня выспаться, ведь уже третий день он ходит как чумной от этих пробуждений.

И каждый раз одно и то же. Нужно ни о чём не думать, ни о чём. Гнать мысли прочь, и сон придёт. Такой приём он всегда использовал в подобных случаях. Но сейчас почувствовал, что эта ночь чем-то отличалась от двух последних и он не заснет, пока не поймет, чем. Так, стоп. Почему тихо уже несколько минут? Даже в такое время на светофоре за окном всегда останавливалась пара машин, но лишь на секунды, а затем приглушённый стеклом рёв моторов вновь давал о себе знать. Шум не мешал ему. За многие годы любой человек привыкает к монотонности тех или иных звуков. Мешало как раз отсутствие их в эту минуту. Неожиданно Сергей обратил внимание, что тени от предметов в комнате падают как-то не так. Всё ещё лёжа, посмотрел на окно. Жёлтый диск луны, тени, тишина... Вдруг он похолодел. Луна... В окне спальни луны быть не может. Она вообще не бывает на северо-востоке небосвода. «Возьми себя в руки, сожми кулаки, убедись, что не спишь. Ущипни себя». – Мысли обгоняли друг друга. Когда он понял, что не спит, страх только усилился. Нужно встать и посмотреть на перекрёсток. Сергей повернулся на бок, вставая с кровати, потянулся к окну... и замер. Хотя всё внимание было направлено в сторону, он не смог не заметить нечто лежащее на его постели. Видя краем глаза, что это было, потрясённый, он с невероятным усилием, надеясь, что ему всё-таки кажется, медленно повернул голову. На месте, откуда Сергей только что встал, лежало его тело. С открытыми глазами.

«Лорно, – мелькнуло в голове, – но я ведь не дочитал. Я не могу знать приёмов выхода из тела. – Он лихорадочно соображал. – Так, что писал Лорно – нужно преодолеть главный страх, страх невозврата. Для этого нужно вернуться обратно. Попробовать «закатиться» в него. И ещё... – он сразу же вспомнил – никому не говорить о случившемся, а то примут за сумасшедшего. Мысли путались, беспорядочно наваливались на него, сознание с трудом пыталось выделить из них смысловой ряд, хотя вряд ли сейчас понятие было уместно.

Неожиданно он обнаружил, что не стоит, а парит над полом, едва касаясь его. Сергей медленно, страшно боясь нарушить последовательность движений, словно в киноплёнке, отматывающей назад кадр за кадром, опустился на постель. «Ложись, – приказал он себе. – Теперь опусти руку. Она должна лечь в ту, на простыни».

В точности повторив написанное и убедившись, что он в своем теле, Сергей глубоко вздохнул. Никакой луны в окне уже не было.

Утром он проснулся, помня в деталях всё и точно. Весь день молча бродя по городу и думая о ночном кошмаре, решил пойти в церковь. «В такие минуты, – подумалось, – есть

только одна надежда у человека. Только с Ним можно поделиться и попросить помощи». Эта убеждённость придала ему силы. Такие нужные сейчас силы.

Батюшка молча выслушал его.

– Знаете, в пятницу после обеда здесь будет один священник. По-моему, это тот, кто вам нужен.

Три мучительных дня до пятницы тянулись бесконечно. «Бесконечности» им добавляло ожидание, что такое повторится вновь.

Священник был стар. Стар настолько, что это расстроило Сергея. Из боковой двери алтаря его вывели под руки два молодых инока и усадили на принесённый стул. Руки, даже сложенные вместе, подрагивали. Да понимает ли он что-нибудь, – сомнение усилилось. Сергей сделал шаг вперёд. Неожиданно священник поднял глаза.

– Батюшка... – начал Сергей.

– Мне рассказали про вашу беду, – тихо проговорил тот. – Не всё, не всё, чадо, что предлагают, читать надобно. Просто так они вас не отпустят.

С этими словами по-прежнему дрожащей рукой он достал из разреза подрясника крохотную шкатулку, раскрыл её и подал Сергею крестик на золотистой верёвочке. Крестик был необычный, не похожий на православный – очень маленький, с равными и странно широкими крыльями лучей.

– Это греческий крест. Когда-то он помог мне. Возьмите. – Священник замолчал, вспоминая о чём-то. – Тогда я был совсем молод, на Халкидике, местные монахи рассказывали о подобном случае. Правда, тот человек не вернулся оттуда. Сгинул.

Сергей зажал крест в кулаке. И тут он мог поклясться, что ясно почувствовал, как горячая волна, мягко прокатившись по руке, разлилась тёплым и нежным светом в его груди. Сознание поплыло. Секунда, и он с усилием уже взял себя в руки.

– Но помните, – голос старца совсем ослаб, – главное зависит от вас. Мне для этого пришлось уйти в монастырь. Уберёг Господь... Господь милостив. —

Он, сделав жест инокам и бормоча: «Беда-то, беда-то какая...», – проследовал к двери. У самого алтаря старик вдруг обернулся, посмотрел на Сергея и перекрестил его.

– На днях приезжает Новосёлов, ты помнишь? – голос Веры Петровны из прихожей заставил мужа прийти в себя. – Я съезжу, отправлю посылку маме и часа через два буду.

Он не ответил.

Когда такое случилось во второй раз, Сергей был уже готов. «Главное зависит от тебя» – услышанное в церкви, он запомнил. «Но что главное? – Сознание, что просто отмахнуться от этого не удастся, заставляло быть прагматичнее. – Здесь я думаю, а потом делаю шаг вперёд, в книге ясно сказано – мысль и движение совпадают, а вижу я всё сразу, вокруг и одновременно. Думай с осторожностью».

Сергей посмотрел на стену. Его рука стала вытягиваться и, коснувшись стены, продолжала проникать в неё, чувствуя все слои штукатурки. Да, он так и писал: «Ты проникаешь через препятствие, но чувствуешь его твердь». То есть ты по-прежнему материален, просто твоя материя невероятно тонкая.

И все-таки, сколько ни думал о предстоящем Сергей, сколько ни готовил себя к неизбежному, в чём почти не сомневался, у него появился новый спутник – страх. Вспомнилось похожее ощущение на охоте, в Сибири поздней осенью, в тайге. Когда они собрались у зимовья, ужиная у костра, и рассказывали охотничьи байки, сопровождая их хохотом и очередной кружкой со столь популярным у народа напитком. За этим обычно следовало предложение в одиночку отойти метров на сто от избушки за припрятанной днём бутылкой вина, причём смельчака ждал приз. Он не помнил, чтобы хоть кто-нибудь решился.

– Понимаешь, Серж, – сказал в один из таких вечеров Новосёлов, когда все уже улеглись и они остались у костра вдвоём. – Человек утратил связь с природой. Сотни веков назад они

были единым целым. Как сейчас звери. Ведь тогда везде была тайга и опасность. Но то были привычные для него условия жизни. За тысячелетия всё изменилось, и сегодня природа и мы враждебны, особенно ночью. И если даже кто-то и может идти по ночному лесу, то это уже результат логики. Логике и убеждённости в том, что ты защищён ружьём, уверенностью, что шум распугнёт его обитателей.

– А почему «особенно ночью»?

– Когда силы зла господствуют беспредельно! – рассмеялся Новосёлов. – Помнишь «Собаку Баскервиллей»?

– Нет, нет. В этих словах есть непреклонная истина и смысл. Они действительно здесь и рядом.

– Силы зла?

– Именно.

– Раньше ты не был мистиком, – заметил Новосёлов, посмотрев на ярко-желтый диск луны над деревьями. – Однако и мне не по себе, пойдём-ка в дом.

Всё, что вспомнил Сергей, стоя у окна в этот, второй раз, длилось какое-то мгновение, но его оказалось достаточно. Мысль и движение совпали. С тем же страхом, но уже растерявшись, он успел только заметить огни удаляющегося города, мелькнувшие контуры каких-то сопков, гор, синееющих во мгле, и с невероятной быстротой приближающуюся землю.

Вдруг все шестеро в балахонах, вытянув по направлению к несчастному руки и не переставая бить в бубны, стали медленно поворачивать их в сторону огня. Неожиданно тот рухнул наземь. Сопровитываясь изо всех сил, упираясь ногами в землю и оставляя в ней глубокие чёрные борозды, обречённо волокно по ним неведомой силой. Случайные ветки, за которые он хватался в отчаянии, с треском ломались, наполняя холодный воздух сухими выстрелами, напоминавшими удары хлыста. Искажённое гримасой лицо выдавало полное отчаяние обезумевшего человека.

Эта жуткая картина застала Сергея прямо над опушкой у крон деревьев. Несчастный отчаянно старался убрать ноги в сторону, пытаясь изменить направление, но всякий раз под ударами страшного хлыста, будто кто-то дёргал за невидимый канат, резко возвращал их на место. Между тем костёр разгорался сильнее и сильнее. Балахоны медленно расступились, ни на мгновение не отпуская тело. Огонь был уже совсем рядом. Низ одежды человека вспыхнул.

– Отпустите его!!! – страшно закричал Сергей.

Все вскинули головы вверх. Костёр охнул и, рассыпавшись в миллионах искр, погас. Лес погрузился в темноту.

«Домой», – мелькнуло в голове.

Сергей лежал в постели. Его колотил озноб. Пытаясь поднять трясущуюся руку, он молил только об одном – чтобы та не разделилась. Попытка удалась. Вот как ты оказался готов, – эта неприятная мысль была последней перед провалом в сон.

Узкие улочки курортного Борнмута вечером были особенно уютны. Автомобили столь редко нарушали уединение парочек, сидящих на верандах кафе, что, казалось, в этом маленьком уголке Англии ещё сохранился какой-то другой, прежний мир. Мир, где никто никуда не торопился, не спешил навстречу, расталкивая таких же бегущих уже по своим, и, конечно, неотложным делам прохожих. Мир без визга тормозов, воя сирен и прочих унылых атрибутов мегаполиса. Здесь всё было по-другому. Даже чарующие консервативным видом такси среди затерявшейся во времени жизни, оттого будто замершей в этом мгновении, двигались медленно и бесшумно, стараясь не пугать тишины. Но и они были никому не нужны.

Сергей медленно, растягивая удовольствие, допил кофе, встал из-за столика и неторопливо направился к отелю. В холле никого не было. Даже портъё, понимая, что никому не нужен в такое время, отлучился куда-то по делам. Лишь у лифта он заметил ещё одного человека.

Стоптаные ботинки, поношенная зелёная куртка, а может униформа и совершенно неуместная для курортного отеля грязная кепка странно диссонировали с уютом и тишиной.

Двери бесшумно разъехались, и они оба зашли в кабину. Сергей нажал седьмой этаж. Человек даже не посмотрел в его сторону. «Мне на седьмой», – он вопросительно глянул в сторону незнакомца.

– Вы можете ехать куда вам угодно, раз перепутали лифт. – произнёс тот, не оборачиваясь. – Одних он поднимает в библиотеку, других опускает в преисподнюю. Сегодня вам повезло.

Сергей пожал плечами. Лифт тронулся. «Может, какой-нибудь рабочий, видно, в негативе после трудов. Бормочет всякую чушь. – Он снова бросил взгляд на странного человека. – Всё равно мог бы и повежливей».

Двери открылись, Сергей повернулся и, выходя из кабины, вдруг услышал за спиной:

– Проливной дождь не бывает меньше минуты, иначе это не просто дождь.

Он быстро повернул голову и вздрогнул, увидев в последнее мгновение испещрённое морщинами лицо говорившего. Глубокий изогнутый шрам разрезал его левую щеку от уголка рта до самого уха. Словно какой-то злой художник сделал кистью этот мазок, чтобы чудовищная улыбка никого не могла ввести в заблуждение.

«Где-то я его видел... впрочем, чушь. Хорошо хоть не в тёмном переулке», – подумал Сергей, не успев осмыслить сказанное.

На следующее утро он проснулся в прекрасном расположении духа. Возможно, от того, что никаких планов на понедельник у него не было, или что солнце уже встало, заливая роскошные ветви огромной глицинии с цветами ещё какого-то дерева, заставляя думать только о хорошем. «А это была бы легкая прогулка к морю», – подумал Сергей и вышел из отеля. На улицах почти никого не было. Миновав старую городскую площадь, он свернул на улочку, ведущую к скверу с протекающим по нему ручьём. Ему хотелось насладиться ещё и пением птиц, а сделать это можно было только утром. Ох как много хотелось ему тем чудесным утром!

Неожиданно мысли оборвал тихий, но неестественно длинный скрип тормозов. Сергей обернулся. Рядом с ним остановился длинный лимузин. Водитель, опрятного вида мужчина в белой рубашке, вышел из авто. Сергей уже было тронулся дальше, как услышал:

– Мистер, простите...

Он обернулся. Водитель шел прямо к нему.

– Вы мне?

– Да, да. Простите, я за вами. Вас ждут.

– Кто? И где?

– Там, – водитель кивнул в сторону лимузина.

– Вы ошиблись, – уже уверенно ответил он и, повернувшись, направился прочь.

– Нет. Не ошибся, – окликнул другой голос, который показался ему знакомым. Сергей обернулся. Рядом с автомобилем стоял его вчерашний гид Роберт.

– Вы? – удивлению не было предела. – Но ведь вы заняты сегодня, – начал Сергей, – ведь бридж, сорок лет... – Он с недоумением смотрел на своего нового знакомого.

– Понимаете, мне поручили... – тот смутился, но сразу же поправился, – появилась возможность... вы ведь хотели пообщаться в среде, языковой среде, не так ли?

– Да, – неуверенно, всё ещё не понимая, что происходит, пробормотал Сергей.

– Так вот, группа моих друзей, состоятельных друзей, – подчеркнул он, – отправляется на два дня в одно место под Эдинбургом, я и подумал...

– Но ведь это далеко. Север Англии, – недоумённо произнёс Сергей.

– Шотландия. Вы ведь никогда не бывали в Шотландии?

– Нет. Но как-то всё это неудобно, да и по времени... И потом, я не знаю никого из ваших друзей.

– В самолете два свободных места, а лететь всего тридцать минут. Я рассказал им о вас. Мои знакомые, – Роберт на секунду смолк, – очень просили меня... А вам это ничего не будет стоить. Ну как, идёт? – он улыбнулся. Улыбка решила всё.

– Так что, прямо отсюда?

– Времени нет. К сожалению.

Когда они в роскошном лимузине мчались по дороге в аэропорт, Сергей, повернувшись к спутнику, спросил:

– А всё-таки, как вы нашли меня? И как же отступление от столь незыблемого правила? Бридж по понедельникам?

– О, это было очень просто... для меня, – тот снова улыбнулся. – Что касается игры, так её никто не отменял. – Его знакомый сделал загадочное лицо.

Сергей кивнул, показывая, что доволен ответом, и, также улыбаясь, пожал плечами.

Самолет, легко разогнавшись, взмыл вверх. Наш герой огляделся. Ему были видны только два человека, сидящие ближе других. Они с Робертом последними зашли в салон, и тот не познакомил его с остальными.

– Н-да, ничего себе приключение! – промычал он и уставился в иллюминатор.

«Агентство необычных путешествий». – Сергей вспомнил вывеску, которую однажды увидел на Покровском бульваре. – Ну да, угадывайте с двух раз, в чём их необычность, – узнав об этом, заключила жена. Он всегда смеялся, вспоминая тот случай. Сегодня смешно не было.

Через полчаса они уже сходили по трапу к трём ожидавшим их автомобилям. Сергей насчитал шесть человек. Одному из них, по-видимому, стало плохо, и его поддерживали двое, которых сменили подбежавшие водитель и сопровождающий.

– Как-то неудобно, надо бы представиться, – обратился Сергей к спутнику.

– О, не беспокойтесь, это не принято. Впрочем, они также не знакомы, точнее малознакомы. Так что не смущайтесь, – и предваряя возможные расспросы добавил: – Мы сейчас едем в замок на западном побережье. Дорога займёт три часа, проедем и по Эдинбургу – древней столице шотландских королей. Замок-музей, Калейн, название ни о чём не говорит? На втором этаже есть несколько элитных номеров.

– Нет... никогда не слышал, а на первом?

– На первом картинная галерея. Кстати, рядом местечко, где родился Бёрнс. Знаете, разительный контраст – скалы, замок, неприветливые и вечно холодные воды океана, а в трёх милях уют и умиротворение. – Он почему-то невесело, как показалось Сергею, усмехнулся.

Проезжая по улицам, он заметил, что часть окон в старинных домах заложена кирпичом, правда, при этом со вкусом отделана декором.

– Налог. Средневековый налог на окна. Как только ввели, так и заложили. Как только познакомишься, так и пожалеешь, – уже задумчиво проговорил знакомый.

– Что? Что вы сказали?

Роберт спохватился:

– Нет, ничего, о своем я, о своем.

На самой окраине города он неожиданно остановил машину.

– Хочу показать вам одно знаменитое поле для гольфа, первое в Эдинбурге.

Они вышли. В двух метрах от машины, за прозрачным павильоном автобусной остановки, лежало совсем маленькое ровное поле. Сергей хотел что-то спросить, как вдруг в то же самое мгновение на них с неба рухнул, иного слова не подобрать, проливной дождь. Оба бросились под навес. Дождь лил с такой силой, что нельзя было и думать перепрыгнуть эти два метра, отделяющих их от лимузина, не промокнув до нитки.

– Вот это настоящая Шотландия! – с восхищением произнёс Сергей. – Здесь без зонта и водителя нам не обойтись, – добавил он, глядя на своего ещё вдруг более постаревшего гида, зная, что на такой случай в каждой машине есть огромный зонт.

– Не волнуйтесь. Не пройдёт и минуты, как *этот* дождь прекратится, – слова что-то напомнили Сергею.

Неожиданно, как по мановению волшебной палочки, стало ясно. И только тут он подумал, что его спутник почему-то сделал ударение на слове «*этот*».

«Брось искать кошку в тёмной комнате – её там нет!» – Уже находясь в салоне лимузина, вспомнил он известное выражение и, внимательно посмотрев в сторону мини-бара, повеселел. Взгляд не остался незамеченным. Предложение выпить пришлось как нельзя кстати.

Через два часа, миновав пологие склоны гор с раскинувшимися у подножья огромными полями ячменя, эскорт машин достиг побережья. Свернув направо и потратив ещё минут десять, они увидели замок с тремя серыми башнями, с небольшими, едва заметными на их огромном фоне окнами. Три стены между ними выглядели куда более современно, хотя, без сомнения, были из той же эпохи.

Лимузин въехал во внутреннюю часть строения и остановился. Они вышли. Других машин почему-то не было.

– Они придут попозже, к ужину, – заметив удивление гостя, пояснил Роберт. – Здесь недалеко... одно дело... Короче, у вас будет свободное время. Можете ознакомиться с внутренними покоями замка. А пока вам покажут комнату, где будете ночевать. К столу всех пригласят. – С этими словами он кивнул в сторону невесты откуда взявшейся старушки, которая, что-то бормоча и глядя на Сергея, махала рукой, приглашая следовать за ней. – Не обращайтесь внимания, – улыбнулся Роберт. – Она состарилась в этом замке, сами понимаете, вернее, поймёте, – уточнил он и сел обратно в лимузин.

Через пару секунд Сергей остался уже один. Неожиданно он заметил, что старушка скрылась за маленькой кованой дверью в глубине двора, и тут же заторопился вслед.

«Ищи потом её. В конце концов, побывать в настоящем замке, родовом гнезде шотландской знати, было не худшим выбором в этот понедельник, только всё как-то спонтанно», – подумал он, догнав старуху на узкой лестнице, ведущей наверх. После утомительного подъёма они наконец достигли второго этажа.

Пройдя по длинному коридору с высоченными стенами, странная провожатая вывела его в большую круглую залу с высокими, переходящими своей формой в конус окнами. Башня, понял Сергей. Прямо перед ним на противоположной стене нависал тяжёлый по своей форме козырёк огромного камина. В трёх метрах за углом начинался какой-то коридор.

Старуха повернула налево и махнула рукой. И тут заметил перевязанную красной ленточкой прядь волос у нее на лбу, которая что-то шевельнула в памяти. Та приоткрыла низенькую дверь в какое-то помещение, и Сергей увидел нагромождённые ящики с пивом, виски и много коробок с незнакомыми этикетками. Странно, обычно такие запасы хранятся в подвале. Старуха что-то бормотала, указывая внутрь.

– Это все можно пить? – спросил он, не понимая, что хочет сказать та.

Женщина согласно закивала и, развернувшись, направилась в залу.

– Вот тебе и языковая среда, – усмехнулся Сергей и пошел следом.

Комната, в которой он должен был провести ночь, имела только одно окно. С трудом открыв его, Сергей вынужден был перегнуться через метровый подоконник, чтобы посмотреть вниз. С огромной высоты хорошо было видно, как волны, разбиваясь о подножье скал, смотрелись мелкими безобидными барашками. Приглядевшись, он понял, что эта часть замка стоит на утёсе, который, обрываясь вниз, многократно увеличивал высоту обзора. До самого горизонта в океане не было видно ни одного судёнышка. «Да, невесёлое место. Это тебе не замки Луары, где вино, радость и веселье поныне, как и века назад, усердно служат их хозя-

евам – французам. Каково же здесь ночью?» – Сергей сполз обратно и только тут увидел в углу накрытый стол. Несколько кусков ветчины, маленькие колбаски и сыр напомнили ему, что голод куда сам деться не может. Бутылка пива и закуска моментально вернули погасшее было настроение. «Пойду-ка пройду по замку», – решил он и направился к двери. Минув давнящий камин и повернув за угол, Сергей обнаружил широченную винтовую лестницу из камня, уходящую вверх и вниз.

«Картины внизу», – вспомнил он и стал с некоторой осторожностью спускаться.

Гигантской толщины стены, это можно было заметить при входе в широкую галерею, уходили вверх, показывая размах мысли безвестного архитектора. «Умели строить, – такая мысль пришла в голову ещё там, наверху. – Капитально, на века. Видно, была прямая необходимость». Слева и справа вдоль всей галереи были развешаны портреты. Большой размер картин, под стать самим стенам, говорил о важности изображённых персон.

Сергей направился вглубь. Краски на портретах поблекли от времени, но не это делало их героев мрачными. Он внимательно пригляделся. Лица. Конечно, лица. Ничем, казалось, не примечательные, они источали тревогу. Без неприязни смотреть на это было невозможно. Каждый из них, встречая гостя своим взглядом, как только тот подходил ближе, пристально сопровождал его, словно передавая соседу. Так повторялось с каждой картиной. Какое-то неприятное чувство, точнее, ощущение оживающих персонажей нарастало.

«Типичное свойство любого портрета, не обращай внимания», – сказал он себе, стараясь успокоиться. Но что-то настораживало и кроме этого. Несколько раз ему казалось, что он видел, может, мимолётно, когда-то давно, изображённых на картинах людей. Мысль неотвязно следовала, пока Сергей не остановился у одной из них, пытаясь возродить хоть какие-то воспоминания. Неожиданно ему померещилось, что человек в голубоватой мантии, пристально смотревший на него со стены, прищурился. Сергей невольно сделал шаг назад.

– Который из них приснился вам ночью?

Он, вздрогнув, обернулся. Позади стоял маленький тщедушный человечек во фраке, с белым жабо на груди.

– Здешний управляющий, – представился человечек и, видя удивление мужчины, пояснил: – Всем, кто ночевал здесь, являлся кто-то из галереи. Да по-другому и быть не может, замок полон привидений.

Сергей стоял, глядя на незнакомца в некотором оцепенении. Поразило не столько его появление, сколько манера говорить, не выражая эмоций. Мимика на лице странного человека отсутствовала. Её просто не было. Кроме того, едва шевеля губами, будто для приличия, тот ни разу не посмотрел на гостя. Его отрешённый взгляд, остановившись на картине, перед которой они стояли, замер и не двигался.

– Я... я ещё не ночевал... – пробормотал Сергей. – Я только сегодня приехал. И всего на одну ночь.

– Так вы тот, кого привезли после обеда, – по-прежнему глядя перед собой, бросил человечек. – А я-то думаю, о ком все говорят и говорят.

– Кто говорит?

– Они, конечно, – незнакомец кивнул на портреты. – А то, что на ночь, так это славно, славно. Поддерживать традиции так благородно, – невозмутимо добавил он.

– Какие традиции?

– Я же сказал, славные. Те, что написаны в книге рукой постояльцев, она вон там, можете почитать. Замечательная книга. – Он указал вглубь галереи и направился туда. – Никто больше одной ночи здесь и не задерживался, – продолжал тараторить человечек. – Вы тоже завтра напишете, если, конечно, сможете.

– Что значит, «сможете»?

– Вот, пожалуйста. – Будто не слыша вопроса, тот взял со старинной консоли, стоявшей у последнего портрета, книгу, заметив: – Перелицевать бы – потёрта. Очень, очень изящно написал, к примеру, Лорно, нет... лучше Трумэн, – с нескрываемым восхищением проговорил незнакомец, чуть шевельнув губами. – Трумэн ночевал здесь... минуточку, – листая страницы, продолжал он, – да тем жарким летом, сразу после войны. Пожалуйста, девятьсот сорок пятая, снизу.

Он протянул Сергею книгу, по-прежнему глядя мимо.

– «Согласен получить всё. Ведь я этого достоин!» – прочитал Сергей и с недоумением поднял глаза на своего странного сопровождающего. – Что это значит?

– Да вы, я смотрю, к тому же и невежда, – с сарказмом в голосе, но только в голосе, с ничего не выражающим лицом произнёс тот. – Чему вас учат сегодня, если не знаете, что он приказал сбросить атомную бомбу на Хиросиму ровно через месяц после проведённой здесь ночи? Достойный, достойный поступок великого человека! – вновь с восхищением добавил он. – Ведь и вы будете чего-то достойны, не так ли? Жаль, что тысячи из них всё-таки спали. А если бы нет, только представьте, за ту самую отпущенную секунду вы успеваете заметить, как мгновенно обуглилась ваша кожа. Вы не узнаете себя. Каковы впечатления! И даже почувствовать запах! – Он потянул носом. – А какая боль! Ни с чем до того не сравнимая боль! Система работает по-прежнему без сбоев... почти.

Его рука, с усилием сжав книгу, потянула её обратно. Сергей нехотя разжал пальцы, лихорадочно думая о чём-то.

– Да, но пилот того самолета, что сбросил... сошёл с ума!

– Зато штурман, Теодор Ван Керк, оказался достойным! – парировал человек, проявив завидную память, и ударил по книге: – До конца жизни, представьте, до конца гордился совершенным. Так что награду... получил, – и, видимо, довольный оставленным впечатлением, ласково погладил обложку. – Как видите, и простых людей отзывы имеем. Но, замечу, слова «я ни о чем в жизни не жалею» произнесены не им первым. Как, вы сказали, имя другого? Пилот?

– Пол Тиббетс. Он написал на борту имя своей матери – Энола Гей.

– Нет, не припомню, – покачал головой незнакомец и с грустью добавил: – Какие похожие судьбы! Какие значимые для обоих награды. Лишь названия разные. Жизнь и смерть. Один пожалел, другой протянул дьяволу руку. Какая пропасть разделила мир их рукопожатием с тех пор...

Гость с нескрываемым удивлением смотрел на человека.

– Ой! – Тот вдруг прикрыл губы рукой. – Что я говорю, что говорю! Простите, простите несчастного!

Сергей от изумления открыл рот.

– Поди... и дракулы всякие тут есть, – переварив наконец сказанное, выдал он.

– Шестьсот четырнадцатая страница, – ответ был мгновенным.

– Ах вот оно что! – неожиданно поняв суть происходящего, медленно произнёс гость и, с трудом сдерживаясь, добавил: – Я заметил, отзывы все одинаковы. Что, на всех страницах одна фраза? – Сергей в упор глядел на управляющего.

– А как же иначе? Как же иначе-то? Для чего тогда эта ночь? – ни один мускул не дрогнул на его лице.

– А кого-нибудь, кроме скопища дерьма, вы здесь принимали? – Он сжал кулаки и угрожающе сделал шаг вперёд.

– Помилуйте, какое же скопище? – отступая и нервно листая книгу, защebetал человек. – Вот Набоков, Владимир Владимирович. Позвольте... вот – ночевал в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году! Как сейчас помню, очень, очень обходительный господин...

– Да что вы слушаете его! Он же сумасшедший!

И представился, наверное, управляющим. – Голос был знаком. От входа в галерею к ним быстро приближался Роберт. – Джеймс, – он аккуратно, но с силой взял человечка под локоть, – иди к себе, Джеймс. Иди, – уже настойчиво добавил он.

Тот, повинувшись, двинулся к лестнице, понурился головой.

– Но книга! Дайте... заберите у него книгу! Я хочу почитать... – затараторил, придя в себя, Сергей.

– Да какая там книга! Он сам же её и пишет, тем и шокирует посетителей, – рассмеялся Роберт. – Такое вот ходячее недоразумение. Не берите в голову. Лучше ступайте, отдохните. Ужин чуть задержится.

Вернувшись к себе в комнату, Сергей прилёг на постель. Только сейчас он почувствовал, как устал. Полумрак быстро наступивших сумерек, да и проведённый в непривычном ритме день дали о себе знать. Сон тут же навалился приятной тяжестью.

Его разбудил протяжный, едва уловимый сквозь ритмичный шум прибоя крик из распахнутого окна: «...илла!...милла!». Он сел. Было далеко за полночь. Подойдя к окну и с трудом перегнувшись, Сергей посмотрел вниз. На небольшом выступе у подножья скалы стояла, протянув руки в сторону океана, женщина и что-то кричала. Длинная красноватая ткань платья взлетала под порывами ветра и тут же падала. «Кам-и-и-лла!» – услышал он сквозь рёв накатывающих волн. «Софи-и-и-и!» – вновь донеслось до него.

Он пригляделся. «Не может быть», – резануло в голове.

– Хельма-а-а-а! – прокричал он. – Хельма-а-а-а!

Женщина медленно подняла голову и, заметив его, скрылась за утёсом. Сон прошёл.

Откуда я её знаю, откуда я её знаю? – Мысль, вызывая резкую боль, пульсировала в мозгу. – Что там было ещё? Книга. Да, книга должна быть там. Ужин, нет, это потом, потом...

Сергей почти бегом спустился в галерею. В конце на слабо освещённой старинной консоли по-прежнему лежала она. «Так, первые страницы... Не знаю, не знаю, – он лихорадочно переворачивал их дальше. – Тиберий, Калигула... понятно, а в конце, последнее время... – он с заметным усилием перевернул тяжёлую книгу лицевой стороной вниз. – Ницше, ефрейтор... ясно... – Вагнер, вдруг прочёл он, и губы его зашевелились. Известные композиторы, писатели, режиссёры и драматурги голливудского олимпа, знаменитые финансисты и художники, издатели, главы корпораций и государств прошедшего и нынешнего века, все успешные и великие были здесь. Но, к удивлению, их фамилии чередовались с совершенно неизвестными.

«А эти... зачем же эти...» – мелькало в голове. И тут его осенило. Страшная мешанина сильных и безвестных этого мира говорила лишь об одном. О чем-то общем для них. О том, что связывало этих людей крепче родной крови, крепче страха перед самой смертью. Да, да – перед нею. Ибо попасть в эту книгу значило умереть для себя ещё при жизни. – Мысль пришла неожиданно. – Значит, не только успех... нет, стоп, не успех приводит сюда, а они за успехом. Приходят. Или приводят... В этот замок приводят...».

От внезапной догадки ему стало страшно. Сергей решительно открыл последнюю страницу и... похолодел. Последняя запись ничем не отличалась от остальных, но то... то, что было под ней, заставило его руки задрожать. В пяти чудовищных словах он узнал... собственный почерк. Под ними стояла его подпись.

– Как видите, Джеймс не сумасшедший.

Сергей вздрогнул. Справа рядом с ним стоял уже знакомый ему маленький человечек.

– Да вы и с сыном моим встречались, – как и вечером, глядя мимо, добавил тот. – Помните, Дин Джеймс Хариссон-младший. Ну, – видя его растерянность, произнёс он, – в подвале, под музеем. Они тогда здорово выручили вас. Большое желание имели, не так ли? Все исполнено в точности, – управляющий продолжал стоять, равнодушно глядя на крайний портрет. – Кстати, почему-то вам особая преференция, можете занять его место, – он кивнул на картину.

«Ну где же, где я мог видеть этого мужчину», – ещё раз глянув на портрет, подумал Сергей.

– Впрочем, я догадываюсь, – продолжил человек, – если, конечно, согласитесь. Хотя отказов я не припоминаю.

Сергей выдохнул:

– Ах ты сука! – Одним прыжком оказавшись рядом, он схватил говорившего за горло. – Это же ты, ты вписал меня сюда! Говори, что происходит, почему, зачем я здесь? Говори, убью! – Он с силой сжал пальцы.

– Я... я согласен, скажу, – вдруг выдавил человек. – Только отпустите!

Поражённый неожиданным ответом Сергей тут же ослабил руки:

– Ну!

– Одно условие, обещайте выполнить, – затараторил тот.

– Какое?

– Вы всё-таки убьёте меня после этого. Я не хочу, не могу больше оставаться здесь, – вдруг завизжал Джеймс.

– Для чего? И почему «всё-таки»? И я? – Эти и какие-то совершенно нелепые вопросы, расталкивая, перебивая друг друга, в одно мгновение ворвались в сознание, которое и так едва держалось на грани срыва. – Ладно! – изумляясь самому себе, скорее машинально закричал Сергей, понимая, что теряет драгоценные секунды. – Говори же!

– Здесь... здесь клан исполнителей. Их цитадель. Они предлагают каждому подписать бумагу... договор с ним.

– С кем? – снова закричал Сергей и осекся. Смысла в вопросе не было.

– Они, подписавшие, получают всё, всё!

– При чём здесь я? – спокойнее, словно понимая что-то, спросил мужчина.

– Вы уже обращались. Они помогли вам и потом...

– Врёшь! Я сам! Я сделал всё сам!

– Это кажется!

– А что потом?

– Вы помешали им. Вы нарушили главное и непоколебимое условие течения их времени, их существования. А значит... значит, у вас есть власть от самого... Больше я ничего не знаю... а сейчас убейте, убейте же меня. Вы обещали!

И вдруг Сергей почувствовал ледяной холод в кулаке. Он разжал его. На ладони лежал серый камень.

– Ну же! Смелее! – Чужой голос заставил его обернуться. Сергей обомлел. В глубине галереи стоял Регонд, муж его спутницы по круизу. – Так вот откуда здесь Хельма! – Догадка сразу поставила всё на свои места. Стальной костюм едва заметно отливал пламенем свечей, расположенных на выступах по обе стороны. – Правильная догадка, – человек ухмыльнулся. – Однако ужин ждет вас. И потом мы обещали научить вас игре в бридж. Игра состоится. При любых обстоятельствах. – Он подошел и, видя, в каком шоке находится Сергей, мягко взял его под руку. – Джеймс, будь великодушен, – обращаясь к обмякшему сразу человеку, сказал он, – можно ведь и после ужина, ведь можно, Джеймс? – В его голосе слышались угрожающие нотки. Тот обречённо закивал головой. – Тогда... кыш-ш-ш, – протяжно, взмахнув рукой, шепотом сквозь зубы выдавил Регонд, и вдруг Джеймс, медленно поднявшись в воздухе, приблизился к портрету напротив и растворился в нём. Сергей обомлел – с картины на него смотрел муж Хельмы, что держал его сейчас под руку.

«Как я не понял раньше? Но как связано с происходящим?» – лихорадочно соображал он.

– Вот видите, все устроилось. Пойдёмте же, – и, легко потянув за собой Сергея, тот сделал шаг в сторону лестницы. – И камешек, камешек не уроните, – ласково добавил он. Не понимая,

почему ноги послушно передвигаются, не согласуясь с собственными мыслями и желанием, Сергей молча проследовал вперёд.

Миновав лестницу, ведущую наверх, они прошли дальше, в почти не освещённую часть помещения. Своды высоких потолков по-прежнему уходили ввысь, но уже теряясь в темноте. Галерея закончилась. В стене, преграждавшей им путь, Сергей увидел два больших медных кольца.

– Что, Камилла, все готово? – раздался голос его спутника.

И тут он увидел уже знакомую старуху, стоявшую в углу, словно затаившись от посторонних взглядов. «Ах ты, старушка-веселушка. Вот для чего ты здесь!» – подумал Сергей. Та привычно замахала рукой.

– Тогда впускай, – повторил знакомый голос.

Женщина потянула за оба кольца, и каменная стена, разделившись на две огромные створки, медленно раскрылась.

В глубине небольшого зала за вытянутым прямоугольным столом сидело пять человек. Одного он узнал сразу. Это был Роберт, его гид. Костюмы-тройки стального цвета делали сидящих похожими друг на друга. Всех, кроме одного. Того, что сидел во главе стола. Но одна деталь отличалась у каждого. Разными были галстуки. Сергей вопросительно глянул на провожатого.

– Не смущайтесь, стальной цвет сегодня обязателен. Очень даже обязателен. Такая уж повестка дня, – невесело усмехнувшись, произнёс он.

– Проходите! – Голос человека, сидящего в торце, единственного одетого не как остальные, звучал твёрдо. – Ваше место сегодня рядом с ним, – он указал на мужа Хельмы. Остальные, повернувшись, с любопытством смотрели на вошедших. Неподвижным остался лишь один, что сидел справа от «старшего», как мысленно окрестил того Сергей.

Пока они шли к столу, Сергей вдруг увидел ещё одного человека, сидящего метрах в десяти. «А вот и шестой», – мелькнуло в голове. Одет он был в зелёную манишку и несвежего вида белую сорочку, ворот которой был расстёгнут. Одежда, включая серые панталоны, превращала бы её обладателя в гостя из девятнадцатого века или актёра, одетого соответственно обстановке, если бы не пластырь на его рту и ремни, притягивающие ноги и руки к большому старинному стулу.

И вдруг Сергей узнал его. Это был тот самый, что отчаянно упирался, не желая приближаться к костру, там, в лесу. «Так вот кто еле стоял на ногах, когда они выходили из самолета. Они его чем-то накачали!» Догадка обескураживала. Он даже остановился. Но не поэтому. Поразило Сергея другое.

В изумлении глядя на человека, он увидел, что никакой стены, у которой зрительно должен был находиться привязанный, не было. Позади зияла пустота.

В какое-то мгновение показалось, что он увидел отблеск воды, но всмотревшись, так и не нашёл подтверждения этому.

«Держись! – Кровь застучала в голове. – Ты обо всем читал и должен ожидать чего-то подобного».

– Ну-ну, смелее, – сопровождавший слегка подтолкнул его. – Вы все поймёте... чуть позже.

Даже сев за стол, он то и дело бросал взгляд в сторону несчастного. Минутой позже Сергей заметил, что кроме свечей, освещавших тарелки с закуской и большие металлические кубки у каждой из них, на столе ничего не было. Свет, заполняя зал, исходил из ниши, протянувшейся вдоль стены напротив. По его колыханию можно было предположить, что там горели факелы. Но они почему-то, как ему показалось, перемещались. Сергею даже послышались приглушённые голоса под сводом.

– Ну что? Освоились? – Старший поднял кубок. Одежда на нём, напоминающая накидку с прорезями для рук, была также стального цвета. Глубокие морщины на лице и седой ёжик с большими залысинами выдавали преклонный возраст. Однако бодрости голоса, да и движений, как успел заметить Сергей, можно было бы позавидовать. – Клану предстоит сегодня решить несколько вопросов, – продолжил старший, – да и некоторые изменения коснутся его состава. Выпьем же за пополнение, забудем об ушедших и о тех, кто уйдёт. Сегодня. Туда и дорога их поганая лежала с самого посвящения. – Он поднёс кубок к губам, и мощный кадык заходил вверх-вниз. Отблески тёмных камней в перстнях заиграли в пламени свечей. Все молча сделали то же самое.

Сергей ни к чему не притронулся. Бросив взгляд на левую руку говорившего, лежащую на столе, он заметил на указательном пальце ящерицу, с короной и чёрным алмазом на голове. Он мог поклясться, ящерка шевельнулась и оцетинилась, зло глянув в его сторону.

Где-то я уже читал о ней.

– Хе-хе-хе, – его мысль была прервана скрипучим смехом из глубины зала. Он обернулся. Старуха, что впустила их сюда, копошилась у небольшого столика у стены.

Сергей набрал в лёгкие воздуха.

– Кто это? – стараясь говорить спокойно, спросил он, указывая на привязанного человека. – И что вы собираетесь с ним сделать?

– Крупн. Стальной магнат. Крупнейший поставщик оружия эпохи. Получил всё, – неожиданно ответил Роберт, жуя кусок ветчины с тарелки.

– Состояние, власть, – вставил сидящий напротив с красным платком в нагрудном кармане пиджака, кисти рук которого были сжаты в замок.

«Тот, что доставал меня на палубе!» – приглядевшись, вдруг с изумлением узнал его Сергей.

Тот утвердительно кивнул.

– Отличная ночь, не правда ли, – как и тогда, но уже с усмешкой произнёс он, в упор глядя на гостя. – Поплаваем ещё вместе? А? – странный тип усмехнулся.

– Известность, уважение, – добавил сидевший слева от главного и что-то всё время записывающий. Необычного вида очки с синим и красным стеклом то появлялись, то исчезали в его нагрудном кармане.

– Им восхищались, ставили в пример, – присутствующие заговорили наперебой.

– А как ему это нравилось! – добавил молчавший до того муж Хельмы.

– Э-хе-хе, – опять прервала старуха, возившаяся по-прежнему в углу.

– Короче, полный список требований, согласно договора, – старший ткнул лист бумаги перед ним. – А что он? – Председатель презрительно повернул голову в сторону человека. – Покончил с собой! А обязательства? Обязательства! Ведь всего-то требовалось... требовалось что?

– Отпрыск покончил с собой, его наследник, ваша честь! А этот сам... сам, – поправил говорившего человек в очках.

– А требовалось одно! – не заметив реплики, почти закричал красный платок. – Одно, ваша честь! Требовалось производить пушки! И всё. Много пушек!

– И ведь исполнял! Все шло как по маслу... – воскликнул Роберт.

Сергей с удивлением посмотрел уже на него. Всё-таки несколько дней, проведенных вместе, не позволяли ему вот так сразу поменять мнение о человеке.

– Верно, по маслу. По пушечному маслу, – явно не к месту ввернул муж Хельмы и почему-то, словно чувствуя за собой вину, испуганно посмотрел на председателя. Тот зло метнул в него взгляд. Сосед поник и опустил голову.

– Ну-ка, зачитайте приговор, – старший кивнул сидящему слева. Тот снова достал очки с необычными стеклами и развернул лист бумаги.

– Крупп Альфред. По нашей рекомендации изменил имя, данное ему при крещении. Всю жизнь производил пушки. Таково было единственное обязательство по договору. Получил всё. Решил отказаться от исполнения, но неудачно. Тогда же, пытаясь уйти от ответственности, умер от инфаркта. Смерть оборвала его участие в производстве. Прямой ущерб составил четыре миллиона шестьсот тысяч человеческих жизней. Косвенный – шестнадцать миллионов будущих потенциальных фигурантов договоров с нами...

– А как с санкциями по договору? Я имею в виду членов семьи, – прорычал старший.

– Здесь всё в порядке, ваша честь. Мы проследили за исполнением. Его сын Фридрих, как уже было сказано, кончил самоубийством. Наследника Густава, тоже Круппа, разбил паралич. Его правнуки...

– Довольно! – оборвал председательствующий. – Кто-то ещё хочет высказаться? – Он обвел глазами присутствующих.

– А ведь помнишь, Альфред, – глядя вглубь зала, начал Роберт, – какие приятные заседания проходили в твоём замке. Из стали и камня. Второго такого в Европе до сих пор нет. Окна там не открывались никогда, даже в самую жару. На стенах не висело ни одной картины. Даже наших портретов. Ты говорил – боишься пожара. Мы прощали всё. Но ты завёл там библиотеку. И заставил нас поменять место. – Лицо говорившего исказила гримаса. – А какой был бридж в винных подвалах! Какой был бридж! А дивный особняк в Крыму, помнишь? Только он и остался от тех лет. С гербом на балконе. Особняк жив. Стоит! Что бы ты ни удумал! Сколько мерзавцев прошло через него. Великое не остановить!

– А я предупреждал, что он начал страдать депрессиями! Месяцами! – прервал его человек в странных очках, тыча пальцем в обречённого. Тот явно силился что-то сказать, двигая мышцами лица. Глаза ни секунды не оставались на месте.

– И ты, убудок, решил сбежать от возмездия. – Старший с ненавистью глянул на уже скорчившегося от ужаса привязанного к стулу. – Мало ли к чему мы приходим в конце жизни. Все к чему-то приходят. – Он перевёл взгляд на сидящих за столом. – Но выполни то, под чем подписался! – Председатель снова взял лист и потряс им перед собой. – А если отказываешься, прими смерть. Любую. Таков порядок. Никому, – он пристально посмотрел на Сергея, – никому не позволено нарушать договор! – И, обведя взглядом стол, прошипел: – Только однажды, помните того, с розой?

– Но тогда не было ничего подписано, не было требований, ваша честь! Мы брали обязательства в одностороннем порядке!

– Именно. Именно в том и отличие. Потому и впустую, – уже задыхаясь от гнева, прохрипел старший. – А этот, – человек в глубине зала вдруг судорожно заёрзал, – позволил себе неслыханное.

И что же? В момент свершения справедливости, в самый момент возмездия всё рушится! – Он снова впери́л взгляд в Сергея. – А значит... ну!

Все напряглись.

– Прецедент! – выпалил человек с красным платком в нагрудном кармане, и капли пота выступили на его лице. Старший недовольно махнул рукой.

– Предательство! – испугавшись сказанного, тихо проговорил сидящий слева.

– Среди нас? Исключено! Невозможно! – раздался голоса.

– Кого предавать-то? Всё давно предано! – перебил председатель. – Осталось только себя. Но и закон вам известен! Вспомните того, у Врубеля на картинах. Чем кончил? Или отшибло всё? – Тон снова стал угрожающим. – Других предать невозможно, только себя, – выдал он. – Нет, я всё-таки заставлю вас перечитать книгу Летавра, – его зубы заскрипели.

– Сбой какой-то, может... – осторожно произнёс Роберт.

– Уже ближе!

– В шлюзе дыра! – воскликнул красный платок.

– Наконец-то! – Старший ударил со злостью рукой по столу. – Ненамеренное проникновение в событие. Я тогда сразу догадался. Помните, этот Лорно, писака. Предупреждал ведь, нет книжонки в условиях договора, так ведь убедил вас! Позволили напечатать!

– Вы несправедливы, ваша честь, – неожиданно вмешался тот, что слева. – Общим было желание вовлечь как можно больше этих тварей в оккультизм, эзотерику, ну и в наше прямое дело. И результат имеется. Одна передача об экстрасенсах скольких сбивает! И как платят нам организаторы с участниками! У них это прямо запрещено Библией! Не косвенно, как иное, а прямо! А современное искусство? Ублюдков, простите, ваша честь, «наших» становится всё больше и больше. Нельзя не замечать явной пользы. Так что ваша оценка не совсем справедлива, – уже тихо добавил он.

– Отчасти соглашусь, – голос старшего смягчился. – Но цена! Всё измеряется ценой. Напомню слова, с которых начинается книга. Они гласят...

– За всё надо платить! За всё надо платить! За всё надо платить! – заорали вдруг все, перебивая друг друга, словно горя желанием показать, что и они не только держали в руках ту самую книгу.

Главный одобрительным взглядом обвёл членов клана.

– А раз так, – снова начал он, – кто-то виновен и кто-то должен заплатить! Полную цену!

– Должен! Должен! – раздались голоса.

Все повернулись к Сергею. Он сидел ни жив ни мертв.

– Нет! Не с него. Мы даже коснуться его не можем пока... Возможно, это тот, кого мы ждём. От самого. – Задумчивый взгляд на секунду скользнул по гостю. Председатель вдруг резко повернулся к мужу Хельмы. Все с удивлением на лицах сделали то же самое.

– Как? Как такое могло случиться, Регонд? Как смогла вырваться она от тебя?

Тот опустил голову.

– Ты что, был ослеплён? Не видел? Я ведь предупреждал! Так? – Взгляд его перешёл на присутствующих. Те быстро закивали. Старший подался вперёд. – Ослепление значит одно! – уже заорал он. – Близость к свету!

Все вздрогнули.

– Забыл? – Он угрожающе прорычал:

«Но что женщина скажет мужчине, горящему страстью, Надо на ветре писать или на быстрой воде».

– Проперций? Ваша честь? – Сидящий слева подобострастно глянул на председателя.

– Гай Валерий Катулл, что родом из Вероны. Римлянин.

– Из наших? – не унимался левый.

Председатель зло посмотрел на него. Тот сник.

– И зять у него Гней Помпей? – спокойный голос Роберта разрядил обстановку. Старший кивнул.

– Так это стишок о непостоянстве женщин. В самую тему, – палец председателя уперся в соседа Сергея. – Да не в коня овёс.

– Осторожнее! У него ещё семь или восемь стихов «К Лесбии», – к чему-то выпалил Сергей, цепляясь за самую невероятную возможность помочь бедолаге.

– Мы и полагаем, наш парень... – с осторожностью прошептал красный платок, потирая руки.

– Вы не поняли, – перебил Сергей.

– Зарождение любви! – человек в стальной мантии вдруг расвирепел и вновь ударил по столу ладонью. Свеча напротив погасла. – Даже один росток – гибель! Я слышал, она и сейчас где-то поблизости?

– Да, ваша честь. Её сегодня видели на скалах, – снова с готовностью откликнулся красный платок.

– Кто видел?

– Вот он, – и указал на гостя.

– В клетку жабу! Обратно в клетку! – зарычал главный.

– В клетку! В клетку! – одобрительно закивали остальные.

– Хорошо, – тихо проговорил муж Хельмы.

– Нет! Этим займутся уже они! – Председатель вытянул руку в левую сторону. – А тебе, Регонд, придется исполнить начало книги. Впрочем, издатель с рыжей бородёнкой из тебя лучше, чем исполнитель! Помнишь? Прошлый роман? – он усмехнулся и щёлкнул перстнями на пальцах, указывая на Сергея.

– А как же день рождения? Я ведь исполнил все! – в отчаянии закричал несчастный пленник из каюты двести восемнадцать. Никто даже не глянул в его сторону.

И тут двери скрипнули и в помещение, шаркая тапками, вошла исчезнувшая старуха. Сергей успел заметить пустой угол за минуту до этого. Та, что «состарилась здесь», как заметил вчера Роберт. В руках она держала поднос с огромным бокалом, наполовину заполненным красноватой жидкостью. Подойдя к столу, старуха поставила поднос перед Регондом.

«Да ты ещё и старушка-проклятушка!» – Сергей ошарашенно смотрел на происходящее.

– Вспомни, хорошо всё вспомни, Регонд. Это твоя, не чужая, а твоя кровь! Та, какой была она до подписания! – воскликнул главный. – Получи же своё обратно! Явор!

– Явор! Явор! Явор! – согласно закивали остальные.

Вдруг Сергей с ужасом увидел, как откуда-то сверху на них начали медленно опускаться белые балахоны. На всех, кроме соседа.

Старуха сжала ладонями бокал и поднесла к его губам. Регонд вздрогнул, тело, вибрируя, загнуло, лицо перекошило от ужаса. Низкий гул, ширясь, заполнил помещение. По судорожным движениям головы было видно, что он старается отвернуться от рук старухи.

В этот момент балахоны с шелестом накрыли присутствующих. Кровь, разливаясь по щекам, потекла мужу Хельмы в рот. Он вдруг закачался. Глаза вылезли из орбит. Захлебываясь и тщетно стараясь выплюнуть содержимое бокала, мужчина сделал глоток, затем второй. Лицо его посинело, изо рта повалил сизый пар, одежда вспыхнула и начала тлеть. Расползаясь, сполохи быстро охватили всё тело. Ещё через мгновение почерневшая кожа на груди с треском лопнула, и кровь брызнула на стол. Регонд страшно закричал и, изогнувшись, дергаясь от судорог, запрокинул голову. Раздалось шипение, что-то ухнуло и тело рассыпалось на тлеющие лоскуты, которые падали на пол несколько секунд. Старуха захохотала. Наступила тишина. Балахоны шурша поднялись вверх.

– Все люди подписывают с нами договор. Даже те, кто становится одним из нас, – тяжёлый, глухой голос председателя, вползая в тишину, заставил Сергея начать соображать. Впрочем, соображать заставила ещё старуха, которая, что-то напевая, протирает стол. —

У каждого своя степень падения, – продолжал старший. – Одни подписывают бессознательно, другие по неверию или своими поступками. Не подозревая.

– Это... как? – выдавил Сергей.

– К примеру, песней... – уже повеселев, бодро ответил тот. – Помните, «кто кому в постели нужен, это секшн революшн...». Ах, какие слова! Какие слова! Думаю, вы понимаете, что просто так они в голову придти не могут. Требуется наша возмездная, – он ухмыльнулся и покачал пальцем, – помощь. А на бумажке, что на вечном хранении, вместо подписи – песня. Такие «революционеры» – наши ребята по бестолковости. Никакой особой ценности, так, солдатня. Кстати, что с ним?

– Готов, почти готов, ваша честь! – раздались голоса.

– А вот те, что осознанно делают это, так сказать, приходят к нам по родству душ, те другое дело. Хотя какие у нас души! – председатель захохотал. – Становясь с нами, и они гонят её прочь. Иногда душа просто так не уходит. Всё тянет к вам руки. Даже плачет. Тогда прихо-

дится помогать, – тяжелый вздох не вязался с презрительной гримасой и усмешкой. – Правда, при таком варианте что-то теряется, человек не совсем сливается с нами. Становится как бы слегка ущербным, неполноценным, что ли, – и кивнув на место, где только что сидел муж Хельмы, добавил: – Как этот. Но в нашем полку всем находится место. Есть и особо ценные экземпляры, превосходящие вас ещё там, на земле. Говорят, у них и души-то нет. Не видел, чтоб здесь они гнали кого-то. Некого. И договор подписываем не мы с ними, а они с нами, диктуя свои условия. Но ни слова о душе и там нет. Видимо, и впрямь это исчадия бездны мира, принявшие облик человеческий! Непостижимая, но великая участь! Непостижимая в высоте целей, великая в степени содрогания общества от одного лишь движения мыслей их. Скоро уж век как радуют нас. – Он замолк. Несколько секунд прошли в полной тишине. – Вот кто исходит от *самого*, наполняясь его мерцанием, заражая людей тленом гордыни! Пополняя окружение моё! – слова гулко отозвались под сводами. – Они и есть проводники недоступной истины смысла вашего существования! Камни, спасительно брошенные вам для священной башни знания и свободы! Не древа уже, а башни! И мы уже вместе становимся подвластны ему. Мы – служители гордой воли его! Великая в своём ужасе честь! – При этих словах старший поднялся, вытер со лба пот и некоторое время стоял, молча устремив отрешённый взгляд вверх. Никто не смел даже шелохнуться. Наконец он медленно опустился в кресло. Сергей почувствовал нарастающую слабость.

Прошло несколько минут. Подавленность присутствующих постепенно сошла на нет. Причина её так и осталась непонятной. Оглядев остальных, Сергей понял, что уже адекватно, если такое определение было уместно, оценивает обстановку, и тут же поймал на себе пристальный взгляд. Председатель не моргая смотрел на него, барабанил по столу пальцами левой руки.

«Геккон! Тот самый геккон! Только чёрный», – вспомнил Сергей, видя почему-то снова ошестившуюся ящерицу.

– Не могу понять, понять тебя изнутри, – глухо пробормотал смотрящий. – Ну, да ладно, потом... терпит. Так что? Главное? – переведя глаза на привязанного к стулу мужчину, прохрипел он. Остальные замерли. – Кто-нибудь сомневается, что мы должны исполнить обязательства, даже если клиент нарушил договор? – угрожающе начал председатель.

– Так написано в книге Летавра, – тихо заметил сидящий слева. Все закивали.

– Даже если ему удалось исчезнуть больше чем на сто лет? – Все снова закивали. – Тогда начинайте бридж! Наш бридж! – Мантия грузно отвалилась на спинку стула. Сергей вздрогнул. Роберт достал карты и, не торопясь, что-то мурлыча себе под нос, начал раскидывать их всем, кроме Сергея.

– Что там по договору? Что мы ему обещали?

«Помощник» снова развернул лист бумаги:

– Золото, ваша честь. Очень много золота.

– И получит его всё! – старший захохотал. Все заулыбались, чувствуя развязку. – Что я придумал! – ухмыльнулся председатель, беря карты. Остальные последовали его примеру. – Помните Лумумбу?

– Как же, как же, – раздался голоса.

– Борец за свободу Африки, – бросил Роберт, глядя на своего знакомого. Сергей с недоумением посмотрел на него. Вдруг предчувствие, что он должен что-то сделать, предпринять именно в эту минуту, заставило его резко встать.

– А ему? Его слышать! Вы не хотите? – отчаянно громко сказал он, показывая на стул у чернеющей бездны. – Или здесь права только у вас? – Сергей был в отчаянии.

– Слышать? Обязательно услышим, – ухмыльнувшись, бросил главный. – Да вы присядьте, присядьте. Хотя для вас не это сегодня важно.

Молодой человек обессиленно опустился на стул.

– А как его убили? Борца за свободу. Кто помнит? – спокойно продолжил тот.

– Растворили в ванне с серной кислотой. Он просто исчез. Ничего не осталось, – разведя руками, вставил мужчина с красным платком.

– Чтобы паломничества не было, – поправил сидящий слева.

– Верно. Но вы забыли... впрочем, откуда вам это знать! – Старший снова захохотал. – Золото! Ни с чем на земле оно не вступает в реакцию! Не окисляется и не темнеет. Его ни в чём нельзя растворить.

– За то и ценят! – заулыбавшись, вставил Роберт, вновь почему-то глянув на Сергея.

– Ни в чём! Кроме одной жидкости, – словно не заметив реплики, продолжал человек с седым ёжиком на голове. – Концентрированная серная кислота.

– Нильс Бор растворил в ней свою нобелевскую золотую медаль и, спокойно пройдя немецкую таможду, увез в Америку! А там восстановил обратно, из кислоты, – неожиданно удивившись самому себе, выпалил Сергей. Все повернулись к нему.

– Вот! Вот что значит образование! – захохотал человек в стальной накидке. – Не то что вы – неучи босоногие! Кем бы и где вы были, если бы не это! – Он ткнул пальцем в развёрнутый лист договора. – Жажда славы вот что делает из них, – он кивнул в сторону Сергея, – звёзд экрана, власти, сцены! Желательно состоятельной славы: они до сих пор грызут запретный плод, рвут его из рук Евы. А ведь всё, что должны сделать на земле, написано в одной книге. Но никто не читает.

– Обижаете, ваша честь, – неуверенно возразил сидящий слева. – Я тоже кое-что могу привести из истории металла. За который гибнут люди...

– Да ладно, – тот махнул рукой. – Наслушался опер.

– Ваша честь, выпало опять вам, – радостно подал голос Роберт.

– Ну что ж, – старший взял паузу. Все затихли.

– Так вот, – наконец прорычал он, – Виновник получит сполна обещанное. Я растворил в кислоте всё золото мира! – Председатель вскинул руки в направлении жертвы. Сергей повернул голову. Зал вспыхнул, тёмная бездна за спиной несчастного посветлела, и перед ними открылась панорама гигантского озера со свинцовой гладью. Покрытые снегом вершины окрестных гор, слабо мерцающая, отражались в ней, слегка покачиваясь. – Этот получит его сполна! Он растворится в нем! Нет! Они станут единым целым!

Страшный хохот снова наполнил эхом своды зала.

– Забирай! – уже заорал человек в стальной накидке, и вдруг холодный ветер наполнил пространство над ними. Одежда на приговорённом от порывов зашевелилась. Он в отчаянии задергал губами, стараясь что-то сказать. Глаза наполнились ужасом.

– Вы же обещали! – закричал Сергей.

Ветер, словно засасывая в себя обреченного, перешёл в ураган, который, усиливаясь и, казалось, со злостью начал обрывать с несчастного куски одежды. Неожиданно ремни лопнули, пластырь сорвало со рта.

– А-а-а-а-а-а! – закричал человек. Стул резко качнулся, опрокинулся и понёсся, подхваченный мощным вихрем, прочь от них. Сделав невероятный зигзаг над озером, он со всей силы ударился о поверхность. Уже из глубины, сквозь шипение пузырей, они услышали затухающие крики.

Когда круги на стальной глади исчезли, панорама медленно потускнела, и каменная стена, как и три другие, медленно появившись, заняла свое место.

– Вот и его мы услышали. Я всегда держу слово.

Сергей не понимал смысла сказанного. Его колотило.

Определить, сколько прошло времени, было невозможно. Потрясение оказалось столь велико, что на подобный вопрос у него был бы один ответ – вечность.

– А я знаю, что мучает вас, – кто-то тронул его за плечо. Сергей вздрогнул. Рядом, на том самом стуле, где ещё недавно находился муж Хельмы, сидел впол-оборота к нему человек с красным платком в нагрудном кармане пиджака – тот, что, задавая нелепые вопросы на теп-лоходе, сразу исчезал, словно растворяясь в небытии. Сергей, всё ещё находясь в прострации, отвёл взгляд. – Вы ждёте не дождётесь урока игры в бридж. Иначе как вы попадете на стену в галерее? – И, довольный своей догадливостью, как ему казалось, расплылся в неприятной улыбке. – Роберт, раздайте карты ещё раз, – обратился он к соседу напротив. Сергей заметил, что тарелок уже не было. Лишь бокалы по-прежнему стояли против каждого из них.

– Конечно.

Карты кинули на четверых. И только тут Сергей обратил внимание на человека, который с самого начала сидел справа от председателя, в одном ряду с ним и всё это время не проронил ни слова. Он и сейчас не участвовал в игре. Голова была опущена так низко, что свисающие волосы не давали никакой возможности рассмотреть лицо. Человек будто застыл. Поза подчеркнута исключала его из развернувшегося действия. Он был как бы вне события. Даже после всего, что случилось, оставаясь неподвижным.

– А ему? – выдавил Сергей, кивнув в сторону странного типа.

– Ему? Что вы! Нельзя. Он здесь для другого, – прошипел красный платок, почему-то с ненавистью глядя на незнакомца.

– А кто он?

– Можно, ваша честь? – Тот, что в очках, повернул голову к старшему. – Наши гости обычно уже не могут ничего рассказать. Никому, – добавил он, указав на Сергея. Председатель, чуть помедлив, кивнул. Красное и синее стёкла повернулись к нему.

– Это последний мужчина.

– Кто? – Сергей опешил.

– Последний мужчина. Вы не ослышались.

– А для чего...

– Узнаете после игры, – перебил его «стеклянный».

– Я не собираюсь с вами играть!

– Ну, тут уж мнения мерзкого человеческого никто и не спрашивает! – раздался рык. – Погасить жертвенный костёр и остаться там? – Старший ткнул перстнем в сторону двери. – Не слишком ли много для такой бунтующей твари, как человек? – Глаза его налились кровью. – Или туда, – он бросил взгляд на стену, – или на его место, – стул соседа, на который присел мужчина с красным платком, вдруг задрожал. Тот, резко вскочив и сделав шаг назад, замер.

– Да гость и не против, – скрипучий голос заставил всех обернуться. – Прямо к Сергею направлялась сгорбленная старуха, неся в руках бутылку с вином. Он похолодел. – Просто ему надобно выпить розового анжуйского, его любимого, для смелости.

Сергею показалось, что суставы старухи закрипели, когда та наклонилась к нему. Наливая бокал, она вдруг прошептала:

– Проси глянуть на портрет.

– Хельма! – обомлел он. – А где?.. – и, чуть не вскрикнув, сжал протянутый бокал так, что, казалось, раздавит его.

– Осторожней! – заметив это, усмехнулся председатель, поднимая свой. – Надо же, мучаешься, душу вывернуть у них пытаешься, чтобы понять, а им достаточно одного! Жаль, не будет карнавала, – добавил он, явно сожалея о чём-то задуманном на эту ночь и упущенном.

Нескольких секунд, которые ушли на пять его глотков, оказалось достаточно, чтобы Сергей сообразил, что от него требуется.

– Я хочу взглянуть на портрет. Его портрет, – он хлётко положил ладонь на стол против места соседа.

– Свободен ли? Похвальная расчётливость, – старший кивнул. – Проводи, Роберт.

Они встали. Старуха двигалась рядом. Когда двери зала сомкнулись, он услышал:

– Держись крепче.

В конце галереи все остановились. Там, где два часа назад висел портрет, зияла пустота.

– Ну, убедился? – Роберт повернул к нему голову, и лицо его перекосила страшная гримаса. Сергей обернулся. Позади с глазами, полными отчаяния, стоял Джеймс. На руках он держал мёртвую старуху. Ту, что состарилась в этом замке.

– Держись, – снова услышал он – и вдруг свод галереи, расколовшись, обнажил по-прежнему чёрное небо. Он успел заметить, как одежда Хельмы, сорвавшись с неё, хлопком накрыла лицо Роберта, заглушив его отчаянный крик.

– Вот это и был бридж по понедельникам, – вытирая со лба пот, выдавил Сергей. Новосёлов молча и заворуженно смотрел на него.

Мастерская зависти

«Сойди в себя – и узришь обширные своды. Ниже оставь страх, спустись в пещеру. Ноги твои ступят на сухой песок, мягкий и жёлтый, дающий отдохновение. Здесь заглушён шаг твой. Здесь сухо и тепло. Капли времён срываются со сводов и падают в глубины мрака. Гулкие переходы наполнены реющим звуком: словно бьют свои удары бесчисленные маятники. Как в мастерской часовщика, нагоняют и перегоняют друг друга неисчислимые ритмы... Упруго жужжат веретёна судеб. Сердца всех в этих недрах. Сюда собираются и звёздные токи, огустевающие в драгоценные камни. Тут-то, под пещерными сводами сердца, и воссияет Звезда Утренняя».

Первый отложил книгу.

– Безумствуем, коллега?

– Не я, Флоренский.

– Но, согласитесь, и вас в последовательности сюжетной линии упрекнуть нельзя.

– Если бы я задумал план, понимая, что нужно сказать и в какой последовательности, я никогда бы не приступил...

– Отчего же?

– От неверия в возможность задуманного. Такие вещи не рождаются в холодном рассудке, а попускаются порывом.

– Тогда к чему наш диалог? Ищете лекарство от безумия?

– Попустительство и есть такое лекарство. В случае неприятия.

– Ну и как, приняли?

– Я уже. А вы?

– Имею в виду книгу.

– А я – сто пятьдесят. И пока в отчаянии.

(Из разговора двух интеллигентных пьяниц)

Ветер постепенно стих, и мужчина понял, что полёт замедлился. Плотная темнота, окружавшая их до этой минуты, стала расступаться, открывая пусть не далёкую, но все-таки видимую панораму. Сергей посмотрел вперёд. Они приближались к необыкновенной красоты утёсу, необыкновенным даже в сумерках, лиловым ореолом повисшими над ним. Чуть выше дыбились зубчатые вершины башни, покрытые снегом. Внизу, у земли, уже плыла ночь, и только с огромной высоты были видны последние лучи солнца, которые, преломляясь в хрустале вершин, падали на холмы ниже, в тепло, делая колыхание трав изумрудным живым ковром.

Ещё несколько мгновений, и они мягко коснулись края холма с резким обрывом, уходящим в черноту ночи.

– Где мы? – вырвалось у него.

– Это знаменитое ущелье трех гор, урочище Уч-Кош, недалеко от Ялты... – мягко и как-то вкрадчиво проговорила София. Сергей даже не заметил, откуда она появилась. – Точно такое же – далеко-далеко отсюда, на севере. Посреди бескрайних горизонтов, где и сейчас, не прерывая свой бег, течёт время, подгоняя, как и прежде, трёх человек, что карабкаются в гору, пробиваясь к жертвенному костру под звездой. Там воздвиг он престол свой...

– Софи! – оборвала подругу Хельма.

– К костру? – припоминая что-то, пробормотал пленник. – Ялты? – он внимательно огляделся. – Я бывал здесь... не раз...

– Не случайно! – подруга загадочно посмотрела на Хельму. – Здесь, – она легко повела рукой в сторону, – мы принимаем гостей. Однажды, несколько столетий назад, когда трое из них были ещё близки, один сделал нам подарок, – её рука вытянулась в направлении Сергея. Он с удивлением посмотрел на женщину. – Нет, ты не понял – там, позади.

Мужчина обернулся. В нескольких шагах от них, левее обрыва, на изгибе холма, словно на постаменте, стояла скульптура – обнажённые женщины. Талант мастера, ваявшего их, не вызывал сомнений.

– Это же «Три грации» Кановы! – вскрикнул Сергей. – Но почему средняя прозрачна? А эти... эти похожи...

– Вот видишь, Софи, нас до сих пор узнают! – улыбаясь, воскликнула Хельма.

– Так уж и сам? Ты точно не говорила ему? – подруга недоверчиво посмотрела на неё.

– Софи! – Хельма сделала обиженное лицо.

Сергей всё ещё разглядывал известную композицию.

– Так он тоже был здесь? – поразился мужчина.

– Все, кто идёт нам навстречу, бывают здесь. И никто не остался без награды. Мы любим такое отношение, ведь мы женщины! – рассмеялась София.

– Вы хотите сказать, что я чем-то заслужил ваше внимание?

– Её – да! – София, приснув, кивнула на Хельму. —

А моё... ещё предстоит, – и она, сделав шаг к Сергею, лукаво щурясь, начала растёгивать на нём рубашку.

Он невольно отстранился.

– Софи, перестань, ты всё испортишь. – Хельма со странной улыбкой посмотрела на подругу.

– Ладно, пусть доходит, – щёлкнув растерянного спутника по носу, согласилась та. – А нет, так последуешь за ней, за третьей, – София снова кивнула в сторону скульптуры.

– Камилла? – ахнул, догадавшись, Сергей. – Так это она?

– Хм... Не далее как сегодня ты с нею встречался, – недовольно хмыкнула Софи.

– Но я видел её мертвой!

– Но мертвой видел я её! – с издёвкой передразнила подруга Хельмы. – Игра слов, а как меняет впечатление! – Чувствовалось, что разговор женщине неприятен. И причина была не только в его вопросах. – Вот и улетишь туда же, если не станешь сговорчивым! – уже грубо отрезала София. – Вызовем Канову, и останешься в камне! – Подруга невесело усмехнулась, добавив: – Как и Полина. Камни всегда под рукой, не так ли?

И рядом с сердцем. Они вам даже нужнее. Ведь только в камне ничто не мешает ему биться ровно. – Женщина снова недобро посмотрела на Сергея. – Отдай-ка его сюда... пока. Думаю, сгодится ещё, – и, не дожидаясь согласия, разжала пальцы мужчины. – Ого! Увесистый. Старался!

– Софи! – прикрикнула Хельма.

– Да ладно, ладно, – отвернувшись и глядя в сторону обрыва, выдавила подруга.

– Какая Полина? – Сергей недоумённо посмотрел на Хельму, ожидая поддержки.

– Бонапарт. Полина Бонапарт. Средняя, любимая сестра императора. Ни с кем из мужей практически не жила.

– Та, что своими экстравагантными выходками шокировала Европу? Припоминаю... – задумавшись, произнёс он.

– Да, верно подметил, они доставляли братцу немало хлопот. – Хельму явно раздражало происходящее. – Это муж её Камилло, оттуда и прозвище, – добавила она хмуро. – За несколько месяцев до смерти Полины произошло её воссоединение с супругом.

– Вот только вряд ли ещё сподобиться любоваться в Пушкинском полуобнажённой Венерой, – София вскинула брови. – А ведь как нравилась! Особенно последнее время.

– Венерой? Так это она и есть? Та, что на мраморной кушетке, с позолотой? Ах, да! Полина Бонапарт! – Сергей поймал себя на мысли, что подружки знают больше, чем ожидал.

– Не правда ли, символично? – уже зло прошипела София. – Только поздно. Всё кончено.

Наконец он начал понимать, что и женщины рядом с ним, и великий скульптор эпохи Наполеона, и старуха в замке связаны неведомыми для него событиями, которые и диктовали тон неприятного разговора.

– Что же... что же она сделала вам? Чем заслужила такую участь? И почему выглядит так ужасно? Ведь вы...

– А разве ты не замечал, как быстро стареют люди, когда не слышат биения своего сердца. – Хельма посмотрела ему в глаза.

– Да нет, подружка, там другая причина, – вставила София.

– В груди его уже нет, – пропустив замечание, задумчиво произнесла Хельма.

– А где же оно?

– У твоего двойника.

– У моего? – и тут же спохватившись, поправился: – А разве он есть?

– Человек сам творец своей личности, – голос Хельмы был спокоен. – И постоянно отбивает от неё массу ненужных осколков. Но выбросить не может – носит с собой до конца. А «ненужность» у каждого своя. Некоторые считают лишними свои слабости: доброту, сострадание, порядочность. Ну очень мешают. Хотят быть сильными, мужественными, а значит, жестокими.

– Зато как нравятся женщинам! – воскликнула София.

– Если всё идёт как надо, становится препятствием чужая жизнь – перешагивают и через неё, – подруга словно не замечала реплик. – Всё идёт по плану... и в ваше время! – Хельма усмехнулась. – Правда, иногда приставляют обратно. Как Пушкин...

– «И с отвращением читаю жизнь мою!» – зло засмеялась София. – Довести до конца мы ему не дали! —

И, как-то подозрительно глянув на Хельму, добавила: – Что-то ты странно ведёшь себя, милая.

– Но если осколков становится слишком много, – продолжала Хельма, не смутившись, – достаточно для второго – он появляется. И забирает твоё имя. А потом и сердце, даже спрятанное уже в камне.

– Как это появляется?

– По-разному. У одних живым, ты видел подобное.

Сергей вздрогнул, но остался неподвижным.

– Для того, чтобы говорить правду тому, первому. Бывает, правда заканчивается, и они больше не встречаются. А бывает и наоборот – говорить есть что, все больше и больше.

– Журфиксы обретают неслучайный характер! – усмехнулась София. – Но высказаться все равно не успевает!

– Тогда двойник переполняется ею и забирает сердце. Первому оно больше не нужно.

Сергей, машинально приложив ладонь к груди, вдруг почувствовал, что удары, как-то странно двоясь, еле слышны. – «Просто мне кажется, всё в порядке, мне так кажется...» – повторил он, изо всех сил сжимая зубы.

– Не бойся! – бодрый голос Хельмы звучал спасительно. – Это происходит не сразу, а постепенно.

И несколько не больно. Миллионы живут не чувствуя. И поют, поют, поют. И снимаются, и ставят, и пишут... Просто не замечают.

– И ты не заметишь! А как случится – ты наш! И согласия твоего никто не спросит! – София хлопнула в ладоши и, подбоченившись, приняла вызывающую позу. – Правда, Камилла почувствовала это мгновенно, как только пообещала мстить.

– Мстить? Кому?

– Такому же, как ты, как все вы, мужчины! Ведь она не сразу стала Боргезе. Полина – её награда за другой поступок. Стерва, – по-прежнему улыбаясь, сквозь зубы выдавила Софи. – Потому и не старела двадцать лет, всё ждала его. На золотой постели. Уж здесь-то оторвалась!

– Кого ждала?

– Кого-кого, Регонда, – она метнула взгляд в сторону Хельмы. – Зато как старела дождавшись... уже в замке. Как старела! Но и здесь она отомстила ему. Ловко. У, змеища. – Лицо женщины исказила гримаса.

– Софи! – Хельма вперила в подругу взгляд.

– Да ладно, – та уже разошлась и также не отводила глаз. – Это ведь она познакомила тебя с Регондом. Понимала финал. Виды имела! А мне всё Джеймс рассказывал про хохот. В замке по ночам. И ведь ни разу не обмолвился, чей. Теперь, милая, твоя очередь смеяться. Не так ли? Потери-то никакой. – Софи, лукаво подмигнув, кивнула в сторону Сергея. – Ведь та и на него глаз положила! И всё из-за книжонки. – Она зло посмотрела на пленника. – Все наши неприятности из-за твоей «Последней женщины»! Вы, вы... – подруга была на грани истерики, – начитались обе! А ведь как было хорошо!.. Я выхожу замуж за Николая. Ты – за него. А двое коллег по работе...¹ И потом, когда я отправила всё-таки змею на тот свет...

– Софи! За какого Николая?! – перебила её Хельма. – И на какой ещё тот? Думай! Нет, Барроу был прав – знания не передаются половым путём! Вот и Камилла, – голос её стал ледяным, – сорвало крышу.

– Возмечтала о невозможном! Идиотка! Захотела... последнего мужчину! Возомнила себя Евой! Евой Адама наоборот! Точно, змеища... – Софи осеклась, со страхом посмотрев на Сергея и замершую подругу.

– Ну что? Лопнуло семя! Это же тайна совета! Допрыгалась! – вдруг заорала Хельма. – Что будет... что будет-то! Мало того что свела счёты без права на её сердце, меня втянула... чёрт бы тебя побрал! Хотя нужна ты сейчас ему! – Она сдавила голову руками.

– Так тебе же помогла! Его спасала! – отчаянно завизжала София, поняв, что сболтнула лишнего, и ткнула пальцем в сторону мужчины.

Обе женщины разрыдались.

– Что будет, что будет? – повторяла, качая головой, Хельма. – Сердце остановится. Грумонд услышит это... А дальше, а дальше...

Прошло около минуты. Сергей стоял, ошалело наблюдая происходящее. Даже пережитое не позволяло с ходу взять себя в руки. Каждый раз до этого он не только узнавал и открывал для себя что-то новое, но и множество вопросов, словно молнии возникая в мозгу и так же внезапно исчезая, уносились в беспамять, не находя ответов, уступая лавине новых. Мысли путались, и Сергей, не успевая многого спросить, просто чувствовал беспомощность. Сейчас же к его состоянию добавилась тревожность. И не только от странности услышанного диалога, но и от возникшего убеждения, что он, сам он, без сомнения, уже действующее лицо каких-то невероятных событий, которые, разворачиваясь где-то и кем-то, не считались ни с его желаниями, ни с волей. А то, что мужчина видел сейчас, было лишь малой частью тех ужасных событий, лишь пружинкой, запустившей гигантский маховик их чудовищной неотвратимости. Самым же неприятным была уверенность в незримом приближении того, кто был убеждён в виновности и подсудности только ему поступков пленника. По-другому назвать себя он уже не мог.

– Какое сердце? Почему в камне? Кто такой Грумонд? – И вдруг Сергей понял, что если немедленно не перестанет думать о происходящем, если сию же минуту не остановит катящийся на него ком мыслей, то сойдёт с ума.

¹ См. комедию «Не может быть».

Выход нашёлся неожиданно. Резко обернувшись, он, указав на трёх каменных женщин, выпалил:

– А здесь! Здесь-то Полина ещё стоит! Почему, если всё так плохо? И зачем вы принесли меня сюда? – Стараясь говорить твёрже, он внимательно наблюдал за реакцией подруг. Приём удался. Женщины замерли. Плач стих.

– Она посередине. Хочешь занять её место? – тихо сказала Хельма.

– Чушь какая-то. При чём здесь я? И зачем? И вообще, что происходит?

– При чём здесь ты? Да ты всему и виной! Она не погибла в автокатастрофе! Только для людей! Регонда обманули! Возмездие ждало его здесь! Ты и сам это знаешь! С того всё и покатилося! А я... я так... вляпалась с вами!

Они снова напряглись. Сергей, так ничего и не понимая, почувствовал, что необходимо смягчить обстановку:

– Ну, пусть, покидая по глупости своё тело, мне случилось попасть куда-то не туда. Но я человек! Я же человек, – повторил он, будто испугавшись, что это не так, и машинально отступил назад, к обрыву. Подруги молча переглянулись.

– А я тоже человек, разве ты не понял? Я живу рядом с тобой. Ты каждый раз встречаешь меня по дороге... на свои преступления. Вот уже двадцать пять лет, – глядя прямо ему в глаза, ответила София. – Даже здороваешься.

– И меня встречаешь. Только чуть реже. Мы отвечаем за разное, – виновато добавила Хельма.

– На какое преступление? – удивляясь собственной смелости, заорал Сергей. – Что вы себе навдумывали! Вы просто ведьмы! В-е-едьмы! Вот, правда! А я сейчас вернусь и забуду всё как страшный сон! Понятно?

– Ну что, довольна? – София резко повернулась к Хельме. – А ты говорила, рано! Ах ты, жалкий самоуверенный мальчишка! Захотел правды? Правды своей жизни? Решил спрыгнуть с подножки? Передумал? Не выйдет. Вагон уже набрал скорость! Впрочем, нет, ещё увидишь! Как ты и хотел! Ну-ка приди в себя! – И подскочив, хлётко ударила пленника ладонью по лицу. В то же мгновение, с невероятной проворностью обхватив его плечи, женщина с силой швырнула обалдевшего Сергея вниз.

– Получай же её! Свою правду! – было последнее, что услышал он.

Уже через секунду, больно ударившись о что-то спиной и зажмурившись от страха, Сергей катился по склону. Наконец, уткнувшись в валун, застонал от боли. Наступила тишина.

«Да это тот же карьер», – с ужасом подумал беглец, открыв глаза и стараясь подняться. Да, да, беглец – именно так заставляли его думать последние события. Но от кого или от чего, понять мужчина не мог. Неожиданно Сергей увидел, как со всех сторон к нему идут люди. Те, что тогда в первый раз наполняли здесь свои сумки. С застывшими от ненависти глазами они приближались к нему, держа в руке по большому камню. «Что я им сделал? – мелькнуло в голове. – Почему именно меня они ненавидят?» Сергей, чувствуя, что не обманывается в ожиданиях, отступал в ужасе к скале. Оглянувшись, у самого основания он увидел пещеру. Ту самую, о которой говорил двойник. «Но где же он? – Сергей догадывался, что тот мог бы ему помочь. – Кажется, там вход в какие-то катакомбы, – вспомнил он, – и, кажется, у меня нет выбора».

В этот момент самый ближний из людей, размахнувшись, швырнул в его сторону булыжник.

– Он уже пишет о нас! Прозевали! Бейте же! Его нужно убить! Убить! Убить! – раздались крики, и камни полетели со всех сторон. – Это он! Он во всем виноват! – завизжал ближний.

«Господи, это же тот, с театра... у Сокольников». – Мысль, пронзив мозг, была с такой же быстротой отброшена инстинктивным желанием спастись.

Сергей, сделав несколько шагов назад, резко развернулся и бросился вглубь пещеры. В противоположном её конце зиял тоннель. – Туда! Другого пути нет!

Напрягаясь изо всех сил, лоя ногами неровный пол, Сергей думал только об одном – не упасть, не упасть бы! Голоса не отставали. Серый диабаз грубо вырубленных сводов при каждом повороте тускло освещался факелом, воткнутым в стену, – он заметил эту особенность уже через пару минут. Галерея то резко поднималась, то уходила вниз, все больше забирая у него силы. Останавливаться нельзя. Нельзя! Это конец. Какие-то нелепые, не связанные с последними событиями мысли стучали в голове. Прошло ещё несколько минут. Крики преследователей постепенно стихли. Сил почти не было. «Проклятая галерея», – Сергей мог поклясться, что поднимается всё выше и выше. Неожиданно он заметил числа на стенах. Под каждым факелом, на каждом повороте желтоватой бронзой отливали цифры. «Семьдесят семь, семьдесят восемь, семьдесят девять, – как заклинание начал бормотать он, приближаясь к каждой из них. – Девяносто один». Отражение факела в металле вдруг вспыхнуло, ослепив его. Он остановился как вкопанный. Через пару секунд зрение вернулось. «Впереди поворот налево, а вот ещё один, направо. Что происходит? – мысль лихорадочно забилась. – Назад хода нет. Помни, только вперёд. – Это просто девяносто первая галерея». Он неуверенно сделал два шага и, осторожно всматриваясь в глубину тоннеля, повернул за левый угол. Тот резко уходил вниз.

Сергей, всё ещё тяжело дыша, ускорил шаг. Бежать стало легче. Неожиданно слух уловил нарастающий звук. Словно несмазанное колесо телеги скрипело при каждом ударе обруча о камни неровной дороги. Он снова замедлил бег. Частое дыхание и стук крови в висках не давали прислушаться и определить, где находится источник странного звука. «Или это лишь галлюцинация?» Беглеца бы не удивило ни то, ни другое. Он почти перешёл на шаг. Нет, скрип уже слышен был отчётливо. Впереди забрезжил свет очередного факела. Стало светлее. Своды и стены начали расширяться, превращаясь в некое подобие каменного мешка.

Вдруг он остановился как вкопанный. Прямо перед ним в колеблющихся тенях стоял человек. Помещение, если так можно было назвать то, что было перед глазами, разделялось тоже на две галереи, идущие в стороны. Вот оттуда-то, справа, и раздавался скрипучий звук, теперь уже явно нарастая. Маленький рост незнакомца что-то напомнил ему. Тот сделал шаг навстречу. Сергей ахнул – перед ним стоял человечек из замка, тот, что показывал ему книгу. «Джеймс? Откуда?» Человечек шагнул ближе. И тут мужчина заметил в его руке нож.

– Вы обещали... Помните, вы обещали... Такова плата за то, что произошло в этой галерее... – пролепетал тот и трясущейся рукой протянул ему клинок.

– Какая плата?! Что произошло здесь?! – потеряв самообладание, закричал Сергей и, всё ещё находясь в шоке, попытался сделать шаг назад. Ничего не вышло. Чья-то неведомая сила удерживала его. И вдруг, к своему ужасу, против воли, он медленно взял протянутый нож и тут же, не понимая, что делает и вообще происходит ли это на самом деле, изо всей силы ударил им стоявшего в грудь. Отчаянный крик маленького человечка разорвал тишину. Но кошмар только начинался. Остекленевшими глазами Сергей видел, как его рука, с трудом вырывая лезвие из тела несчастного, снова и снова продолжала наносить страшные удары. Наконец тот рухнул и простонал:

– Вот так... Серёжа.

Сердце умирающего, делая последние удары, пульсирующими потоками выталкивало кровь из зияющих ран. И тут обезумевший мужчина заметил невероятное – кровь выбрасывалась из груди в ритме, точно повторяющем ритм ударов его сердца. Сердца убийцы. Одновременно с этим Сергей вдруг почувствовал адскую боль в своей груди. Только сейчас до него дошло, что он испытал и пережил то же самое. Через несколько мгновений тело Джеймса вздрогнуло и замерло. Понимая, что он либо умрёт, либо лишится рассудка, беглец бросился вперёд, к едва мерцающему вдали факелу.

И тут в проёме галереи показалась телега. Возница, сидящий впереди, с кнутом для невидимой почему-то лошади, в капюшоне, натянутом на голову так, что лица не было видно, угрюмо произнёс:

– Как тебе начало? Готово? Бросай сюда, – он кивнул назад.

Остолбеневший Сергей машинально перевел взгляд на телегу. Там, на смятом брезенте, лежала куча камней. В это же мгновение он почувствовал, как его рука, сжимавшая секунду назад нож, держит что-то холодное. Сергей разжал пальцы – в ладони опять был камень.

– Кидай, чего медлишь! Освобождай для будущего, обычное для тебя дело, – говоривший медленно стянул капюшон – на Сергея смотрел его двойник. Кровь ударила в голову. Руки затряслись.

Возница повернулся и, откинув полог брезента, обнажил чудовищную картину: из-под грубой ткани торчали окровавленные конечности тел. Некоторые уже почерневшие от времени, другие будто живые. Чьи-то руки и ноги не только лежали, но и, свешиваясь с телеги, были просунуты сквозь её деревянные прутья, словно нарочно, давая даже случайному свидетелю придти в ужас.

– Ты должен почувствовать себя не просто убийцей. Ведь это ещё не конец, – запахивая полог, по-прежнему угрюмо прохрипел двойник. – Ты же хотел такого известным именам.

– Не всем! – Сергей дико закричал, бросил камень, и, прижимаясь к стене, обдирая плечи, кинулся в левый проход. Не упасть! Не упасть бы!

– Да нет! Ты уже падал в этой галерее! Не замечать падений – вот удивительное свойство негодяев! Ты весь уже в синяках! – Раскатистый голос, догнав, отдался эхом под сводами. – У иных и живого места не остается к концу жизни, а они всё не замечают, занимаясь фитнесом. Культура тела навсегда становится дороже совести! До следующей встречи! – Зловещий хохот потонул в глубине тоннеля.

Не помня себя от страха, не понимая, что происходит, некоторое время он бежал в каком-то ступоре. Наконец силы оставили мужчину. Больно ударившись о выступ, он в изнеможении рухнул на пол.

Рано утром Ирина Александровна Антонова, директор Пушкинского музея, что рядом с храмом Христа Спасителя, как и тысячи раз за последние годы, открыла дверь служебного входа в помпезное здание. Её уже ждали. Такое случалось редко. От двух служащих, одна из которых только сдала смену, Ирина Александровна узнала, что в музее ЧП. Быстро поднявшись в зал итальянской скульптуры, она своими глазами увидела то, о чем, волнуясь и перебивая друг друга, рассказывали ей две женщины, пока они шли.

Великолепное творение Кановы из розового газганского мрамора, «Полуобнажённая Венера», та, что на кушетке, была расколота пополам. Но если бы только расколота!

Невероятная картина, лежащая вне рамок обычной фантазии человека, предстала перед нею: глубокая трещина, прошедшая строго посередине повёрнутого к плечу лица, пробежав по телу, отделила спину от груди. Уходя ниже, точно огибая контуры лежащей, она раздвинула многотонное изваяние на ширину ладони! Одного этого было достаточно, чтобы понять, почему ещё две женщины стояли, застыв, у самого постамента. Но сопровождавшие её, что-то продолжая говорить, указывали руками внутрь. Там, в глубине камня, в неровной нише что-то чернело. Ирина Александровна пригляделась и в ужасе отпрянула. Внутри находилось мёртвое сердце.

Двое бегущих в униформе мужчин и женщина в белом халате показали в конце зала. Только тут директор обратила внимание на ещё одну сотрудницу, лежавшую поодаль. Она узнала своего референта, молодую аспирантку, любившую обходить залы с самого утра в отсутствие посетителей. Это было уже слишком.

– Что с ней? – директор не узнала свой голос.

– Ирина Александровна, Ирина Александровна, она сказала... успела сказать, что сердце... ещё билось!

Рядом с молодой женщиной валялась открытая книга. Антонова, скорее машинально, чем осознанно, подняла её. «Альфред Нобель, «Немезида», сцена шесть», – едва шевеля губами, прошептала она. Об этой редчайшей книге, в отличие от миллионов знакомых лишь с фамилией автора, Ирина Александровна знала всё.

– Откуда? – директор обвела взглядом удивлённых вопросом работников, опять не узнав своего голоса.

Прошло три часа, в течение которых ошарашенная женщина, сидя за столом и погружённая в свои мысли, думала почему-то о Пикассо.

Именно через эти три часа в кабинете раздался телефонный звонок. Всё ещё находясь под впечатлением от пережитого, она машинально подняла трубку. Звонил директор Эрмитажа.

– Ирина Александровна, знаете, что произошло в Лувре? Только что. Там утро. Вы не поверите! Алло, вы слышите меня? Они обнаружили... – Стены поплыли у неё перед глазами. Возбуждённый голос рассказывал ей сегодняшнее происшествие с точностью до деталей. Она знала, что ещё одна из копий находилась там. – Ирина Александровна, Ирина Александровна, почему вы молчите? Я звоню, ведь у вас такая же. Алло! Да что за безобразная связь! – Голос на секунду утих, говоривший слушал кого-то рядом, там, в Петербурге. Наконец трубка снова ожила: – Ирина Александровна, так и у вас тоже? Подумать только! Невероятно. Да, да, я понимаю, вам не до того. Хорошо, перезвоню домой.

Короткие зуммеры вернули её к действительности.

Сергей иногда смотрел старые фильмы. Необычное чувство не покидало его в такие минуты. Каждый раз оно неизменно появлялось вновь, как только это происходило. В страшные, по его мнению, минуты с экрана смотрели, нет, жили мёртвые люди. Которых давно не было на земле. Но они разговаривали, смеялись, шутили, порой грустили. Действие тем больше напоминало фантазмагорию, чем дольше Сергей думал о них. Причиной тому было неприятное ощущение непонятной возникавшей связи между ним, живущим сейчас, и персонажами. Как будто кто-то из далёкого прошлого грозил пальцем: «Смотрите, мы были тоже как вы. Так же пели и веселились, так же не задумывались, зачем просыпаемся день за днём. Точнее, ошибались в ответе. И потому мертвы. И вы придёте к нам. Но это не страшно. Так же будете бегать по экрану и смеяться, обманывая уже следующие поколения, делая обман законом жанра. Смотрите, люди и сто лет назад жили так же. И вы скажете: – И через века будет по-прежнему. А значит, так и надо проживать жизнь. Так и писать свой последний роман... Как и все. Как установлено тем же законом».

Успокаивало то, что всякий раз, когда такие мысли приходили в голову, ему удавалось прогнать их.

Но однажды... одного «мертвеца» Сергей запомнил особо.

Восемнадцатого сентября две тысячи десятого года, в воскресенье, в прайм-тайм, к его удивлению, по одному из центральных каналов показывали документальный фильм о приговорённом к смертной казни. Точнее, долгие и подробные интервью с ним. «Репортаж с того света», – подумал тогда он. Фильм был старый, ещё советский. Но Сергей отчётливо понимал его уникальность – такие работы, в отличие от других, не стареют. Его можно смотреть и пятому поколению – причины, толкавшие людей на преступления, неизменны со времен Адама и Евы, в отличие от возможности получить прощение, которой всего две тысячи лет. По какой причине человек согласился на съёмку, он не знал – пропустил начало. Зато точно понимал, почему смотрит фильм.

Мало ли что могут говорить люди, преступившие порог. Вероятнее всего, о своей жизни. Наверняка немного искажая или утаивая мысли перед посторонними. Кто невольно, а кто и с умыслом. Ведь надежда живет вплоть до рокового выстрела. Наверняка все надеются на поми-

лование, и такой исход не только помогает им жить, может быть, последние дни или часы, но и вести себя, заботясь и желая лишь одного – остаться в живых. Кто же возьмётся осуждать? Но искренность в такие моменты становится относительной. Сергей был убеждён в этом какой-нибудь час назад. Но случай был действительно особый. Человек не хотел жить. Он не был сумасшедшим и вел себя вполне адекватно. Грамотная речь – результат высшего образования, недюжинный ум и хорошая память позволяли ему точно описывать всё, что пережил. Именно пережил, потому что он хотел умереть как можно быстрее, прямо поведав, что только из страха не готов наложить на себя руки. Жить же он не имеет права и не только не хочет, но твёрдо знает, что не будет. Вспоминая отца-пилота, к которому он ушёл в пятнадцать лет, бросив больную мать с маленькой сестрёнкой на руках, по сути, предав её, на глазах двух операторов и нескольких то ли психологов, то ли журналистов он говорил об искренних страданиях по этому поводу. Нет, о жутких своих муках. Именно с того момента и началось падение. Он так и называл последующую жизнь.

Глядя дальше на экран, Сергей поймал себя на мысли, что всё ещё думает над словами несчастного о том, как тот несколько раз пытался покончить с собой, но лишь по трусости так и не решился. Это расходилось с общепринятой установкой, что самоубийство – удел слабых. Выходило как раз наоборот. Значит, решить умереть и выполнить задуманное может только мужественный человек. И хотя все считали по-другому, у Сергея всё сходилось. Сильный, решительный – такие качества, столь ценимые в людях окружением, Сергей считал бедой. А значит, и решимость умереть может быть лишь следствием такой беды.

Поразило в рассказе человека и другое. Страшно волнуясь, он вспоминал, как занёс в ванну тело убитой им женщины, как положил в воду и посмотрел на себя в зеркало. «Тут руки мои затряслись, – проговорил он, – потому что я отчётливо помню, кого увидел там.

В зеркале был я, моё лицо... но я не смог узнать его. Оно было ни бледного, ни розового цвета, как обычно, оно было зелёным. Я ужаснулся, отпрянул, но через секунду посмотрел вновь, надеясь, что мне показалось.

Я ведь не был суеверным. Напрасно повторял и повторял попытку: из зеркала на меня смотрел мёртвый человек. Я сам».

Тускло освещённый свод пещеры – было первое, что он увидел, открыв глаза.

– Где я? – прошептал Сергей. – Есть здесь кто-то ещё?

– Я, – ответил шёпотом тихий голос.

– Кто вы?

– Смерть.

Он вздрогнул и быстро сел.

– Я не хочу... не может быть, – зашептал мужчина.

– Не бойся, ты не нужен мне пока, хотя нет, нужен. Очень. А ведь хожу я всегда около. Просто молчу. Молчу и смотрю на вас. Сажусь рядом, когда вы пишете книги, когда совершаете что-то в надежде скрыть. Вершите судьбы, берёте грязные деньги или, – лёгкий смехок чуть расслабил, – когда мните о себе чёрт-те что. Когда хвалитесь, будто знаете, чего хотите в жизни. Когда с гордостью говорите: «Я сделал себя сам!». Хотя желаете получить одно и то же – денег и счастья. Именно в такой последовательности, иногда с вариациями.

– Но ведь это невозможно!

– Многие верят.

– Не понял...

– Первое иногда удаётся. Второе никому. Не поверишь, мне страшно. От того, что происходит, что вы делаете с собой. И кто вас назвал разумными? А когда сатанеете от успеха... О-ох, – голос тяжело вздохнул. – Мне-то легче – я всего лишь жду своего часа. В моем бытии всё неизменно. Кроме одного. А сейчас вот заговорила. Тебе повезло. Поговорить со мной суждено не каждому.

– Господи, избави, за что мне это? – силясь вспомнить хоть какую-то молитву, в ужасе залепетал Сергей.

– За что такая награда, хочешь сказать? – шепот выдавал сарказм. – Проси, проси. Апостол Павел трижды обращался к Богу с молитвой, чтобы ангел сатанин не препятствовал ему в проповеди. Павел не был услышан. Суд Божий об этом предмете иной, нежели думалось ему. А кто ты? Впрочем, говори. Молчание мне до смерти надоело, – голос снова усмехнулся зловещему каламбуру. – Но ты поможешь мне.

– О чём мне говорить с тобой? И как можно помогать смерти? – выдавил Сергей. – Я боюсь тебя. Даже если ты на самом деле здесь, что мне с того? Уходи, прошу... уйди.

– Увы, увы, – шепот стал громче. – Есть неисполнимые желания. Попробуй другое.

– Я не знаю... и не хочу. Любой, окажись на моём месте, не знал бы, что можно с тобой обсуждать. Даже себя слушать мне страшно. Что уж говорить о тебе.

– Может, я знаю, чего не знаешь ты? – вкрадчивый голос уже только слегка походил на шепот.

– Наверное, так и есть. Если хочешь сказать мне об этом, говори и уходи, – чувствуя свою беспомощность, прошептал Сергей.

– Помнишь того смертника, приговорённого?

– Конечно.

– Он ведь убил столько людей, но умер не в первый раз, когда такое случилось. А лишь на седьмой или на девятый, уже и не припомню, – с сожалением произнесла она. – Как думаешь, отчего я не забираю таких сразу?

– Не знаю, – всё ещё растерянно, не готовый к диалогу с *такой* собеседницей, выдавил Сергей.

– Значит, убить человека – не самое страшное. А если так, раз ему отпущено время для прощения, смерть не положена. Да не каждый воспользуется временем.

– Что же ему положено? И что может быть страшнее убийства?

– Приучились же убийства связывать со мной! – в голосе послышалось возмущение. – Как говорится в одном фильме – «вжик... и ты на небесах». – Впрочем, далеко не все. Мне же приятнее, когда прихожу к естественной кончине. Никаких тебе неожиданностей. Ковыляю, так сказать, вдоль очереди. Некоторым помогаю продвинуться вперёд, хе-хе. А другие сами просят, хватают и хватают. Раз чуть косу не вырвали. Да ты и сам видел.

– Ничего я не видел!

– Да? Ну так всё впереди... Ведь ковыляю-то не одна. Целый хвост бесов... даже вперёд выскакивают. Оттого человек и видит их перед самой смертью. Тьфу, передо мной. Закон природы, – она вздохнула, – увидеть тех, кто ждёт тебя там. – Голос на мгновение умолк. – Не все выдерживают, между прочим. Так что случайная смерть в некотором роде терпимее, – она снова вздохнула.

– А что, – изо всех сил стараясь подавить страх, спросил Сергей, – *те* ждут всех? И только они?

– Всех. Не одни, конечно. Но надежды мало. Как можно надеяться на остывшую жизнь, убитую вами. Холод – помощник в сохранении тела, а не души. – Она замолчала.

– Да вы никак переживаете? – чуть погодя с удивлением выдавил Сергей.

– Приятного мало. Сказала же: холодно. Костра не развести.

– Вам-то что? Знаете заранее, видели миллионы раз...

– Да одинакового раза-то не было. Привыкнуть не могу. Вы ведь ещё те твари, каждый по-своему. А гоготать, как эти... что идут со мной, не способны. Жаль мне вас. Все знаете, извещены, а валите в одну сторону. Скопом, гуртом, будто слепые.

– В какую сторону?

– Сытости, сытости, тёпленький мой. А пресыщаясь, требуете ещё. Али не так?

– Что ж плохого?

– Так ведь отнято у кого-то, рвёте зубами у других. Поди, и сам замечал – вроде двое одинаково симпатичны, слова правильные, а зубы разные. У одного клыкастее. Ясно же. Дом побольше оттого, что кто-то спит в сарае... Закон неотменим! Сколько ни убеждай себя, будто трудом праведным... эх-хе-хе...

– Многие заработали!

– Ну, ну. Я-то считала, что с мозгами. Всерьёз так думаешь?

– Если честно, нет.

– Тогда не ошиблась. Успокоил.

– Но можно и понять – просто... условия жизни... все стараются сделать их лучше. И я хочу, чтобы дети мои не голодали, не жили в бараках. И остальные так. Что плохого?

– Да ведь и так не голодают. И живут в тепле, – раздражённо среагировал голос. – Не этого хотите – а чтоб ели слаще, чем чужие, да имели больше, чем соседские! Много ещё не помешало бы, правда ведь? Хе-хе, – опять ухмыльнулась она.

– Убивать, что ли, лучше? – возмутился Сергей, на секунду забыв о сцене в катакомбах. Но тут же поправился. – Что ж плохого, если всё лучше и лучше?

– Процесс-то бесконечен. Порочна цель, а значит, и действия. Построить царство избытка. Безудержного потребления. Убивающего. Хороша же цель рождения! И все потрясения мира, вселенские катастрофы и шесть дней творения ради неё? Вот это появляющееся из матери существо – чтобы обожраться?! Тогда бы всех ко мне и сразу. Ан нет! Значит, для другого изваяли вас. Н-да... А вот на них, безудержных, *те*, хвостатые, потирают руки до крови. Ждут не дождутся. Так что бывает и убивать – лучше.

– Нормально! Приехали. – Возмущение на секунду одолело страх. – И какая же причина заблуждений?

– Одинакова для всех – зависть. Да, да. Та самая подруга ненависти и троюродная сестра... не помню кого. Насмотришься на вас – прямо мастерская зависти. Фабрика! Видишь что-то лучшее, чем есть у тебя, хочешь большего, а потом узнаёшь, что другие давно ушли вперед, и по новой, по новой. До бесконечности. Не три, а шесть пар обуви, потом пятнадцать. Разумность отодвинута желанием. Душа – телом. И на всё это растрачивается время, такое необходимое для воспоминаний.

– Воспоминаний?

– Воспоминаний о том, что оскорбили, предали, обокрали когда-то другого, а значит, себя. Что, оттолкнув, заняли чье-то место на пути к цели. О том, что объедаетесь салями на глазах голодающих. Что руки давно почернели от мзды, но вы лжёте себе, что трясутся с похмелья. О подлости, изворотливости, объявляя их умением заработать. Обрыдла ваша одинаковость. Вот и думаю, дай поговорю, может, не понимаю чего?

– И для этого выбрали меня?

– Конечно, нет! Я же сказала, ты можешь выполнить мою просьбу! Ведь роешь, путаешься в том же. Всё-таки верно, что у вас после сорока лицо на затылке и глазами пялитесь назад.

– Да ладно. Кто это сказал?

– Некий Оливейра. А разве, чем занялся сам, не одно и то же?

– Не одно.

– А ты пощупай затылок, и согласишься...

Сергей машинально провёл рукой по голове и тут же отдернул.

– Вот видишь, нащупал, а говоришь... Может, помогу чем?

– Вы-то чем поможете? Да и что это, наконец, за просьба? Вы будто пугаете!

– Так для того и существую! Не радовать же! Впрочем, хорошо. О моей просьбе больше ни слова. Скажу сама! А помочь могу чем... Сам же говоришь, видела смертей больше, чем песчинок в море. Видела людей за три секунды до этого. Разве мало? Живёте-то одинаково, а

умираете по-разному... ох, я ж говорила тебе уже. Вот отсутствие практики в диспутах! Давай навёрстывать!

Сергей уловил оттенки требовательности в последней фразе. И хотя всё ещё терялся в догадках, решил не настаивать, сознавая, что происходящее могло быть и хуже. Придя к такому заключению и несколько успокоившись, он вернулся к безответному вопросу:

– Так что же может быть хуже убийства?

– Разлад души с умом.

– Я не понимаю, поясни.

– Поди ж, какой скорый! И на «ты» переходишь. Впрочем, валяй, мне нравится... Знаешь, сто пятьдесят лет назад неким Брянчаниновым была написана пьеска – «Совещание души с умом». Всего несколько страниц. Прелюбопытный разговор, надо заметить.

В начале душа обращается к уму со словами: «Скорблю невыносимо, нигде не нахожу отрады, ни вне, ни внутри меня. Созерцания мира, неосторожные взгляды на него, неопытная доверчивость к миру привлекли в меня его стрелы, исполнили меня смертельных язв. К чему мне смотреть на мир? Непременно я оставлю его». – А дальше вот, послушай: «Ум мой! Ты – руководитель души. Наставь меня! Введи в меня блаженное спокойствие. Мир и страсти измучили, истерзали». На что ум отвечает: «Неутешительным будет ответ мой. И я вместе с тобою, душа, поражён злом. Как я помогу тебе, когда мне самому нанесены убийственные удары? Поражённый развлечением, я скитаюсь по Вселенной без нужды и пользы. И в этой круговерти я забываю падение мое, бедственное положение мое. В помрачении и самообольщении моем начинаю находить в себе и в тебе, душа, достоинства. Я начинаю искать, требовать признания этих достоинств от лживого мира, готового на минуту согласиться, чтобы после зло посмеяться».

Звук хлопнувшей книги заставил вздрогнуть. Наступила пауза.

Первым не выдержал Сергей:

– Я не понимаю, к чему ты рассказала об этом?

– И то верно. Вот подумала сейчас, сложны будут детали разговора для тебя. Там душа в отчаянии спрашивает, что ей всё-таки делать. Ум предлагает умереть для мира, а она вроде и согласна, но как быть с бессмертием? А тот отвечает, что умертвить в себе мир, то есть пятнадцать пар туфель, значит не умереть, а родиться. В общем, сложно. Но главное, ради чего я вспомнила пьесу, в следующих словах: «Не полагай, душа, что я изъят из приговора. Нет! Чашу смерти я должен разделить с тобою и первый испить её как главный виновник нашего с тобой падения».

– Понятно, ум тоже виноват, – недоумение не проходило. – Ну и что?

– Как что? Где, как не в лабиринтах совести, ум может ответить за твои поступки. При жизни. Где ещё я могу задать разуму вопросы, которые тревожат меня? И которых так боится человек? Ты, например. Как Любовь есть совершенства всех добродетелей, так и самолюбие состоит из полноты всех зол... Так ступай же туда, где со сводов гулко опадают, разбиваясь о равнодушные твоё, капли времён. Помнящих, зачем привели тебя в этот мир. Найди колыбель совести своей...

Сергей некоторое время молчал, задумавшись. Молчал и голос. Пытаясь уловить каплю истины в сказанном, а она, падая только что, очертила путь, безуспешно нащупать который он стремился всегда, Сергей машинально закрыл глаза. Это не помогло. «Узник... не способен. Не здесь увижу дорогу. Не она покажет выход».

– Я совсем запутался, – начал он, стараясь скрыть последние мысли. – Самолюбие... колыбель, – и, помедлив, словно ожидая чего-то неприятного, добавил: – И какие же вопросы тревожат тебя? – Услышанное прежде, не предвещало хорошего.

– О! Самолюбие! – В голосе послышался странный пафос. – Невинное чувство вначале, приносящее потом обладателю восторженные взоры! Тысячи! Правда, есть ещё взоры ненави-

сти. Но они не видны им. Как не слышны и стоны. Нравственная глухота – неизменная плата за благополучие. – Голос усмехнулся. – Обычно оправдано заботой о близких. Мол, ради них, родимых.

– Чьи? Чьи стоны не слышны? – Растерянность Сергея была откровенной. Да и не мудрено. Следовать столь быстро меняющимся направлениям разговора, похожим на повороты в тоннеле, требовало усилий.

– Ну, к примеру, абсолютная глухота в Лондоне. В «Альберт-Холле» на торжествах по случаю юбилея первого и последнего президента. Была и такая должность. Все мои хвостатые упились!

– Он-то здесь при чём? – уже раздражённо воскликнул мужчина.

– Нет, всё-таки что вас сближает, это искренняя глупость. И тебя, и тех, кто чувствует. – Шёпот сделал паузу. – Я ходила неотступно рядом с ним. С той самой минуты, как получил он в руки судьбы... людей.

– Так, наверное, с каждым, кто получил?..

– Хм... не совсем так. Меня так рано приставляют к тем, кто, получив, берётся вершить! Не каждый, знаешь ли, рискнёт. Замечу, юбиляр делал это легко и непринуждённо. Можно сказать, с упоением! – Шёпот снова умолк.

Прошло около минуты.

– Ну пусть, пусть он сдал шестую часть света, – тихо прервал молчание Сергей. – Плюсов и минусов... чего больше, не подсчитать. Вполне возможно, последствия оправданы...

– Последствия... Последствия его самолюбия. Вот главное. – В голосе послышалось уныние. – Нобелевский лауреат – это он. Но и Карабах – тоже он. И Чечня – тоже он. И Бишкек, и Осетия, и сербы. Да и на Африке не закончится. Частичка осядет во всех кругах от брошенного в воду камня. Что там говорить, сколько вас замучено в том кровавом месиве... Ох, косила я, косила. Устала впервые за полвека. А ты – последствия оправданы! Всего лишь результат такой мелочи, как самолюбие одного человека. А спившийся народ, сначала отученный такими же, как юбиляр, от понятия «безработица», а затем брошенный им в чудовищную ломку отношений, наблюдавшими за этим из Лондона? В перерывах между шоу с участием. А трагедии матерей от того, что миллионы детей их гибли, корчась в муках наркотического угара? Или в бандитских перестрелках. Откуда ему знать, что видели глаза ещё одной матери – России? Когда бросала горсть земли на свежие могилы каждый день? Свои безусловно «невинные» очи он ласкал пейзажами Парижа. Так что могилы – он. И Альберт-Холл – тоже он. И ты. – Сергей вздрогнул. – Ну, и я, конечно... По пятам беспутной жизни. Ну-ка, представь его русским. Русские поля, просторы, народ и... Альберт-Холл. Оцени степень цинизма в торге! А вы – проститутки, проститутки... Никак не уразумею – одни гибнут, другие получают награды. Слёзы порождают радость. Вы для меня загадка. Бывало, смотрю, глубоко так задумается, изредка, между банкетам в свою честь. С кем только не сидел за столом! С такой дрянью! А сидит, чувствую, вроде корёжит внутри, ломает. Стою рядом и стараюсь в глаза заглянуть, проникнуть. Нет, не ломает. А потом снова похлопают, похлопают – глядь, отошёл. Отогрелся. Даже рад! Слово, что ли, какое знает, чтобы слез не видеть. Не поверишь, сон – здоровый.

Сергею показалось, голос хмыкнул.

– Ну, как теперь с плюсами и минусами? Чего больше?

Он молчал, потому что знал: аргументов нет.

– Не правда ли, высоковата цена для роскошного, почти королевского юбилея! Какой уж там Достоевский с его недопустимостью одной слезы одного лишь ребенка за чьё-то будущее счастье... Между прочим, так и не прочёл. И закопан старик в одной из тех могил. Для кого скрипел пером? – Она снова замолчала.

На этот раз тишина, повисшая в пещере, почему-то не казалась Сергею гнетущей. То ли оттого, что устал, то ли что принимал уже всё с какой-то обречённостью.

– Для меня... писал... – прошептал он и осёкся.

– Да твой убийца просто ангел, – спокойно, не обратив внимания, продолжила собеседница, явно занятая другими мыслями. – Но мы отвлеклись, – тон голоса неожиданно изменился. В нем послышались угрожающие нотки. – У меня вопрос теперь к тебе. Помнишь?

Слова заставили снова замереть. Сергею вдруг показалось, будто кто-то невидимый смотрит прямо в глаза.

– Почему ты убил Джеймса?

– Я не убивал, не убивал его! – вскрикнул Сергей, ожидая именно этого – мысль мучила его последние минуты разговора. – Я не хотел делать этого!

– Так не хотел или не убивал? Ведь тот не хотел тоже! Тоже! Тоже...

Вкрадчивый шёпот уже казался ему раскатистым эхом.

– Я не убивал, не убивал! Не убивал!

Он изо всех сил зажал руками уши.

– Папа! Ну что же это такое? Пожалей хотя бы маму! Не меня! Ну к чему все это? Бросай дом, семью, едешь, – она растерянно посмотрела вокруг, – в какую-то Тмутаракань. Живёшь в этой избе... – Ксения с полным горечи лицом стояла у калитки и с отчаянием указала на деревенский дом, на крыльце которого стоял пожилой мужчина. Глаза её наполнились слезами.

Тот медленно подошёл к ней и обнял. Девушка разрыдалась.

– Папочка, ну что ты выдумал? У нас такая семья. У меня прекрасная карьера... мои передачи в самых высоких рейтингах. Мы можем позволить себе всё. Что же ещё нужно-то... живи. Поедем домой... я, я... ведь только для тебя. Я так хотела, чтобы ты видел мой успех!

Она затихла и что-то запричитала.

– Не то... не то надобно мне было, доченька, – еле слышно прошептал отец. – А сейчас я только плачу...

Знаменитая на всю страну телеведущая в ужасе проснулась. Её отец, бывший мэр одной из Венеций, только что разговаривал с ней.

– Нет, так не пойдёт. Куда тебя понесло? – Шёпот привел его в чувство.

– Я жил! Я просто жил! – снова закричал Сергей. – Ты понимаешь, я просто жил. Как живут на этой земле люди, как тысячи таких же! Неужели в их жизнях есть и ты? Пусть миг! Почему? Зачем этот миг? А ты здесь уже столько! Кто звал тебя?

– Миг? Не скажи. Ты каждую минуту на своих страницах уговаривал остаться, не уходить. Мне было приятно, сознаюсь. Мало кто удерживал так меня. Никто не был со мной так близок. Однажды я поняла, что меняюсь, становлюсь другой. Я даже прогнала тех, что вяжутся за мной всегда, а на страницах особенно. Помнишь, я говорила о них. Никогда не позволяла себе такого своеволия. Как надоел мне смрадный хвост. Потирая руки, они узнают своих, и ничего нельзя поделаться, – сквозь шепот послышались всхлипывания. – Я заплатила им. Но цена стоила того!

Сергей онемел. Вопросы, слова и что-то ещё рвалось наружу. Но немота сковала.

– Господи, за что мне это? Знаю... за что. Но почему сейчас? Почему живому? Только не здесь... Потом... потом – всё мне. Но только моё, – он опустил голову.

– Знаешь, почему жалко тебя?

– Мне не важно, – ответил Сергей, не поднимая головы.

– Понимаю. А помнишь, райкомовская печать всегда пахла водкой? – неожиданно спросила она. – Ну, включайся... один ваш юморист.

– Господи, при чём здесь это? И сейчас. Пошло... всё пошло и не ко времени...

– А задача вовремя? Быстро и вовремя создать новую семью, быстро и вовремя покинуть взбесившуюся страну, – так пишет Эдик Скворцов, тоже из ваших.

– Какой Эдик?

– Я о другом... Есть ещё одна печать. «Преждевременная смерть». Человек может быть помечен ею и жить, не догадываясь. Но иногда она проступает. На запястье. Значит, пора.

Он закрыл лицо руками.

– Оставь меня, – в тоне послышалась мольба.

– Оставляю. – Голос вздохнул. – Но вот «не ко времени». А что «ко времени»? И вообще, что оно вам, время? Вы так цените его. Но тратите. Расточаете. На признание, статус, власть. На тлен. Впрочем, и на удовольствия. На женщин мужчины. На мужчин женщины. На комплексы. Помнишь? Сначала найти свои «достоинства», а потом непременно требовать их признания другими. Незатейливая философия, не правда ли? Даже забавно. А ведь вам запрещено искать и требовать.

– Кем и когда?

– В раю. В раю, дорогой. Ведь именно «требование» привело вас на землю, и люди познали меня. Теперь только под ручку со мной вы ищете, требуете, убиваете. Неразлучны, так сказать, – собеседница щёлкнула языком.

– Никто в это не верит, – вырвалось у Сергея.

– Увы. Наступает в жизни момент, когда верят все. За минуту до моего прихода! Я-то знаю. Да поздно.

– В это тоже никто не верит, – уныло произнёс мужчина.

– Так останови бег и оглянись. Хотя что я говорю. Человек оглядывается назад только раз в жизни. Когда неизлечимо болен. Или в тюрьме. Или... Его останавливают. И появляется время. Много времени. Обернуться и подумать. На больничной или двухъярусной койке. В хосписе или за Байкалом, неважно. Но всматриваясь в жизнь, вдруг понимает, что занимался лишь одним – зарабатывал деньги. Хотя первое слово всегда мутновато. Придавал этому значение. К примеру, как Майкл Дуглас. Киноактёр.

– Ну вы даёте, – выдавил Сергей.

– Однажды ему задали вопрос: «Что дали вам большие деньги?» Тот ответил: «Спокойствие и уверенность».

– А разве не так? – Беглец отнял от лица руки.

– Они обманули его. Ни того, ни другого Дуглас не получил. Как и подобные.

– Кто обманул? Деньги?

– Да ты не в себе! Очнись!

– А как же последняя роль? Финансист. Сам ведь поражался, почему восхищаются сыгранным подлецом.

– Лукавит, награду восхищением он получил по праву! От подобных-то.

– Так ведь умирал тогда...

– То-то и оно. Понимаешь, спокойствие и уверенность даёт не наличие, а отсутствие больших денег. Есть люди, которые считают именно так. Они всегда последние в очереди ко мне.

– Прямо какая-то обратная сторона спокойствия!

– Обратная. Сам же так говорил. Но никого не переубедить. И несчастными умирают первые, потому что вторые смерти не боятся. Как твой Толстой. Даже желают... Пардон, забегаю. Хе-хе. Дуглас говорил это больной, на пороге – спокойствие и уверенность. Уже я с косою заглядывала, а он так и не понял ничего. Не признает его твой воин меж крестов.

– Какой ещё воин?

– То впереди. У тебя впереди. Для меня он такая же загадка.

– К чему мне это? Всё равно никто не поверит... – Сергей снова опустил голову.

– Неверие, – голос опять перешел в шёпот. – Неверие погубило фарисеев в древней Иудее, и они распяли Христа. Неверие выплеснуло миру самые чудовищные войны. Неверие разрушает семьи, растлевает детей, убивает жизнь. Только неверие.

Оно продолжает губить вас. Рядом живут тысячи отринувших зло, но вы не верите даже в это. Что поделаться, не дают интервью, не бывают в салонах и на фуршетах – где даже я, званая, жмусь в сторонке.

А другие... «Я как все», – мысль спасительная. Успокаивает. Поражённую душу. – Она в который раз вздохнула. – Вот так и копаете могилку. Каждый своей совести. Тому, чего не прибавить. Не в вашей власти прибавлять – только сохранить. А тратите на одно. На меня. Приближаете, прямо рветесь! Цените то, что не имеет ценности. Дорожите пустым, чтобы легче нести. Куда? Кому? Лопаты только мелькают. Да мешки. Ну и... камни. Ты погляди сверху-то на землю. Вся копошится! – Она кашлянула.

– Но я-то знаю, что есть другие! Тысячи! – воскликнул Сергей.

Ответа не было.

Он был согласен с молчанием призрачной собеседницы. И то, о чём шла речь, давно понял. И там, в жизни, пытался изменить, но не получалось. Никакими усилиями. Всё, что говорила она, было правдой, которую так же, как и все, старался скрыть от себя. Не думать о ней, а лишь писать, писать и писать. Иначе приходил ужас жизни. Его обличье Сергей помнил хорошо. А сейчас просто не хотел слушать. «Так устроен мир», – спасительная мысль, за которую цеплялись миллионы бегущих, чуточку ободрила, даже успокоила мужчину. – Миллионы... Вместе. Все делают так же. – Мысль эта среди бушующей и лишь порой затихающей бури жизни была тем выступом, за который, не замечая крови на ладонях, держались люди всегда. Сергей закрыл глаза. Закрыл, стараясь прогнать жестокую правду. Прогнать прочь, как и делал это много раз прежде. Как делали и другие, каждый день. И тысячи лет назад и сейчас.

– Смотри не вступи в переписку с автором! – Вера Петровна, приоткрыв дверь, заглянула в кабинет. – Там по телевизору передача...

– Ё-моё... – вырвалось у Сергея. Руки оторвались от клавиатуры.

– Нет-нет. Я здесь. Это сбой. Бывает, – шёпот вернул его в прежнее состояние. – Мы снова в теме. Помнишь сказку о потерянном времени? Из детства.

Сергей не нашелся, что ответить.

– Так смотри.

Неожиданно он увидел свой ярко освещенный кабинет, точнее, одну из комнат его квартиры. «Да я и нахожусь здесь», – мелькнула мысль. На стене прямо перед ним висела фотография известного японского мастера – на фоне заваленного снегом куста спиреи в белом квадрате картины стоял покрытый красной тканью маленький стол. Над ним, видимо, защищая от падавшего снега, нависал такой же красный зонт. Композиция была хороша, что говорить. Под ней стоял портрет дочери. Совсем молодой девушки, какой и была она. Рядом – дочь с подругой. Справа на стене – уже с подругами. Чуть выше «Ялта после дождя» – любимая картина. Пальмы и мокрый асфальт с отражением балконов и витрин. Осень в городе, который убил Чехова, многие годы рождала в нём ощущение утраченного. Здесь утраченного, но пойманного безвестным художником совсем в другом месте.

– А теперь смотри сюда. Вот ценность того, что вы ставите превыше себя. Внимательно смотри. – Голос отвлек Сергея от композиции.

Тюбики и флаконы с пудрой, покой которых нарушала только жена, вдруг стали менять форму. Календари и блокноты, что лежали на нижней полке стола, исчезли. Стрелки часов на маленьком циферблате закрутились вперёд с бешеной скоростью. Неожиданно рядом с портретом дочери появился ещё один. Женщина, удивительно похожая на неё, но много старше, заставила оторопеть. Цвет обоев потемнел. И тут рамка того, прежнего портрета неожиданно лопнула с сухим треском, и он медленно растаял. Несколько детских фотографий, появившись, стремительно начали желтеть и перемещаться по стене.

– Это её внуки, – в голосе чувствовалось сожаление. – Тебя уже нет. Память, время бм-нув, уносится в небытие. Похищая жизнь. И жизни ваших детей. И внуков. На самом деле вы – ничто.

Неожиданно всё стало исчезать. Папки в футлярах, блокноты на столе, картины. Сам стол. Последним растаял красный зонт. Безжалостно содранные обои обнажили кирпичную кладку, пустые бутылки... штукатурка, синяя краска, фотографии каких-то голых женщин. Он закрыл глаза.

– Боже, для чего это собиралось, копилось, было ценимо? Благополучие, уют, тепло... всё прахом.

– Не то собирал и складывал. – Шёпот, словно сочувствуя ему, не сразу продолжил фразу. – Видишь, что остаётся жить после пятнадцати пар обуви? А ты – Модильяни, Модильяни... Семья... Набоков... театр... Голову-то не жалко? Память тлеет неотвратимо. Её вообще нет. Спроси, кто блистал на сцене тридцать лет назад или правил страной. А кто был властителем дум? Не вспомнит и десятая часть. А ведь для кого-то это был верх устремлений. Мечта! Их именами жили! Просыпались! С их идеями шли на баррикады! Великий и страшный обман. Бедный, бедный Янковский.

Сергей удивлённо поднял брови и повернул голову, ища собеседницу глазами.

– Да, да, повод прикинуть, закусывать ли заливной рыбой по-прежнему в ресторане ЦДЛ или обойтись холодной рюмкой водки и дома. Вечером, под траур собственных размышлений.

– Что же... как после этого жить? Ходить по улицам, дышать, собираться компанией по праздникам...

– А помнишь двух старух:

«– Мне бы, Ольга Даниловна, помереть...

– Помереть – трудно. Очень хотеть надо.

– Я очень хочу. Честное слово!

– Хотеть мало. Удача нужна!»

– Помню. Из «Кухоньки»? К чему?

– А раз спрашиваешь, не отвечу. Подрасти.

– Ещё одна встреча?

– Так в полный рост отправляю лично.

– Я не тороплюсь...

– Все так говорят. Спрашивай тогда правильно.

И пока жив... Ведь и дальше будете... дышать, ходить... Поразительно. Может, я, смотря на вас, вижу не то... потому и понять не могу?

– Зачем тебе понимать? – еле слышно проговорил Сергей.

– И то верно. Пойми я вас, разве могла бы так приходиться сюда, быть рядом в такие минуты, минуты самоуничтожения? Нет, не смогла бы. Не по силам. Этим, – ему почудился в словах кивок говорившей за спину, – такое необходимо. Для того они и рядом, хвостом за мной, всегда. И пишут, записывают... Видно, положено. Но однажды отталкивают меня и врываются... Я глаза закрываю каждый раз. От ужаса, что делают они с вами. Не поверишь. – Голос снова на секунду замолк.

Что-то призрачное и непонятное, казалось, повисло в этой тишине. «Непонятное ли?» Сергей уже не знал.

– Да и в самоуничтожении вашем тайна. – Задумчивый голос появился вновь. – Вот Фокин говаривал, что человек мучающийся, сомневающийся – самый здоровый из здоровых. Начинал с Набокова, потом засомневался – пришёл к Карамазовым и «Шинели». Финала-то два – рождение или петля. Который лучше, поди угадай. Что получится в результате? Даже после Карамазовых. Например, уверенность только в собственной правоте... Между прочим...

э-эй, ты слушаешь меня? – В воздухе пощелкали пальцы. – Последнее тебе к размышлению, коли тем же путём.

– А что, есть третий? – пробормотал Сергей.

– Да как же! Просто жить. Утром завтракать, ходить на работу, вечером читать газеты или смотреть футбол... в общем, незамысловато. Всё лучше размышлений. Несчастье-то рядом. Как и озарение! Вот тот же Фокин... ох, дался же он мне...

– Я правильно понимаю, Валерий?

– Правильно, правильно. Мог бы не спрашивать. Так он, родимый, признавал, что театр – это чума, болезнь. Высокая, наивысочайшая болезнь.

– Один из его героев! Сам он мог думать иначе! – воскликнул Сергей. – Ведь иногда у некоторых его коллег такая болезнь не просто высочайшая, но и со смертельным исходом. Смертельно заболевает душа. Лучше бы им не болеть вовсе. Не мучиться. Оставаться здоровыми, как во времена молодости, и не прикасаться к искусству.

– Говорю же – просто жить. И хватит обо мне... смертельно заболевает, со смертельным исходом...

Сергею показалось, что собеседница расстроилась.

– Хотя, пожалуй, ты прав, – продолжил голос. – Неразлучны мы с вами. Иногда и при жизни в обнимку... Не зря, ох, не зря затеяла я этот разговор. Обогадилась свежими идеями, так сказать. – И, с усмешкой щёлкнув языком, добавила: – В следующий раз приду во всеоружии... Эх-хе-хе.

В который раз наступила тишина. Сергей почувствовал легкий холодок сквозняка, напоминавшего ветер от набегающего поезда в метро. Странные всплывающие воспоминания и образы отвлекли его... Вагон мерно покачивало. Какой-то человек пристально смотрел на тёмное стекло. На большом рекламном листе, среди разноцветных ёлок, украшенных гирляндами, голубоватыми блёстками проступали слова: «Встретим с мезтью Новый год!». – Он усмехнулся. – Вместе Новый год. Конечно, вместе! – Одна из веток с огоньками просто загораживает часть слова. Вдруг ветка приподнялась, и он в ужасе снова прочёл: «Встретим с мезтью Новый год!». Господи...

– Правда, иногда их спасают те, сверху, – вдруг раздалось в вагоне.

Картина рассыпалась, Сергей по-прежнему был здесь.

– К-как... как они делают это? – вырвалось у него. – И что же я должен... чтобы мне... протянули руку?

– Дослушай Моцарта, раз взялся. Гляжу, разум твой светлеет на глазах. Осмысливаешь. Помнишь, Пушкин в последние секунды просил приподнять его, а Жуковский исполнил просьбу. И Гоголь кричал: «Лестницу! Лестницу!». Хм, а вот Фет, маг и колдун, задыхаясь, рухнул в кресло и, указав в угол, закричал: «Чёрт!».

И тут же умер с выкатившимися глазами. Веки закрыть так и не смогли – хоронили, покрыв тканью, чтобы люди не видели ужаса, отражённого в зрачках. А Мопассан сошёл с ума. Мои беседы всегда перебивал его цинизм и запах шлюшек с прокисшим бургундским. Скисало, лишь приближаясь ко рту. Бр-р-р-р. Правда, не всегда... напраслину возводить не буду. Понимаешь, – помолчав, продолжила она, – автор – вечно подсудимый. – И, почувствовав недоумение Сергея, пояснила: – «Урывки времени», восемьсот двадцатый год. Собрание сочинений одного прозаика. Эко, скажешь, что читала! – Голос опять усмехнулся. – Но согласишься, как сегодня сказано! Если берёшься, должен выполнить главное условие – хотя бы о чём-то пожалеть в своей жизни. Вот Казаков здесь был на высоте. Хотел бы изменить... чуть ли не всё в прошлом. Сожалел! Каково преображение! Через бездну! Без него, без условия, на вторую ступеньку не встать. В противном случае, творя, быть тебе вечно с хохотом уродцев... что следом и всегда. Впрочем, опять же, о чём это я... не моя обязанность. Не моя! Эх-хе-хе.

Сквозняк усилился. Сергею даже показалось, что шум в глубине тоннеля приближался. Это на секунду отвлекло его.

– Так не хотел или не убивал? – как-то холодно повторила вопрос собеседница, вернув своего подопечного к началу разговора.

– Я не убивал его. Говорю, не убивал, – устало повторил он. И вдруг смолк и поник, вспомнив что-то.

– Я помогу тебе. Начни, к примеру, со слов: «Зима девяносто первого года выдалась не такой суровой. Ничего не предвещало драмы».

– Только не это, – выдавил из себя Сергей.

– Н-да. Что делать-то? Ну, давай с другого конца. Скажи мне, а можно убить человека, который ещё не родился?

Сергей облегчённо вздохнул. На мгновение ему показалось, что бегство от своей памяти возможно.

– Как же? Ведь он ещё не живёт.

– Ну, вопрос риторический. Еще не ходит по земле не значит не живет. – Голос затих. Через некоторое время пауза вместе с повисшей тишиной навели его на спасительную мысль, что вокруг никого нет. Он даже сделал попытку двинуться дальше.

– Расскажу одну историю, – гулко раздалось под сводами. Сергей замер. – Живут на свете две девушки. Далеко друг от друга, в общем, даже неплохо. Прямо скажем, хорошо. Но живут так лишь по одной причине – они не знают, что другой человек обязан им жизнью. Если бы не они – не было бы его в живых.

– Я что-то не понимаю – они живут хорошо, потому что не знают?

– Именно. Вот такая причудливая связь. А что... как ни извилисты катакомбы совести, они прямая линия, всего лишь чёрточка, по сравнению с бесчисленным множеством путей к сердцу! О! Неплохо получилось? – В голосе послышалось искреннее удивление. – Так вот. Всё сложилось бы по-другому, – перейдя на шёпот, продолжил голос, – не случись с ними, ещё в детстве... нет, ещё когда мать их была беременна первой из них, одного пренеприятного происшествия.

Сергей насторожился. Ничего хорошего он не ждал и с самого начала разговора, но сейчас вдруг почувствовал, как у него заныло в затылке – верный признак надвигающихся неприятностей.

– Так вот, – уже громко сказала невидимая собеседница, окончательно отсекая возникшую было спасительную мысль. – Когда мать была беременна, муж бросился во все тяжкие. Ну там, любовница... открыто, не таясь... короче, предал. В общем, мерзко всё. И довольно типично. История получила огласку, да не на один день. Так что жизнь несчастной была отравлена. Нет, слова слишком мягкие. Её слёзы ночи напролёт, боль, разрывающая молодое, ещё не готовое к таким подлостям сердце, требуют иных слов, известных только тебе! Не могло не сказаться это и на будущем ребёнке. Он ведь, по крайней мере, тоже стонал, впитывая эти яды. Яды от избиения души. Своей и матери. Она была одна у них в те минуты.

Капли холодного пота, мгновенно выступившие на лбу Сергея, заставляли лицо выглядеть ещё бледнее, чем в действительности.

– Эти яды, – шепот показался ему зловещим, – при каждом ударе зловонными струями, как смрадные черви, расползались по телу. И, пожирая всё хорошее, что дано младенцам при зачатии, не могли оставить нетронутой такую роскошь, как радость матери будущему ребёнку. Они пожрали всю семью.

Он, конечно, знал, что старшая дочь дважды убежала из дома. Как она напишет потом в той страшной записке: «...не могу больше смотреть в отрешённые глаза мамы...». Знал и то, что однажды она незаметно отстегнёт замок «тарзанки» и уйдёт в свой последний «свободный» полет. От всех людей на свете. Знал, как потом сойдёт с ума родившая её... Знал!

– Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! Этого не случилось! Не было такого! – закричал Сергей, сдавив изо всех сил голову руками. Он повалился и, уткнувшись в землю лицом, заколотил по ней кулаками. – Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! Не могло этого быть! Я бы помнил! Помнил! – Тело задргалось в конвульсиях.

Прошло около часа. Мужчина сидел, прислонившись к стене и обессиленно вытянув ноги, размазывал руками по щекам уже сохнувшие слёзы. «Лучше умереть здесь, лучше здесь, – лихорадочно думал он. – Ни одного поворота я больше не выдержу».

– Верно. Не человеком надо быть, нелюдем. Тогда можно и дальше. – Голос заставил его сглотнуть.

– Но ведь этого действительно не было, – обречённо выдавил Сергей. – Зачем мне... истязать меня...

– Тоже верно. Но должно было произойти именно так. Кому-то понадобилось приложить огромные усилия, чтобы повернуть штурвал в чужую сторону.

– В чужую?

– Увиденное обязательно должно было случиться. Хотя нож был занесён тобою. И случилось, только с другим.

– Значит, мне повезло?

– Повезло? Ну, в каком-то смысле и в какой-то момент, может быть.

– Почему в «каком-то смысле»? Ведь если не случилось, значит...

– Не скажи. Подумай сам, может ли быть благородным тот, кто, избавив тебя от ужаса финала, заставил испытать финал другого человека.

– То есть?

– Ты кому-то нужен. И планы его пострашнее всего, что предстояло тебе пережить. Боюсь, в его власти снова сделать рокировку испытания. Так что не торопись с «везением». Иначе никакой логики, не правда ли? Вот тогда и будет выбор у тебя. Всем выборам выбор! – Последние слова голос произнёс со зловещим оттенком.

Сергея бросило в пот. Ему показалось, что собеседница усмехнулась.

– Но для чего? Для чего я могу быть нужен? Именно я? Вокруг миллионы таких же!

– Я не пифия и не оракул. У меня свой интерес к тебе. Говорила уже. Но могу дать полезный совет: не торопись узнавать ответ. Дай время и другим событиям. Уж кто-кто, а ты точно узнаешь правду. Рано или поздно.

– Каким событиям? Какое время? Я ничего подобного больше видеть не хочу! – вновь, теряя самообладание, в истерике закричал мужчина. Капли уже горячего, нестерпимо горячего пота, перемешиваясь со слезами, заливали ему глаза. Крик провалился в пустоту. И вдруг в этой странно-гулкой пустоте он услышал:

– Ты, конечно, жил и дальше. Но разве мог бы назвать это жизнью? Повернись! – как гром ударил по ушам голос. – Посмотри на себя в зеркало!

Вдруг, к ужасу Сергея, тысячи канатов, будто привязанные к его телу, стали медленно, со скрипом накручиваться на невидимый барабан. Страшно сопротивляясь, боясь того, что может увидеть, он пытался изо всех сил зацепиться за торчащие из стены выступы.

– Как тяжело идёт, ух, не смазали... в прошлый раз легче было, – шёпот прерывался учащённым дыханием. – Впрочем, значит, просыпаешься...

Неожиданно Сергей краем глаза увидел наплывающее зеркало. Ещё через мгновение, уже обессилив и стараясь не смотреть, закрыть ставшие вдруг непослушными веки, он дико закричал: из зеркала, на него смотрело знакомое лицо, только ядовито-зелёное. Не розовое, не бледное, каким обманывал идущих рядом, а ядовито-зелёное. И тут он вспомнил смертника в фильме. Тот испытал подобное и, содрогаясь, говорил об этом. Лицо было мёртвым. Сергей мог поклясться, что в это мгновение почувствовал холодные стены каземата, решётки и стрёкот камеры. Но за камерой! За съёмочной камерой стояло нечто, от одного взгляда на которое у

него зашевелились волосы. И это «нечто» крючковатым пальцем подзывало его к себе! Стены закачались, видение поплыло, и сквозь нарастающий звук аппарата он услышал:

– Ну, так может быть что-то хуже простого убийства? А на вопрос, почему он обязан жизнью своим детям, ты теперь знаешь ответ! Выход один! Окончи «Лакримузу»!

– Но я не Моцарт!

– Окончи!

– Я не пишу музыки! – в отчаянии закричал несчастный.

– Окончи!

И вдруг знакомый возглас Хельмы ворвался в помещение:

– А всего-то несколько ударов ножом! Бедный, бедный Джеймс!

Тут же в глубине тоннеля послышались шум и крики. Сильный сквозняк ударил в лицо Сергея, и он, придя в себя, застонал, медленно сползая по стене.

* * *

– Фёдор Иванович! Дорогой вы наш! – Человек в аксельбантах поднялся и, неторопливо подойдя к вошедшему, радушно обнял его. – Присядьте, почтеннейший, присядьте-с, – он указал на один из двух стульев перед своим столом. – Вы-то как в эту компанию? Остаётся дивиться вашим предпочтениям-с. Да-с. Ну, Бердяева ещё можно понять... Можно-с... Впрочем, я уверен, случайно. И в нашем деле бывают ошибки, что поделать, – председатель развёл руками и опустился в кресло. – Сейчас же всё и выясним. Ежели что, надеюсь, мы вас не задержим-с. – Он кивнул помощнику на второй стул.

– Разрешите, ваше превосходительство? – В ответ на согласный жест рукой помощник открыл папку. – Тютчев, Фёдор Иванович, родился...

– Ах, оставьте! Давайте сразу по делу, – председатель поморщился и тут же улыбнулся, уловив недоумённый взгляд гостя.

– Слушаюсь. «Гражданскому пылу Пушкина Тютчев противопоставил иное призвание поэта – провидца потаённой стороны бытия, той таинственной сферы, чьим мгновенным проявлением предстаёт наш земной путь». Это современники, ваше превосходительство. Полагаю, написано на его стихи:

*«И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!»*

И ещё, ваше превосходительство:

*«И мы в борьбе природой целой
Покинуты на нас самих».*

– Ну какая ещё ночь, дорогой Фёдор Иванович? Какая борьба? Нет, я решительно не понимаю-с, – с сокрушением в голосе произнёс председатель. – Вы дворянин, одарённый человек, талант-с. Служите империи, Отечеству. Был тут один до вас, из Малороссии, да-с... Вот я, не сподобил Господь к стихам, несмотря на охоту писать... так ведь служу! Всенепременно служу-с! По мере сил и на благо, так сказать. Дайте-ка, – он повернулся к помощнику.

Тот протянул ему один из листов.

– «...Природа знать не знает...», нет, не то... «Ей чужды...», нет... А, вот:

*«Поочерёдно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной».*

– Я хотел написать «равнодушной». – Гость, сжав пальцы рук, опустил глаза вниз.

– Что-с? Вы изволили что-то сказать-с?

– Равнодушной бездной. – Тютчев виновато посмотрел на председателя. – Ей-богу. Несколько раз пытался, правил, ворачивал на место. Рассудите сами, ваше превосходительство, напишу, а она опять становится «миротворной». Я сызнава, а она возвращается и возвращается. Столько бумаги смарал. Не по своей воле, ваша светлость! Видит бог, не по своей! А в остальном... ваш покорнейший слуга. Да-с, слуга.

Председатель и помощник переглянулись.

– Да разве ж в этом дело, Фёдор Иванович... справимся мы с этой бездной... впереди столько страниц, – как-то безнадежно вздохнул помощник. – Не понимаете вы нас. Вот Михалковы-с, счастливы и в достатке... счастливы и в достатке, – повторил он.

– Не имел чести слышать о таких... – осторожно проговорил гость.

– Да как же-с, тоже из дворян. Жили, правда, попозже. Но честь свою помнили! Служение законной власти! Да-с! Способов много! Стоит захотеть. Не дурно-с знать таких пиитов. Должны-с. А вы – просиять! Просиять бы!

– Ведь сам, ваше превосходительство, – ввернул помощник, – пишет:

*«Природа – сфинкс, и тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может стать, никакой от века
Загадки нет и не было у ней».*

– Нет никакой загадки, нет, – председатель нахмурился. – И ведь губит, губит вас, почтеннейший Фёдор Иванович! Казалось, живи не тужи. Так нет, борьба! Ночные бдения. Соседи жалуются вон, – он кивнул в сторону шкафов у стены, – горит и горит свеча в окне. А чего, спрашивается, горит? На что воск переводится? Вот на это самое, – он потыкал в папку указательным пальцем.

– А вот ещё-с, – стоявший у стола быстро начал перебирать бумаги:

*«Отзовись, когда позову,
И оставь до завтра дела...
Солнце с неба тебе сорву,
Отпищу мечты удила».*

– Это не моё! – воскликнул Тютчев.

Председатель строго посмотрел на помощника:

– Что за подготовка вопроса? Подходи, торопись, покупай живопись?!

– Виноват, ваше сиятельство! Виноват-с. Всё управляющий делами... самого-с... что позволяет себе... Что позволяет! Виноват-с. Опять же, чрезмерная склонность к сердешным привязанностям не миновала и нашего гостя. Да-с! – уже зашептал на ухо стоявший рядом. – И сынок в доносе пишет: «...какое-то особенное, даже редко встречающееся в такой степени, обожание женщин и преклонение перед ними».

– Даже так?

– Вторая семья, никто не говорит по-русски, только сам с собой. Сам с собой-с.

– Тогда понятно... Так вот-с, благочестие, благочестие надобно-с иметь, Фёдор Иванович. Поймите, дорогой вы наш. Мы ведь в ваше положение входим... э... как её...

– Денисьева-с, ваше превосходительство.

– Вот-с. Понимаем-с. А вы свечи по ночам жжёте, как будто замышляете чего-то-с. Так и до бунта, рассудите сами, недалеко, прости господи. – председатель, испуганно перекрестившись, повернулся к портрету человека в сером английском костюме с невероятно дорогими часами на руке.

– Так и пишет же, пишет, – быстро вставил помощник, выдернув из папки ещё один лист:

*«Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует,
Он к свету рвется из ночной тиши
И, свет обретши, роцет и бунтует...»*

– Ну вот, уже и бунтует, – разочарованно развел руками сидящий в кресле. – Приехали! И что прикажете с вами делать-с? В Петербурге, поди, тоже не дремлют, – он многозначительно показал пальцем вверх. – Чего ждать-то, ждать-то чего-с, Фёдор Иванович? Там разговор короткий. Раз, и за Байкал, по утрате доверия. Да-с! Доверия. Модно-с нынче! А мне что? В Лондон, что ли? – Внезапно в его глазах мелькнул ужас. – Ой, что я говорю такое, что говорю...

– Я же для людей... – лицо гостя, полное отчаяния, умножило и без того уродливо оттенённые пламенем свечей морщины.

– Да какие ещё люди, дорогой мой? – раздражённо перебил его говоривший. – Вы ещё вспомните «народ»! Ваш народ пять минут назад, тьфу, почитай сто лет как вылетел в трубу, проломил крышу, вон, сквозит до сих пор. – Человек в аксельбантах указал на потолок. – И полетел, не спросивши... – Он безнадежно махнул рукой.

– Полетел, полетел, полетел, – вдруг повторило эхо. Все испуганно переглянулись. Человек в аксельбантах вынул платок и вытер со лба выступивший пот.

– Чёрт-те что происходит в империи. Да-с, – пробормотал он. Неожиданно взгляд его упал в угол огромного помещения. Лицо побледнело. В углу спокойно, как ни в чем не бывало, стоял тот, «вылетевший», о котором он только что вспоминал. Как ни странно, с теми же мыслями и теми же вопросами. – Опять? Вы?

Сергей не понимал, как оказался снова здесь. Только что, ожидая Алексея, племянника, у «Олимпик Плаза», рядом с метро, он слегка задумался. Тот должен был передать отпечатанные фрагменты новой главы из книги. Тем не менее быстро понял, что обстоятельства, неведомо почему бросавшие его из одного кошмара в другой, стали на сей раз более благосклонны: председатель, помощник, да и само место были гораздо безопаснее галерей, где только что побывал. Хотя уверенность в прошедшем времени слова «побывал», учитывая происходящее последние месяцы, давала повод сомневаться и в нём. И все-таки, попытавшись взять себя в руки, Сергей громко ответил:

– А куда мне деться-то, ваше превосходительство? Здесь дом мой. Ни в Лондон, как сегодня, ни в Париж, как в двадцать втором, не хочу. А узник ваш писал и другое: «Есть в светлости осенних вечеров умильная, таинственная прелесть!» И потом, Фёдор Иванович – это вера в христианское призвание России. Что вас не устраивает?

– А жил-то «вечным апрелем с его ливнями»! Все стихи ей! Всё ей! – визгливо выкрикнул помощник.

– Знаете, там, где он, разберутся, как следовало жить. Да и Михалкову многое простится за одни «Пять вечеров», поверьте.

– Что значит «простится»? И потом, это всё, что нравится из знаменитой пятилетки? – неожиданно примирительно, но все ещё настороженно спросил председатель, поправляя орден Трудовой славы на упитанной шее.

– Ваше превосходительство имеет в виду «Рабу любви»? Или «Свой среди чужих...»? – вставил помощник.

– Именно. Только вторую половину надо бы убрать. Мне постоянно слышится «Свой среди... как их... верных и преданных».

– Верно! Господин генерал! Ведь это и есть обман соцреализма! – радостно вскрикнул Сергей. – Путают. Бойню за справедливость без будущего с грызней за власть, вечно живущей. Лукавая его сторона, реализма-то. Привлекательность многогранна. К примеру, ради будущего детей, ради мира на земле. Ради узников совести. Только пролей свою кровь. Обязательная дань идее или власти. И непременно в обоих случаях. Лишь получатели разные. А «Вечера» – дань Богу. Взмах крылами. Талант же удивителен и там, и там.

– А что, мысль недурна-с! Все-таки власти! Я ж говорю, служение! – польщённый «генеральским» величанием статского своего чина, воскликнул председатель. – А всякая власть от Бога! Да-с! И так до скончания мира!

– Не вышло, – уныло выдавил Сергей.

– Чего не вышло-с? – помощник с подозрением посмотрел на него.

– За пятилеткой только служение. Да и вы оценили.

– Но-но, почтеннейший! Осуждаете-с! – рявкнул председатель. – А как же Оскар, как его...

– Фельцман, ваше превосходительство, – ввернул помощник.

– Да как можно осуждать, сам не лучше. – Сергей с сожалением поморщил лоб. – А по Фельцману, простит он меня, так ветерок на закате утомлённого солнца прочувствовать было не сложно. Но сюиты не вышло, не дописал. А ведь мог пожалеть Россию... – Сергей осекся. – Простите, – вдруг забормотал он, – я не о том, я только хотел сказать, какое счастье, что поэт может служить только одноязычным! Что нельзя, невозможно перевести его на другой язык. Не многие захотят читать поэму не автора, а переводчика. Людей с такими комплексами можно встретить только в салонах. А из этого следует некая справедливость – Фёдора Ивановича не прочтут иноземцы! Как до сих пор мы так и не можем прочесть и понять Гёте, Данте с Бёрнсом, но ставим и ставим, цитируем и цитируем! Теперь за Ибсена взялись... Бедный норвежец! – Сергей почти выкрикнул эти слова, боясь, что его перебьют.

– Да, да! Я так рад этому! Так рад! – ошарашенно глядя на него и удивляясь происходящему, словно спасительному чуду, подал голос Тютчев.

– А вы, Фёдор Иванович, как Даниил Хармс в «Сонете», бессмысленно спорите с ними, что идёт раньше, семь или восемь.

– Вы тоже читали эмигрантский журнал «Грани»? – Тютчев даже приподнялся на стуле. Лицо председателя налилось кровью.

– А я ведь знал, что добром это не кончится! – взревел он. – Уже и врагов привечают! А мы – Фёдор Иванович, Фёдор Иванович, дорогой вы наш!

– Так можно уже! – воскликнул Сергей.

– Можно? Вот даже как?! Преемники слепы-с? Поди, и печатались там? А к чему привело? – Он потыкал в лежащую перед ним газету. – Полюбуйтесь, две тысячи десятый год! Ни государя, ни коммунистов, прости господи, – он снова перекрестился. – А в Москве опять беспорядки! Как будто сегодня-с! – кулаки привычно грохнули по столу, аксельбанты затряслись, зал охнул, закачался и, вибрируя, стал медленно расплываться.

– Фёдор Иванович! Держитесь крепче! – схватив старика за руку, успел крикнуть Сергей в последний, тот самый момент, когда Хельма рванула его вверх.

В галерее на Солянке аниматор Билл Плимптон, номинант «Оскара», рассказывал таким же, как он, журналистам «о ценности секса и насилия» в мультипликации. И лишь случайный посетитель обратил внимание на странного вида татуировку на левом запястье говорившего. Как бы удивился он, спросив о смысле вензеля самого хозяина. «На моей руке ничего нет, вам показалось», – так привык отвечать Плимптон на ставшие слишком частыми вопросы сумасшедших.

– Да ладно, он же друг Каstellуччи. Того, что бесновался с человеческими экскрементами на сцене Чеховского фестиваля. Да, да... ну а на чей фестиваль его пустят ещё? Наследие и плоды. Ведь, по словам Марины Райкиной, у него «уважительный» стиль работы по отношению к уборщицам. Ведь оценкой именно такой стороны драматургии занята сейчас критика. Об ином и думать не смеет, – неожиданно услышал случайный посетитель.

Тысяча костров

Разный огонь бывает в душе. Но охватывает он её одинаково. Один человек с большим сердцем записал в дневнике: «Смотрю на Россию и думаю: что она, хуже, чем во времена Гоголя, Достоевского? Хуже. Тогда во мраке горели костры. Гоголя, Достоевского...».

А есть ещё огонь от знамён. Страшный, всепожирающий жар. И не важно, чьи это знамёна – Че Гевары или патриотов, полотнища собственной свободы или несущих её людям. Последние пожирают человека, а костры отогревают застывшие сердца, и те разгораются, растапливая лёд уже в других.

Они сейчас не видны. Густой ядовитый туман стелется по земле. Только стяги развеваются над дымкой. Но если не стоять, а идти, если не бояться, а стучать, – вам откроют волшебную страну, страну тысячи костров, где, отогревшись, можно встретить восход солнца.

* * *

...и, в конце концов, чувствую, что умею писать только пейзаж, а во всём остальном я фальшив, и фальшив до мозга костей...

А. Чехов. «Чайка»

Со второго отделения спектакля, к удивлению Сергея, никто не ушёл. В небольшом зрительном зале театра «Около Станиславского» быстро становилось душно, поэтому антракты случались как нельзя кстати. Всё это время на задних рядах заливался от смеха какой-то мальчишка лет десяти.

– Вот кто получает самое большое удовольствие, – прошептал Сергей, наклонившись к женщине, что сидела рядом. Та улыбнулась.

Меньше чем через час Света и её подруга Ленка, быстро одевшись, выскользнули на улицу, не дожидаясь его. К моменту, когда немногочисленная толпа вместе с их спутником показалась из главного входа, они стояли уже под аркой, выходящей на улицу.

– Ну, как тебе неформат? – усмехнулась Ленка.

– Да, уж. Кристофер Робин не узнал бы Пятачка, – весело ответил Сергей.

– А вообще, это и есть личное видение произведения, – вставила Света. – Но для знакомства достаточно. Больше не пойду.

– Там ещё какой-то японский режиссёр приезжает с постановкой.

– Нет уж. Увольте.

– Да ладно. Нормальный спектакль, с хохмой. Вон народ с детьми ходит, – весело заключила Ленка. – Только надо переименовать заведение. Назвать – «*Вдали от Станиславского*». – Все рассмеялись.

Миновав «Интурист», они спустились в метро.

Через два дня в десять утра Сергей стоял у кассы театра.

– Я бы хотел увидеть режиссёра, – объяснил он цель визита с любопытством рассматривающей его кассирше.

– Попробуйте. Зайдите с главного входа и через сцену... Только так рано вряд ли. Они вчера в три ночи разошлись. – И, вздохнув, добавила: – Он же не сумасшедший.

– Как раз напротив, – усмехнулся Сергей и направился к двери. Кассир проводила его удивлённым взглядом.

Человек, которого назвал режиссёром мужчина, встретившийся ему в узком коридоре за сценой, сидел на стуле у окна довольно неудобной комнаты, листая небольшую тетрадь и делая в ней пометки.

– Меня зовут Сергей. Я хотел бы поговорить с вами.

Тот внимательно посмотрел на него безо всякой тени эмоций. Интерес к появлению незнакомца у него не вызвало.

– Володя, а что с Загорской? Выяснили? – обратился он к сопровождавшему гостя и потянулся за сигаретой.

– Нет, найти не могут. Попросили Бахвалову... сегодня зайти.

– Ладно, ступай. Скажи, что будем начинать без неё.

Тот вышел.

– Присаживайтесь, – нехотя, будто подобные визиты ему уже надоели, произнёс режиссёр, указав на стул рядом. – На какую тему, молодой человек?

– Я хотел бы предложить вам пьесу. – И, чуть помедлив, Сергей добавил: – Для постановки.

– Даже так, – крикнул хозяин кабинета и оживился. Затем встал и, разгоняя рукой дым, открыл окно. – Вы кто? – произнёс он, не оборачиваясь к визитеру и пытаясь просунуть в щель створки скомканный обрывок газеты. – Драматург, писатель или агент?

С усмешкой посмотрев на Сергея и снова присев, мужчина закинул одну ногу на другую.

– Писатель. Если вас устроит эта часть моей биографии, – спокойно отреагировал тот.

– Тогда меня зовут Василий Иванович... Меркулов. Хотите, просто Василий.

– Я знаю, но... – Сергей запнулся, – вы старше меня, удобно ли?

– Бросьте. Так что вы там написали, дорогой мой незнакомец? – предвкушая известное только «мэтрам» удовольствие от бесед с молодыми и начинающими, выпустил сизый дым мужчина.

– Роман «Последняя женщина».

– Во как! – режиссер снова крикнул. – Название интригующее. Поди, трогательные воспоминания о муках сердешных? Так об этом вон от начала Тверской через раз. Остальные тоже отнюдь не театры нулевой терпимости. Что ко мне-то?

– Нет, не о муках. А к вам... лет уже много. Пора.

– Думаете, чего-то не успел? – в голосе послышался сарказм.

– А разве такая мысль не посещает вас последние годы? Думаю, она постоянная спутница не только тверских театров.

– Вот даже куда! Что, не нравится «Юнона» и «Авось»?

– Да как же может не нравиться? С такими актерами? Потому и поставлена. В восемьдесят третьем. Но в девяностых шли другие годы. Началось жертвоприношение другим идолам. И не словами, как в почившей стране, а людьми. Вопиющий в пустыне народ требовал ответа. Искусства, проще говоря. А печальная история любви русского офицера к дочери испанского колониста ответа не давала. В лучшем случае выглядела автографом собственного бессилия. Даже издёвкой. За «вечность» темы не спрятаться во время чумы. Иначе – пир! И предательское согласие на него господина в шляпе. Что и произошло. Не дал театр ответа. Согласился с жертвами и потучнел особняками. Не ищет и сегодня. Художники есть, кисти розданы... Нет искусства. Искусства нет. Пару лет назад я понял, что на каждый закон жанра найдётся свой отступник. А теперь считаю это просто необходимым. Другого пути вылечить зрителя, да и себя, не существует.

– Читайте, заинтриговали окончательно. Но вы-то здесь при чём?

– В романе есть пьеса. Для вас.

– Он с вами?

– Конечно, – Сергей расстегнул папку и достал книгу. – Только пьеса увязана с остальным содержанием, так что отдельно читать нельзя. Постановка не будет понятна, – добавил он, протягивая роман.

– И как же вы представляете себе способ совмещения?

– Это не моё дело, а ваше.

– Интересный у нас разговор, – покачал головой Меркулов, рассматривая книгу. – Хм, только читателям старше тридцати пяти. Для взрослых, что ли?

– Для очень взрослых.

– Прямо скажу, не вижу мотива... читать. Становишься избирательным, – он поморщил лоб. – Не только полки, но и вся жизнь завалена пьесами.

– К сожалению, Василий Иванович, боюсь, у вас нет выбора по двум причинам.

– Любопытно...

– Наш сегодняшний разговор описан в моём следующем романе, и там вы ставите пьесу. Правда... не ту... – он запнулся, но тут же твёрдым голосом продолжил, – если откажетесь, мне придется изменить многое, пояснить ваши мотивы, а они могут лежать только в одной плоскости – в неприятии добра. Думаю, не нужно объяснять, что для художника, я вас имею в виду, это не лучший вариант.

Хозяин кабинета хмыкнул:

– А вторая причина?

– Я говорил уже о ней. Возраст. Пора.

– Прямо на покаяние какое-то меня тянете. – Он затушил сигарету.

– Как вам будет угодно. Впереди лето, почитайте, а там встретимся, поговорим.

– Нет уж. Давайте я полистаю, так и быть, – режиссёр положил книгу на подоконник, – а через недельку заходите. Скажем, в следующую среду, загляните часика в два.

Они попрощались.

Ровно через неделю в два часа Сергей был на месте. Меркулов сидел в прежней позе и снова курил. Роман лежал на столе.

– Проходите. Ну, здравствуйте, таинственный незнакомец, – он приподнялся и, пожав гостю руку, медленно прошёл к столу, отодвинул старое обшарпанное кресло и опустился в него, жестом приглашая Сергея последовать примеру. Взяв стул, стоявший у окна, и перенеся поближе, тот сел напротив.

– Почитать бы вашу вторую книгу. Интересно, что там заставило меня поставить пьесу? – начал он. – Такое желание не предвещало ничего хорошего.

– Что же здесь непонятного? Ведь не герои решают, как им поступать, а я.

Режиссёр покачал головой:

– Ох, не зарекайтесь, молодой человек. Эти... ваши герои как раз считают наоборот. Страстно желают, как бы помягче сказать... приручить, что ли, вас. Иногда получается, уж поверьте. Не вырваться!

Сергей непонимающе пожал плечами.

– Послушайте... – глядя на визитёра, произнёс Меркулов, – а ваше странное кредо... я имею в виду слова одного из героев...

– ???

– «Поэтом можешь ты не быть и гражданином не обязан...»

– Что ж тут странного? И потом, оно не мое, как и всё сказанное персонажами. Ведь вы дочитали до конца? Если гражданин тот, кто соблюдает законы писанные, – таковым не являюсь. Если же в приоритетах добро, порядочность, то при чём здесь государство? С нравственностью в нём всегда очень плохо. Очень-преочень. И при злодеях, и у невнятных.

Хозяин кабинета усмехнулся:

– Другие типы не допускаете?

– Не помню. Были и в париках, и в гриме, даже с дорогими часами – выбирали прикид. Так те же злодеи, только не отказывающие себе в удовольствиях. Я даже где-то их понимаю. Но дела, дела режут глаз, Василий Иванович, а не слова уши.

– Что ж, объяснением удовлетворён, – Меркулов кивнул и после некоторой паузы добавил: – Так, значит, считаете свободу самовыражения злом? А тех, кто зовёт к ней...

– Безусловно. Если, конечно, вы носите крест на груди.

– А как же слова Вольтера: «Я не разделяю ваши идеи, но отдам жизнь за то, чтобы вы могли их выразить»?

– Это и есть наиболее ясно сформулированная программа действий человека, ведущая к концу его существования. Все остальные понятия – свобода слова, совести и другие, также широко известные, хотя более замысловатые, – лишь её производные. Даже наиболее одиозные.

– К примеру?

– Возьмите слова из известной песни Моисеева:

«У любви нет тем запретных... Кто кому в постели нужен...» и так далее. Узнаете слова вашего Вольтера? Прямо списано. Как говорится, зерна не в почву, а в удобрение.

Режиссёр с удивлением поднял на Сергея глаза:

– Есть запретные?

– Нет, конечно. Только то, о чем песня, – не любовь. Марают слово. Знали бы, что стоит за ним, – поседели бы.

– То есть свобода не есть ценность? – собеседник будто пропустил последнюю фразу.

– Не есть. Если, повторю, вы христианин.

– А что же есть?

– Добродетель. Мысли и поступки человека, делающие совершенно постороннего его собрата лучше. Заметьте, не доставить тому удовольствие, не подарить ему свободу совершать или выражать что-то, а сделать его чувствительным к беде других. Например, к тому же Вольтеру. Ведь после знаменитых слов по отношению к нему уместно лишь одно выражение: «Беда-то какая! Какая с человеком беда!»

– В чём же беда?

– Не только в потрясающей чудовищности слов.

А в чудовищности убеждения, права человека распорядиться своей жизнью. Оголтельный атеизм. Следующий шаг – убедить в том же других. Дальше – заставить отдать жизнь. Уже вместо своей. Всё. Приговор Создателю. В двадцатом веке программа выполнялась неукоснительно. Куда же заволокли, заташили людей кумиры, если вы, вы, Василий Иванович, задаёте такой вопрос? И следуете, и увлекаете, и бьётесь насмерть! Да как же можно отдавать жизнь за идею? Не надоело? Как вообще можешь ты, человек, распорядиться ею?! Чудом, ниспущившимся на прах. Как можешь бросать вызов одарившему? Отдавать сокровище сокровищ за чьи-то убеждения, которые завтра признают неправильными! Или не допускаете? Да вы мелкий пакостник на земле, не больше! Страшными словами Вольтер оправдал заранее все лозунги будущих и тиранов, и пожирателей жизнью, несущих «свободы» людям.

– Н-да-а. Прямо отповедь! – Меркулов от неожиданности откинулся на спинку. – Придется почти всё в мире пересмотреть. Как себе это представляете? Если хотя бы допустить, что правы?

– Никак. Никто уже ничего пересматривать не будет. Останется небольшая часть людей, которая разделяет вышесказанное и ясно сознаёт неизбежность катастрофы.

– Каковы же её цели? Этой части?

– Расширять круг братьев.

– Прямо секта какая-то!

– Не новое и не самое страшное обвинение. Будут и чудовищнее. Такова прямая задача зла и тех, кто несет его людям.

– ???

– Этих самых борющихся за свободу. Скоро счёт в оплату такой борьбы пойдёт на сотни миллионов жизней. Во размах! Дьявольский.

– Сложно даже сразу осмыслить...

– Невозможно. Чувство, что жизнь прожита зря, не даст. Почти никому. Только отчаянным.

– Например?

– Толстому, Августину Аврелию, Ге, Платонову. Николаю Степановичу, если остановит реку времени, в которой вот-вот утонет его бог. Другим смельчакам. Ну, и вам, надеюсь. Очень. Вы же не Чехов, раба из себя не выдавливали. По пять матов на одной странице не писали, как сегодняшние. В эротическом бреде не изошрялись, да и мелким пакостником не стали. А значит, избежали суда родственников и потомков. Ведь когда пыль времён опустится на бумагу, читать такое, если честно, уже не станут. Вряд ли кто захочет листать позор русской литературы. Так что посмертный шок авторам обеспечен. Напомню, Боккаччо у порога вечности просил у близких прощения за написанную мерзость. – Сергей замолк.

Несколько минут прошли в полной тишине.

– И все-таки самовыражение... видение мира своими собственными глазами, не такое, как у других, – что здесь крамольного? – Меркулов поймал себя на мысли, что старается побороть возникшее желание прекратить разговор.

– Вы спрашиваете, разве художник не имеет права изображать жизнь, какой представляется она ему, именно ему? Конечно, он волен писать как хочет. Так и поступает большинство. Но это не будет настоящим искусством. В лучшем случае подделкой. Даже со всеобщим восхищением, но подделкой. Ведь не сможете никогда сформулировать цель вашего творения, которая бы согласовывалась с упомянутыми ценностями. Со свободой – да. С правом самовыражения – пожалуйста! Со свехоригинальностью и «особым» видением – тоже. Но главное – с признанием! И когда вы сможете сказать: «Я известен, меня любят и ценят!

И я достоин этого», – вы сядете рядом с теми, кто и так уже вальяжно развалился на Олимпе, искренне полагая, что сделал главное дело жизни. Сцены ломаются от их постановок. Массы валят, критики, перебивая друг друга, стараются участвовать. Одни платят, другие получают. Все довольны. Но ради чего? Ради признания и денег. Первое уже достигнуто, а от второго и отказаться-то невозможно – карлики объявили их великими и приказали платить! Массы никогда не смели слушаться.

– Какие карлики?

– К ним ещё вернемся, – уклонился от ответа Сергей. – Платят не за талант, который давно спит, а по приказу. Помните, «кто приказывает убивать, будет убит по приказу».

– Хотите сказать: «Кто приказывает платить, будет оплачен по приказу?» – Хозяин кабинета расхохотался.

– Убит за плату. Согласно договора. Понимаете, если осознать, откуда, по договору с кем им платят, было бы не смешно.

Меркулов пожал плечами.

– А вам что, не нужно признание? – он кивнул на книгу.

– Не нужно... – Сергей запнулся. – Впрочем, я солгал. Ещё как нужно. Никто в мире не желал бы его так, как я. Но не у вас. Вашего признания я боюсь ещё больше. Больше смерти. Простите. – Он почему-то опустил голову и несколько раз, словно сожалея о чём-то, покачал ею. – Когда я буду уходить, я... я поясню.

– Н-да. Ради чего же вы пришли?

– Ради вас. Мне казалось, вы поняли. – Сергей уже взял себя в руки.

Собеседник хмыкнул.

Сделав вид, что не заметил усмешки, гость продолжал как ни в чём не бывало:

– В свободе самовыражения нет места добру, как нет и факта передачи его другим. А если, не дай бог, наступило признание, талант ещё служит, но уже не понимает, что «при штабе». Нет служения братьям своим – людям. Многие даже оскорбятся, услышав, что должны кому-то служить. «Мы так видим жизнь, так хотим её изображать, и в этом наша свобода, в которой стремится каждый! И не наша беда, что кто-то видит её не так и не понимает «самовыразительных» произведений. Их беда, им и разбираться! Не каждому дано увидеть суть», – говорят такие «творцы».

Сергей снова замолчал. Было видно, что он взволнован. Режиссер с любопытством по-прежнему наблюдал за ним.

– Нет. Это они видят её не так. Это они так и не поняли смысла появления каждого ребенка на земле. Которую просто топчут. Первый крик младенцев всегда одинаков, как одинаково неласков мир, куда они пришли. Но одни поймут это, а другие нет. И пойдут все в разные стороны. Одни – за личной свободой. Кто-то понесёт её другим. А третьи пойдут к добру, наполняясь им и тут же раздавая. Вольному – воля. Спасённому – рай. Разделение не случайно. Кто-то вольный, а кто-то спасённый!

– Так в чем же, по-вашему, цель искусства? Если никто её не знает! – вдруг перебил Меркулов. – Если то, о чем говорите вы, – не цель.

– Знают. Во всяком случае, тот же Толстой давал чёткое определение: «Цель искусства одна – заражать людей чувством, которое испытал художник при создании произведения».

– Так это и происходит сплошь и рядом! – воскликнул собеседник. – Но тогда получается, что художник, испытывая ненависть к чему-либо и создавая творение, заразит таким чувством и людей к тому же объекту. Это же зло – оно лежит в корне ненависти! А по вашему определению – искусство.

– Заразит не каждого – только родственную душу.

И потом, есть ещё одно условие.

– Ладно, – хозяин кабинета махнул рукой. – Не так уж и много тех, кто творит ненависть.

– Сколько угодно. Ревниво к собственной славе, успеху, деньгам. Масса симфоний, фильмов, постановок. Разве такой тип художника сегодня не основной? И раз уж тронули Толстого, так он прямо говорит – как только искусство стало профессией, то отчасти уничтожилось главное и драгоценнейшее его свойство – искренность. Искусство будущего непрофессионально. Нет ничего более губительного для художника, чем зарабатывать творчеством. И жёстко категоричен: «Искусство будущего изгонит торговцев из своего храма!»

Режиссер с раздражением глянул на Сергея.

– А на что им жить-то? Жрать-то им что? – вдруг не выдержал он. Не скрывая, что разговор становится ему неприятен.

– Неужели серьёзно не понимаете? – гость сокрушённо развел руками.

Они замолчали. Необходимость взять себя в руки почувствовали оба. Наконец Сергей вздохнул и тихо начал:

– Приняв Дали и восторгаясь Пикассо, который недалеко ушёл со своими уродами от Босха, нельзя понять Флерову или «Братьев Карамазовых». Душа не умеет совмещать подобное. «Пикассо – искажение природы, ужасное искажение природы», – восторгается уже директор музея имени Пушкина. Так и хочется спросить: «Не кажется ли вам, что Пикассо и преступление, за которое человек изгнан из рая, идут рука об руку и такое искусство калечит души?» Всё бы ничего, но она женщина! Представляете, как глубоко сидят клише в профессиональных искусствоведах! Как и сейчас «плохое» легко объявить великим.

– Так вспомните о первородном «повреждении» человеческой природы. Ну, после изгнания. Из рая. Он и видит его у других, что ж удивительного, – поднял брови Меркулов.

– Увы, приобретённое, приобретённое повреждение...
– Пусть так, – досада чувствовалась в голосе собеседника. – Видит ведь!
– Возможно. Но не у себя. В «искупление» картины превратились бы только при двух словах под ними.

– Каких?

– «Это я». «Снова я». «Тоже я». Исполинская сила в них, но слов нет. Нигде. И почти ни у кого... Не состоялось превращение зла в смирение и любовь.

– А как же Толстой?

– К сожалению...

– Вот так да! А почему – почти?

– Звезды зажигались. К примеру, Гоголь и не подозревал, что лучшее своё творение создал в виде писем, где в каждой строчке написано: *это я*.

– «Выбранные места из переписки с друзьями»?

– Не читал этой работы. У меня свои *выбранные места* из его писем.

– Ну и пусть, вам-то что? – устав и оттого, как показалось Сергею, не до конца понимая сказанное, проворчал хозяин кабинета.

– Подмена. А я против, чтоб из предмета изучения такие вещи, как картины Пикассо, превращали в предметы поклонения и объявляли знакомство с ними необходимым для моих детей.

– Вот как?

– И хотя они печатают всяких там «Прыгучих зомби», «Трёх мутантов и двух уродов» невероятными тиражами, да и любовные романы финалисток всех мыслимых премий, опорными фразами которых являются «сквозь его джинсы я чувствовала убойный каменный штырь», я благодарен им. Начинаешь уважать себя, называть трудом всё написанное тобой.

И пусть пена та очень стойкая, а горе-критики называют их «писателями от бога», Вампиловы и Шукшины, Сохиевы и Володины, Фокины и Анны Яблонские, как и «Creedence» с «дождём» вместе с Чайковскими, в искусстве по-прежнему есть. Каждый со своим «дождём». И будут падать и возрождаться. Снова падать и снова приходиться к нам. Ничего не поделать – доброта.

Сергей развёл руками.

– Да, похотливое нынче жюри. – Меркулов опёрся подбородком на руку. Было видно, что его настроение изменилось. – Так говорите, «Дождём»? Я знаю, он идёт всю мою жизнь. По кругу. И невозможно остановить...

– Тоже нравится?

– Угу.

Гость тепло посмотрел на собеседника и тихо повторил:

– Будут приходиться к нам... И приходят. С добротой. Несмотря на алчность издателей и угодливость тельцу постановщиков с продюсерами. – Голос был чуть слышен. – Но они сегодня слабо видны за ядовитым туманом. И есть причина на то... А ещё... есть такие, как вы, – добавил он, участливо глядя на хозяина кабинета.

– Вот о чём... – уже спокойно и как-то миролюбиво, словно соглашаясь, произнёс тот. – Послушайте, раз уж вы упомянули Толстого... так вообще был оригинал. Ведь и Шекспира не любил. Да и остальных великих не жаловал. – Эти слова подействовали на Сергея словно эликсир, и он, воспрянув духом от тяжёлого, как ему показалось, начала разговора, почти выпалил:

– Так понятно! Ведь зритель не знает, что самые известные драмы Шекспира лишь «ухудшенный, ужасающе искорёженный» вариант уже написанных до него драм, новелл и хроник – тоже Лев Николаевич.

– Я знаю, – к удивлению, равнодушно ответил собеседник. – Ну, ну, валяйте дальше.

– Уже написанных, – сделал вид, что не заметил тона, повторил Сергей. – Порой даже повторяющих название произведения, данное ему предыдущим автором. Например, «Король Лир». А ведь пьеса признана лучшим шекспировским творением.

– Думаю, не сногшибательная новость. – Меркулов снова раскурил сигарету. – К примеру, народу до сих пор не говорят, что в программе декабристов, автором которой был Пестель, второй параграф начинался словами: «Разделение членов общества на повелевающих и повинующихся». А почему? Сколько ж фильмов и книг нужно будет положить «на полку». А ведь именно Пестель страстно желал смерти не только самодержцу, но и его детям. Да родился рановато. Что же касается Толстого... а вдруг он ошибался? Или не допускаете? – Режиссёр хитро, с прищуром глянул на Сергея.

– В чём? Что это копии? Так не тайна. А если вы имеете в виду «ужасающую искорёженность», то есть оценку самого произведения, как же тогда «Война и мир»? Нельзя, не ошибаясь, рождать такую вещь, будучи совершенно беспомощным в оценке другой. Любой, подчеркиваю. Так что все основания доверять Толстому налицо. Его рассуждения прямо согласуются с мыслями всякого разумного человека. Например, Драйвена Доусона, да и других. Просто многие боятся. Боятся озвучить правду о лжи, которую чувствуют и видят. А он, великий, может себе позволить.

– Не допускаете предвзятого отношения? – собеседник явно не торопился соглашаться.

– Исключено. «Общаться с Толстым было тяжело. Тяжело, потому что, разговаривая с ним, невозможно было лгать». Это сказал Чайковский. Что касается «отношения», оно было вполне обосновано, точнее основано на его убеждённости, *что* такое искусство. Так и работа называется. Сто пятьдесят страниц. Вполне докторская, по нашим меркам. А ещё «О Шекспире и о драме». Там он вообще начинает со слов, что-де, берясь за статью в семьдесят пять лет, решил для проверки своего отношения перечитать всего Шекспира, чтобы исключить возможную ошибку от впечатлений в молодом возрасте. Как видите, подошёл крайне серьёзно.

– Значит, все творения делите?

– Да. Но не на «высокие», доступные пониманию лишь избранных, и «обычные», а на обман и произведения, прикосновение к которым дарит человеку способность откликаться на отчаяние других. Недостигаемая высота таких творений недоступна «избранным». Зато они и есть великий «множитель» любви на земле.

– А другие, как следует из ваших рассуждений, являются делителем?

– Сарказм здесь неуместен. Скажу, даже опасен. Что касается других, они инфицируют человека иным.

– Полагаю, ненавистью?

– Не только. Удовольствием, восторгом, эпатажностью, да и просто красотой.

– Красотой?

– Красиво то, что нам нравится и доставляет удовольствие.

– Что ж плохого?

– Плохо только одно. Мы привыкаем его получать. Нас приучают. Догадываетесь, кто? Все, кого встречал я, считают искусством хорошо отредактированную книгу! Стиль и красоту слога ставят превыше всего! Представляете, куда свалилось человечество? Но есть места, куда всё больше и больше людей приходят постоянно. Стоят в очереди ночами. Но удовольствия там нет... И красота совсем иная. А они упрямо идут и идут. – Сергей вздохнул, словно вспоминая что-то. – Но не это сейчас важно, – и тут же спохватился, боясь потерять мысль, – после таких даров от «искусства» мы хотим только его, и как можно больше. Жажда удовольствия становится целью жизни. Её открыто провозглашают! Разве не знакомо? А удовольствие от хорошего спектакля? Кажется, недвусмысленно. Вы уйдете каким угодно – смеющимся, весёлым, огорчённым... Но не лучше. Не задумаетесь, ради чего живёте.

А вот после Моцарта – таким же внешне, но уже другим. Так где вы, Моцарты подмостков? Для чего люди идут туда? «Конечно, восхититься игрой!» – скажут одни. «На новое видение темы», – добавят другие. «Разве просто отдохнуть не естественно?» – удивятся третьи. И будут правы. Так ведь и на Моцарта за тем же!.. Но земля и небо не сходятся. Притягивающих небеса наград нет. А у власти ордена – на шею.

И вот инфицирование удовольствием состоялось. Как от фуагры или абсента. А потом и от бесовщины тяжёлой музыки. Дьявольский замысел осуществлён! Вот что «дарят» они моим детям от злобы, что потеряли своих.

Сергей некоторое время сидел, снова опустив голову. И через минуту, так и не глядя на Меркулова, произнес:

– Замечу, казаться добрым художник научился. Ещё как! Ныне в моде революция эроса. Это, конечно, пройдёт, потому как уже было. Революция, где передачу духа марает страсть. А любовь подменяет проповедь эроса. Но слово «любовь» в устах зовущих – непременно! В силках самой удивительной со времен потопа ловушки бьются от боли и наслаждения соколята в Сокольниках. И художник добр, без сомнения... А передает не то. Нега тела – нож для души. Рано или поздно анестезия проходит, а рубцы остаются. Ибо любовь на какой-то дюйм шагает впереди страсти. И никогда наоборот, как думают перепившие Фрейда. – Он вдруг усмехнулся. – А горячим головам, убеждённым в противном, советую добавлять: «По моему мнению». Знаете, в чувство приводит. Некоторые даже начинают понимать, что это лишь частное мнение. Если не своё, так чьё-то. Пусть даже объявленное единственно правильным! И человек начинает думать... От вас же он уходит, уходит и уходит пустым, в крайнем случае веселым. Второе пройдёт, как и нега для тела, как обман, а первое точно на вашей совести. Так что реквием!

– Но, но! Ведь это тоже лишь ваше мнение. И потом, человек бежит от негатива! И я против криминализации удовольствия! – Режиссер покачал указательным пальцем, явно не собираясь соглашаться.

– И я против. Но к добру оно не имеет никакого отношения. А бежит не туда – где крики громче! Да дым послаще. К удовольствию липнет определение другое – удовлетворение. Оно и желания связаны крепче морских канатов! А желания-то наши просты, ох, просты. Заметьте, скажи вы «удовлетворение от картины», вас поправят – «удовольствие». – Сергей неожиданно поморщился и погладил затылок. – А помните, – неожиданно воскликнул он, протягивая руку к Меркулову, – Нобелевскую лекцию Солженицына, которую так и не дали ему прочесть в семьдесят втором в Москве? Кстати, на Пасху. Чью заботу почувствуете?

– Простое совпадение.

– Думаю, не простое. Доказательство у вас на столе.

– Книга? Хм, – усмехнулся Меркулов, – и за что же его «темные»?

Не замечая реакции, Сергей продолжал:

– «Не будем попирает права художника выражать исключительно собственные переживания, пренебрегая тем, что делается в остальном мире» – его слова.

– Я вам об этом и толкую, – хозяин кабинета среагировал спокойно, – кто ж поспорит?

– Он же. Ведь дальше следует приговор: «Допустим, художник никому ничего не должен, но больно видеть, как может он, уходя в созданные миры или в пространства субъективных капризов – помните, соколят, – отдавать реальный мир в руки людей корыстных, ничтожных, а то и безумных».

– Хотите сказать, мои работы – лишь созданные миры? Или мои руки, – режиссёр вновь саркастически посмотрел на Сергея, – руки безумца?

Реакции не было.

Меркулов провёл ладонью по подбородку, о чём-то задумавшись. Неожиданно он ожил:

– Кстати, в упомянутой лекции, что собирался прочесть ваш Александр Исаевич, слова Достоевского «Мир спасет красота» названы не обмолвкой, а пророчеством. Я их запомнил на всю жизнь, и, думаю, не только я. Более того, утверждал, что поросли красоты пробьются и выполнят работу за всех трёх...

– За кого? – Гость явно не понял до конца сказанное.

– За истину и добро.

– Мудрёно. Да и мало ли что покажется, когда получаешь мировое признание. Особенно если так хотел. Можно сказать, после этого новую цель в жизни надо придумывать. Ох, как сложно. Обычно все банально – выбирают борьбу. Только каждый раз не с теми, но всегда отчаянную. Дорожка прямая – в революцию. Цвета подберут за океаном. Глядишь, и новым вождём станешь. Если успеешь по возрасту. Известная метаморфоза – из размышлений интеллигента до злобного революционера. Хотите примеры?

– Не надо.

– А то полно. От французской революции до далекого будущего.

– А вам и оно известно?

– Вам тоже. Стоит только подумать. Кстати, Солженицын так и говорил: «Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни – но выйти на бой». Понимать назначение художника и попасть в капкан! У Кондолизы Райс этот лозунг висел в кабинете. Почти «Кто не с нами, тот против нас». А против – полмира. Следующий шаг – именная пуля. Этой половине. Узнаёте революционных барышень семнадцатого? У них тоже в мыслях не было лагерей. А наших Болотных? Чудовище неуправляемо. Стоит только призвать к удовольствию! Пусть даже в радости свободы, которой на самом деле нет. Лишь опьянение. И пообещать тем, кому удовольствие «Лазурного берега» не досталось. Воткнуть нож в спину. Ну, а похмелье – слишком знакомое русским чувство.

– Недоброе у вас отношение к Александру Исаевичу, ох, недоброе. То в пример ставите, то «именная пуля».

– Ничего не поделаешь, был соткан из противоречий. Путался.

– А ваше, значит, мировоззрение как кристаллическая решётка? Понятна и стройна? Изъян не допускается?

– Увы. Ваш покорный слуга также соткан.

– Почему же считаете, что ему только показалась будущая работа красоты? Ну, за истину и добро.

– Во-первых, я не люблю чьей бы то ни было «будущей», обещанной, и кем-то, работы на благо человека. И понимаю неприятие Достоевским чьего-то будущего счастья ценой страданий нашего поколения. А во-вторых, мне тоже порой, как и Солженицыну, *что-то* кажется, но совсем другое. Вам – может померещиться своё. Но это не повод следовать и соглашаться.

– Так вы-то предлагаете следовать и соглашаться с вашими соображениями, именно с вашими, – недовольно буркнул Меркулов.

– Нет, с соображениями человека, сидящего передо мной. Просто они у нас похожи. Это видно из ваших постановок.

– Ого! Значит, перед вами все-таки не безумец! Спасибо за оценку. – Режиссёр с силой вдавил сигарету в стеклянную пепельницу. – А вам не кажется, что излишняя категоричность не только мешает, но и порой прямо подталкивает человека к неразумным поступкам? – Он посерьёзней. – Что это такой же вред, с такими же последствиями, о которых вы рассуждаете?

– Согласен. Но как быть с королями? Вернемся к Толстому – пятнадцатый том полного собрания, – с этими словами Сергей неожиданно достал ещё одну книгу.

– Вы, я смотрю, серьёзно готовились? – снова с хитринкой глянув на него, произнёс собеседник.

Неожиданно что-то звякнуло. Сергей наклонился и, подняв с пола маленькую литографию, положил на стол.

– Тютчев, – невозмутимо заметил режиссёр. —

У моей бабушки была такая же. Воспоминания детства.

– Толстой принципиально разделял понятия «красота» и «добро». А значит, «добро» и «удовольствие», – листая книгу и делая вид, что не обратил внимания на реплику, продолжал Сергей. – Говорил, что у древних греков они сливались. Отличие было нечётким. Даже было слово, несущее оба значения сразу, объединяющее, так сказать. С появлением же христианства их смысл стал расходиться, о чём он и писал в одной из статей, вот, послушайте: «Красота – это то, что нам нравится... Понятие красоты не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему, так как добро большею частью совпадает с победой над пристрастиями. Красота же есть основание всех наших пристрастий. Чем больше мы отдаёмся красоте, тем *больше отдаляемся от добра*. Нравственная же или духовная красота – лишь игра слов, потому что это и есть не что иное, как добро». – Сергей закрыл книгу. – Должен вас разочаровать – красота не спасёт мир. И сегодня снова стирается их незримая граница, люди перестают отличать. Процесс пошел вспять, и злые карлики истошно зывают на всех площадях: «Считайте красивое обязательно добрым, а удовольствие – полезным для души! И будете в мире с собой. Ведь вы этого достойны!». Страшно, – грустно добавил он.

– Опять карлики? – хозяин кабинета с недоумённой улыбкой глянул на гостя.

– Они. Узнаёте в лицах? Именно пристрастие к идеям кумиров, каждые десять лет всё новых и новых, стремление быть частью стада, пусть небольшого, и подчиняться имени на слуху, пристрастие к «объявленным» творениям и есть главная беда человека. Во все века. Да что там «быть частью» – гордиться этим и глубокомысленно рассуждать о достоинствах! Достоинствах картин-пустышек, книг с абсолютно чистыми, если присмотреться, страницами, фильмов и постановок, где их непонимание зрителем лишь цель, добавляющая стоимость.

Меркулов вдруг посерьёзnel:

– Вы что же... хотите сказать, что у Шекспира нет грани между добром и злом?

– Полная путаница. Как будто жил на полторы тысячи лет раньше. Более того, и задачи-то такой не ставил. В голову не приходило. Фарш эмоций под названием «страсть»! Людей с искорёженным, больным духом. Главный мотив – ненависть, пусть и к злодеям. Мщение. Обида на женщину. А потом убивать. Даже тех, кто случайно на пути к «высокой» цели. Желательно побольше. Собственной рукой. Такой «справедливостью» инфицировались многие. Но ложь не скрыть красотой рифм, которые так любят цитировать ваши коллеги. Крупица Гамлета vsажена и в тех, кто вёл справедливые войны, в тех, кто убивал диктаторов, посылая за это умирать других. Заслуга Шекспира в этом неоспорима. Неужели верх добродетели? Где же христианство? Разве как явление оно тогда не существовало? Ну, наберитесь мужества. Согласитесь, для него оно было пустым звуком.

Гость замолчал. Меркулов тоже задумался.

– Может, вы где-то и правы, – режиссёр всё ещё оставался серьёзным. – Ведь и Шекспира возвёл на пьедестал Гёте. Совсем недавно. Известный факт. А до него никто о нём не знал. И не одно столетие. Просто так от этого не отмахнуться... Здесь согласен. Не одни же глупцы жили до великого немца? Понятно, обычно признание следует после кончины. Даже как-то принято. Но пять веков спустя... Почти! Похоже на объявление с мотивом. Только каким? – Он испытующе посмотрел на Сергея.

– Вопрос достаточно изучен. Гёте сделал это в отместку французам, которые доминировали на театральной сцене в то время. А в Германии драматургия и вовсе отсутствовала. Если бы не Гёте, остался бы англичанин втуне, как, к примеру, Коцебу Август, немецкий драматург, автор более двухсот пьес, имевших в своё время большой успех.

– Я так глубоко не интересовался. А вы... хотите сказать...

– Именно! Если я не прав, то несколько столетий сотни выдающихся людей того времени, как вы правильно заметили, были слепы и глухи. Или общество состояло из одних дураков. Следует такое признать, если, конечно, Шекспир не мыльный пузырь. Знаменитая британская актриса Хелен Миррен вообще высказалась прямо: «Если ты играешь Шекспира, люди считают тебя умной, потому что думают, что ты понимаешь, о чём говоришь». Редкая искренность по отношению к одуроченным. – Сергей усмехнулся. – Но и даже это не главное. – Несколько секунд он шевелил губами, задумавшись, и, словно подводя итог размышлениям, произнёс: – А теперь назовите пьесы шедевром!

Затем поднялся со стула, подошёл к окну и стал спиной к озадаченному Меркулову.

– Нет, крикните на весь мир. – Палец уткнулся в стекло. – Сбейте с пути ещё несколько миллионов. Ваши коллеги по цеху преуспели в этом.

– Так думаете, ставить надо пьесы...

– Только те, где актёр играет самого себя. Если видит *себя* в герое. – Он повернулся. – Только тогда частицу своего тепла, если, конечно, имеет, сможет передать другим. Но у большинства его просто нет. Отдавать нечего. Потому и ценится способность перевоплощения. Возведена в ранг главной задачи! Я имею в виду вас и коллег. И убеждаете, и добиваетесь только этого. Знаете, как уговаривают на самоубийство? Приём тот же. Подонок играет добродетель, что запрещено! Как бы ни вывернул душу!

– То есть добряк играет добряка, а злодей – злодея? – перебил Меркулов.

– В точку! Герой и образ должны совпадать! Станиславский забыл вписать в «систему» финал! А может, не решился, когда осознал логическое завершение. «Материала не хватало» – вполне подходящее для него выражение.

– Однако с примерами будет туго.

– Но есть. Вот Алентова. Играет даже не про себя, а просто себя. Удивительный дар не замечать, что под ногами уже не мостовая, а сцена.

– А не говорят ли сейчас личные предпочтения?

– Отнюдь. Мне не нравятся резкие женщины. Что-то в семи буквах теряется. И потом, за такой дар надо платить. Ведь легко не заметить и обратное.

– Ну не всем же обладать... – собеседник снова поднял брови, обозначив привычку выражать сарказм и таким образом.

– Обладающие есть. К примеру, Збруев, Тихонов. Достаточно.

– В чём же их удивительность? Если там – удивительный дар.

– А вы бываете злы, Василий Иванович. – Сергей нахмурился. – Редчайший случай, когда актёры шагнули на сцену не за успехом. И с молодости не выговаривали слово «интрига». Высший пилотаж. Как у Рождественского в поэзии. Полное отсутствие даже лёгкой дешёвизны. Покруче «табаковых» вместе взятых.

– Добавляйте: «по моему мнению». – На этот раз хозяин кабинета улыбнулся. – Чем же последний-то не угодил?

Да кто ж сказал? Прекрасный актёр. Всегда чувствовал момент, когда нужно было сыграть. И по моему мнению, конечно... Но, замечу, если бы Николаев писал только музыку, его песни жили бы дольше, – гость щёлкнул языком, – оставьте жадность «Парамоше». Так вот, без финала система... С тех пор и лжём. Автор – страницам, которые не отдают людям, а забирают у них. То есть отнимает, зная о лжи, притворяясь. Узнаёте перевоплощение? Актёр – игре. Постановщик – зрителю. Впрочем, не с тех самых пор, Пелевин усмотрел.

– «Чапаев и Пустота»?

– Уж не в «знатоках» ли играли по молодости? Опять угадали, Василий Иванович. Актёр-старик может сыграть себя вечером, но семидесятилетнего худрука и днём – упаси господь. Вот уж впору – дорогу молодым. Жёнам. Их притязания по-прежнему тяжёлый молот. Только кто не понял, о чём книга, после первых двух слов на обложке, может не читать.

– А вы поняли?

– Без сомнения. Потому как издана давно и под другими названиями. А заглавная буква для несмышлёных.

– Под какими названиями?

– «Станиславский и система», «Шекспир и драма», «Шилов и живопись». «Жизнь и успех», наконец. Полно... Ладно, – Сергей махнул рукой, – к комдиву ещё вернёмся.

– Ну, вот и актёров приговорили.

– Не всех. И не только. К примеру, один известный певец лжёт женщинам прекрасными песнями, а в перерывах бьёт их по лицу. «Живописцев» и киношных даже трогать не будем. А вот актеры... многие давно играют себя. Кто-то не может выполнить ваши требования, а кто-то, подозреваю, понимает, что «Не верю!» – не возглас, а вопль, и не протянутая рука, а удар в спину. Но опасаются говорить об этом. Изгоем быть не хочет никто. «Я уже здесь, в пропасти, – кричит большинство, – где можно жить не своей жизнью. Распиная не себя, а кого-то. Давай и ты!». Зловещий призыв. Потому что они понимают свою ложь. Согласитесь, трудно представить многих в старшем поколении в перевоплощениях – Миронова, Евстигнеева, Ефремова и, конечно, Бондарчука, Тихонова, Сокурова, разве всех перечислишь? Да и сегодняшних – Мешкова с Бероевым, североморца Пускепалиса и очнувшегося Дюжева. Понимание позволяет им жить. Жить за себя. Играть только себя. А вот это уже иное требование, и не ваше, а Его, – не поднимая глаз, он показал на потолок. – Думаю, не только Дюжев сознаёт, сколько пацанов накосила популярность известного сериала. Скольких матерей сделала несчастными. Но очнулся.

– Я не ослышался? Сокурова?

– Именно так. Идеальный актёр... абсолютный слух к себе. И роль великая – создание фильмов-страданий, фильмов-сожаления. Боли за слепоту человеческую. Даже ошибки дороги душе художника. Это вам не Гамлет с его поисками оправдания мести. Здесь книга из другой, той библиотеки. – Он кивнул головой вверх. – «Сокуров и совесть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.